

ISSN 2414-5815

ПРАВОВОЕ ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

научно-практический журнал

№4(12)

2018

Витебск

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год
Издается с января 2015 года

2018 № 4(12)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
А.В. Егоров

Редакционная коллегия:
В.В. Богатырева (зам. главного редактора),
В.Н. Бибило, С.Л. Богомаз,
А.А. Бочков, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
Д.М. Демичев, А.Г. Егорова,
В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косарева, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.Ф. Трацевская,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:
Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахменок (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.А. Моляко (Украина),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
Московский пр-т, 33,
210038, г. Витебск, Беларусь
Тел.: +375 (212) 58-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Подписано в печать 11.12.2018 г.
Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 10,41.
Тираж 100 экз. Заказ 173.

Издатель и полиграфическое исполнение –
учреждение образования «Витебский
государственный университет имени
П.М. Машерова». 210038, г. Витебск,
Московский проспект, 33.

Свидетельство о государственной
регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/255 от 31.03.2014 г.

П Р А В О

- Николичев Д.Н.** Реализация идеи управленческого представительства в системе норм и институтов представительского типа 3
- Маркина Н.А.** Генезис законодательства в области обращения с отходами 13
- Шеленговский П.Г.** Авторское право: правовые основы современной защиты 17
- Егорова А.Г.** Толкование в применении иностранного права 23

Э К О Н О М И К А

- Забродская Н.Г., Липницкий Л.А.** Моделирование развития лесного комплекса Республики Беларусь 28
- Мелешко Ю.В.** Сектор услуг промышленного характера в Республике Беларусь: динамика структуры и внешней торговли 36
- Голикова А.С.** Формирование исходных данных для оценки бюджетной эффективности государственного финансового участия в реализации инвестиционных проектов 47

П С И Х О Л О Г И Я

- Лозовский А.В.** Семантика понятия «провокация» и его производных в русскоязычной и англоязычной психологической литературе 55
- Данилова Ж.Л., Каратерзи В.А., Поташева Ю.Л.** Симптоматика профессионального выгорания проводников пассажирских вагонов со стажем работы 5–7 лет 60
- Фурманов И.А.** Взаимосвязь стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность в романтических и супружеских отношениях 64
- Ванченко Л.В.** Особенности психологического обеспечения системы управления персоналом на железнодорожном транспорте: этапы внедрения 74
- Фролова Ю.Г., Рудинская Д.В.** Описание художественных картин индивидами с шизоидными акцентуациями личности 82
- Богомаз С.Л., Тимофеенко Е.С.** Особенности развития структурных компонентов «образа Я» в период адаптации детей к условиям обучения в школе 88
- Кухтова Н.В.** Преобладающий тип просоциального поведения в помогающей профессиональной деятельности специалистов 92

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year
Published since January 2015

2018 № 4(12)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”

Editor-in-Chief:
A.V. Egorov

Editorial Board:

V.V. Bogatyreva (Deputy Editor-in-Chief),
V.N. Bibilo, S.L. Bogomaz,
A.A. Bochkov, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
D.M. Demichev, A.G. Egorova,
V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.F. Tratsevskaya,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva,

Editorial Council:

T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
Yu.N. Karandashev (Poland),
T.V. Senko (Poland),
V.A. Moliako (Ukraine),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
“Law. Economics. Psychology”
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:

33 Moskovsky Prospect,
210038 Vitebsk, Belarus
Tel.: +375 (212) 58-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Signed print 11.12.2018. Size 60x84/8.
Offset paper. Conventional printed
sheet 11,63. Publisher's sheet 10,41.
Circulation 100 copies. Order 173.

Publisher and printing performance –
educational establishment “Vitebsk State
P.M. Masherov University”. 33, Moskovsky
Prospect, 210038, Vitebsk.

Certificate of state registration as a publisher,
manufacturer, distributor of publications
№ 1/255, 31.03.2014.

L A W

Nikolichiev D.N. Implementation of the Idea of Management Representation in the System of Norms and Institutions of the Representative Type	3
Markina N.A. Genesis of Legislation in the Field of Waste Management	13
Shelengovsky P.G. Copyright: Legal Bases of Contemporary Protection	17
Egorova A.G. Interpretation in the Enforcement of Eoreign law	23

E C O N O M I C S

Zabrodskaya N.G., Lipnitski L.A. Modeling of the Development of the Forest Complex of the Republic of Belarus	28
Meleshko Yu.V. Industrial Services in the Republic of Belarus: Structure and Foreign Trade Dynamics	36
Golikava H.S. Source Data Formation for Budget Efficiency Assessment of State Financial Involvement in Investment Project Implementation	47

P S Y C H O L O G Y

Lazouski A.V. The Semantics of the Concept of Provocation and its Derivatives in the Russian Language and English Language Psychological Literature	55
Danilova Zh.L., Karaterzi V.A., Potasheva Yu.L. Symptoms of Professional Exhaustion of Passenger Train Attendants with 5–7 Year Work Record	60
Fourmanov I.A. Relations of Attachment Styles and Communicative Reactions to Jealousy in Romantic and Marital Relations	64
Vanchenko L.V. Features of Psychological Support of Personnel Management in Railway Transport: Stages of Implementation	74
Frolova Y.G., Rudinskaya D.V. Descriptions of Paintings by Schizoid Individuals	82
Bogomaz S.L., Timofeyenko E.S. CFeatures of the Development of Structural Components of “Me-Image” during Children’s Adaptation to the Conditions of Schools	88
Kukhtova N.V. Predominant Type of Pro-Social Behavior in Helping Professional Activity of Specialists	92

Реализация идеи управленческого представительства в системе норм и институтов представительского типа

Николичев Д.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Гражданский кодекс Республики Беларусь предусматривает различные юридические формы участия третьих лиц в делах собственника, регулируя таким образом область отношений представительского типа. Указывая на возможности поверенного, комиссионера, доверительного управляющего, исполнителя завещания и др., законодательство не содержит на этот случай обобщенной нормы, закрепляющей формулу (факт) поведения лица, обладающего на основании законодательства, договора и иной сделки полномочиями (правомочиями) своей волей и по своему усмотрению принимать юридически значимые решения в чужом интересе, что порождает конфликт, который нуждается в обособленном правовом регулировании, как и само отношение.

Цель статьи – теоретико-прикладной анализ правового регулирования отношений представительского типа на предмет оформления обобщенной нормы, закрепляющей свободу усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица.

Материал и методы. В качестве материала исследования выступили законодательство Республики Беларусь, специальная научная и методологическая литература, правоприменительная практика, отражающая современные коллизии в развитии отношений представительского типа. При подготовке статьи были использованы следующие методы научного познания: диалектический, системного анализа, историко-правовой, формально-юридический, аналитико-критический.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматривается проблема определения и урегулирования общей для институтов представительского типа области отношений – управленческого представительства. Обоснованы свойства и связи, указывающие на необходимость дополнительного (специального) правового регулирования деятельности уполномоченного (управомоченного) лица, обладающего возможностью своей волей и по своему усмотрению принимать юридически решение в интересе представляемых ими лиц.

Заключение. Определены понятие, характеризующее отношение управленческого представительства, его субинституциональное значение в системе норм и институтов представительского типа. Внесены практические предложения по нормированию в действующем законодательстве факта обладания уполномоченным (управомоченным) лицом свободой усмотрения, а также условия распространения таких правил на типичные отношения.

Ключевые слова: представительство, поручение, полномочие, правомочие, свобода усмотрения, управленческое представительство.

Implementation of the Idea of Management Representation in the System of Norms and Institutions of the Representative Type

Nikolichev D.N.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masharov University"

The Civil Code of the Republic of Belarus envisages different legal forms of the third people's participation in the owner's business by regulating the field of representative type relations. By indicating the attorney, the commissioner, the trustee, the testament performer etc. the legislation does not contain a general norm which fixes the formula (fact) of the behavior of the person, who possesses according to the legislation, contract of another bargain the rights to take legally significant decisions in somebody else's interest by his will and on the basis of the legislation, which causes conflict that needs to be specially legally regulated.

The purpose of the article is theoretical and applied analysis of legal regulation of the representative type relations in view of shaping a general norm which fixes the freedom of discretion in the authorized person's actions.

Material and methods. Legislation of the Republic of Belarus, special scientific and methodological literature, law enforcement practice, which reflects contemporary collisions in the development of the representative type relations, were used as the research material. The following methods of scientific cognition were used: the dialectical, the system analysis, the historical and legal, the formal and legal, the analytical and critical.

Findings and their discussion. The issue of the definition and the regulation of the general for representative type institutions area of relations, management representation, is considered in the article. Features and connections, which indicate the necessity in the additional (special) legal regulation of the actions of the authorized person, who possesses the possibility by his will to make legal decision in the interests of the person he represents, are substantiated.

Conclusion. The concept which characterizes the relation of the management representation, its subinstitutional purpose in the system of norms and institutions of the representative type is identified, Practical propositions on normatization in the acting legislation of the fact of the authorized person's possession of the freedom of discretion as well as conditions of the spreading of these rules onto typical relations are presented.

Key words: representation, charge, authority, warrant, freedom of discretion, management representation.

Практическая реализация свободы усмотрения как возможность лица самостоятельно принимать юридически значимые решения является основой осуществления гражданских прав. На данный аспект ориентированы принципиальные положения, закрепленные в ст. 8 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее ГК) [1]. Действующее законодательство предусматривает различные юридические формы участия третьих лиц в делах собственника, регулируя таким образом область отношений представительского типа. Наделенное полномочием (правомочием) лицо может представлять интересы, участвуя в гражданском обороте как от имени представляемого (непосредственно), так и от своего имени (опосредованно), что находит отражение в форме выдачи доверенности, заключении договора поручения, комиссии, доверительного управления имуществом, деятельности исполнителя завещания и др.

Возможность уполномоченного (управомоченного) лица принимать решение по своему усмотрению получила в практике отношений представительского типа широкое распространение. Свидетельством этому являются содержание выдаваемых доверенностей, условия договоров поручения, комиссии, доверительного управления и др. Так, в рамках доверенности представляемый при сделке с жилым помещением уполномочил поверенного «уплачивать и получать следуемые мне суммы денег, заключать договор купли-продажи, предварительный договор, договор задатка, определяя по своему усмотрению...». В других случаях свобода усмотрения в деятельности поверенного была сформулирована как возможность «определять любые условия заключения сделок с имуществом доверителя, в том числе цену и сроки сделки», «право покупать, продавать, дарить, принимать наследство, денежные средства, оформлять куплю-продажу, кредитные займы, принимать в залог строения и другое имущество». Во исполнение договора комиссии комитент поручил комиссионеру «заключать гражданско-правовые договоры, связанные со строительством объекта, в том числе предварительные и основные договоры купли-продажи изолированных жилых помещений». Оформляя договор поручения, поверенному было предоставлено «право распоряжаться принадлежащим на праве собственности жилым домом и земельным участком». Доверительный управляющий обладал практически неограниченными возможностями в отношении имущества доверителя: «управлять и распоряжаться всем принадлежащим доверителю имуществом, в том числе заключать сделки, получать деньги, распоряжаться всеми счетами...». Приведенные вы-

держки, взятые непосредственно из практики заключения и исполнения договорных обязательств иных сделок, остались бы без внимания, если бы не стали предметом судебных споров по заявлению потерпевшей стороны – представляемого.

В законодательстве, как правило, без надлежащего юридического обеспечения используются оценочные категории, допускающие возможность усмотрения в деятельности лица по исполнению поручения: «в соответствии с обычно предъявляемыми требованиями», «добросовестно и разумно», «в соответствии с обычаями гражданского оборота», «разумный срок», «должной заботливостью», «на выгодных условиях» и т.п. При всем различии и своеобразии институтов представительского типа на одной юридической основе формируется степень свободы усмотрения уполномоченного (управомоченного) лица: осуществление прав и исполнение обязанностей с целью создания правовых последствий для представляемого.

Указывая на возможности поверенного, комиссионера, доверительного управляющего, исполнителя завещания и др., законодательство не предусматривает на этот случай обобщенной нормы, закрепляющей формулу (факт) поведения лица, обладающего на основании законодательства, договора и иной сделки полномочиями (правомочиями) своей волей и по своему усмотрению принимать решения в чужом интересе, что порождает конфликт интересов, который нуждается в обособленном правовом регулировании, как и само отношение. Недооценка существующего явления, свободы усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица и негативные последствия для представляемого создают проблемы для приведения в действие механизма, включающего возможные способы защиты прав и интересов лица, выдавшего полномочие (правомочие) и поручение.

Целью статьи является теоретико-прикладной анализ правового регулирования отношений представительского типа на предмет оформления обобщенной нормы, закрепляющей свободу усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица.

Материал и методы. В качестве материала исследования выступили законодательство Республики Беларусь, специальная научная и методологическая литература, правоприменительная практика, отражающая современные коллизии в развитии отношений представительского типа. При подготовке статьи были использованы следующие методы научного познания: диалектический, системного анализа, историко-правовой, формально-юридический, аналитико-критический.

Результаты и их обсуждение. Традиционно в науке гражданского права понятие «пред-

ставительство» рассматривается в широком и узком смысле. Исходное направление имеет как своих сторонников, так и противников. Первые апеллируют к общим для отношения признакам: «действие представителя в чужом имущественном интересе», «представитель действует за счет представляемого», «существо отношения представительства – сфера оказания услуг». Исходные позиции в разной степени обоснованы в работах Л.А. Аксенчук, Ю.В. Байгушевой, М.И. Брагинского, Н.О. Нерсесова Е.И. Орешина, Л.В. Санниковой, Г.Ф. Шершеневича. Иная аргументация высказана В.И. Синайским, О.С. Иоффе и др., которые объясняют свою точку зрения, апеллируя к законодательству, признающему представительство исключительно в узком смысле, где представителем является только то лицо, которое действует от имени представляемого.

Следует высказать суждение в поддержку тех ученых-юристов, которые исследуя различные подходы в области унификации отношений представительского типа, аргументируют свою точку зрения ссылкой на существо отношения. Институты прямого и косвенного представительства имеют одинаковое назначение – посредством действия одного лица создать права и обязанности у другого, при этом такие действия всегда осуществляются в чужом интересе. Так, еще в период формирования института представительства, по признаку, от чьего имени действует уполномоченное лицо, в пользу существования прямого и косвенного представительства сформировалась определенная научная база. Ученые не оставили без юридического объяснения различные формы участия третьих лиц в делах представляемого. Отдавая отчет всесторонности научного подхода, в сферу обсуждения входили вопросы, связанные с формированием границ свободы усмотрения, объема полномочий представителя, их практической реализацией.

Так, Л.Н. Казанцев в своей работе «Учение о представительстве в гражданском праве: Понятие представительства» подчеркивает позицию В. Шлимана, который наряду со свободой усмотрения, волей посредствующего лица указывает на его самостоятельность, вступая в сделки с третьими лицами [2, с. 26]. Ученые видели назначение института в создании правовых последствий в лице представляемого независимо от того, вступает в отношение с третьими лицами представитель сам или от имени представляемого. В результате возникшая дискуссия по признаку внешней связи привела к выделению косвенного «одностороннего» представительства – и полного представительства. При полном представительстве связь представителя и представляемого для третьего лица видима, при одностороннем представи-

тельстве такая связь для третьего лица скрыта [3, с. 20]. Несмотря на внутреннее существенное различие, писал О.А. Гордон, не следует этот способ юридической деятельности одного лица в интересе другого совершенно исключать из состава представительства [3, с. 22, 35].

Ученые немецкой школы Р. Иеринг, Т. Арндтсон, российский исследователь О.А. Гордон выделяли в качестве скрытых представителей таких лиц, как наместник, управляющий. Эти посредствующие лица обладали наибольшей степенью самостоятельности в делах представляемого. Критикуя позицию коллег, Л.Н. Казанцев писал, что они дошли до крайности при определении представительского отношения – «на чье имя совершается сделка» [2, с. 54]. Однако и сам ученый указывает на практическую целесообразность признания косвенного представительства (скрыть свое имя при покупке-продаже...), что было положено в основу законодательства, регулирующего комиссионную торговлю [2, с. 65], а также в деятельности посредствующего лица от своего имени и за счет приказчика [2, с. 73]. Не поддерживая деление представительства на прямое и косвенное, Л.Н. Казанцев, тем не менее, использует типологию как прием для сравнения институтов. Ученый выделил общую черту – создать последствия для другого за счет другого [2, с. 50] – и различие в лице представителя, который в одном случае действует от имени представляемого, а в другом – от своего имени [2, с. 51–52].

Л.С. Таль, рассуждая о договоре поручения, отмечал, «что многие законодательные положения, регулирующие договор поручения, не являются исключительно специфичными только для этого договора, а напротив, характерны для любых типов договоров, предусматривающих действие в чужом интересе» [4, с. 12–13].

Результат дискуссии имел как научное, так и практическое значение, получив свое закрепление в специальной статье проекта Гражданского уложения (ст. 2045 гл. XII) [5]. Статья предусматривала деятельность уполномоченных лиц по управлению имением, домом, хозяйством, фабрикой, иным имуществом или торговым, промышленным предприятием. Такие лица были уполномочены на совершение любых действий, необходимых для исполнения ими своих обязанностей в соответствии с поручением.

Позже по этому вопросу высказался известный цивилист О.С. Иоффе: «Напротив, материальные отношения, лежащие в основе договоров поручения и комиссии, ничем друг от друга не отличаются: и там и здесь они связаны с осуществлением или приобретением прав и обязанностей одним лицом для другого. Но если первое не выступает от имени второго, нет договора поруче-

ния, а если осуществляющий чужие права и обязанности не выступает от собственного имени, не будет договора комиссии. Следовательно, и названные договоры образуют самостоятельные договорные типы, но уже в результате разнородности не опосредствуемых ими материальных отношений, а существенных условий, объективно необходимых для формирования каждого из этих договоров» [6, с. 23].

Современные точки зрения ученых на предмет прямого и косвенного представительства также не однородны. Как пишет Л.В. Санникова, «вряд ли было бы правильным расценивать законодательные установления как препятствия для выработки более широкого по объему доктринального понятия представительства» [7, с. 55]. В свою очередь Е.И. Орешин предлагает рассматривать представительство в широком смысле, в которое входит не только прямое представительство (представительство в узком смысле), но и косвенное [8, с. 6]. Аналогичные предложения содержатся в диссертационной работе Е.В. Бабкиной [9, с. 7] и др.

На родовой признак представительства обращает внимание и В.К. Андреев, указывая, что «в пределах системы гражданского права является приобретение и осуществление гражданских прав и обязанностей при помощи третьих лиц», видовым признаком ученый называет «совершение сделок и иных юридических действий от имени представляемого в пределах полномочий» [10, с. 20].

Научная дискуссия по вопросам типологии отношений представительства, касающаяся различия и общности институтов, указывает не только на историческую, но и сущностную связь в описании свойств, присущих особой области отношений представительства – управленческого представительства, выделяемой по признаку свободы усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица. Преимущество, основанная на теоретических представлениях ученых, следует из опыта формирования законодательства, а также современных тенденций в этой области. Идея управленческого представительства находит отражение в работе И.И. Веленто и В.С. Елисеева «Теория экономического права». Ученые отмечают: «Если в обычном представительском договоре речь идет о конкретных обязанностях на совершение тех или иных действий, то в управленческом представительстве передаются хозяйственные возможности по владению, пользованию и распоряжению имуществом собственника (опосредованного собственника)» [11, с. 211–212].

Обзор взглядов на формирование отношений представительства, понимание представительства в его узком и широком значении по признаку действия лица в чужом интересе по поручению позволяют сделать следующее заключение.

Юридическое обоснование представительства ученые связывали с особенностью правового положения лица, действующего по поручению в чужом интересе, а индивидуализацию по внешней стороне: действовал представитель от своего или имени представляемого. Возможно выделить основные признаки, характерные для отношений представительского типа в целом:

- действие уполномоченного (управомоченного) лица в чужом интересе;
- назначение – создать правовые последствия для представляемого, независимо, от чьего имени действует представитель;
- различная степень свободы в действиях посредствующего лица при оформлении отношений с третьими лицами в интересе представляемого;
- посредствующее лицо выражает свою волю в определенной форме по отношению к третьему лицу, которая может быть абсолютно определенной, относительно определенной и определенной по усмотрению уполномоченного лица.

Если первые два свойства традиционны, то выделенные последующие два содержательно подчеркивают относительную взаимосвязь отношений представительского типа и особой области отношений – управленческого представительства, где уполномоченное (управомоченное) лицо, действуя в чужом интересе, обладает возможностью принимать решение по своему усмотрению.

В свое время, для того чтобы показать разницу между представителем и передатчиком чужой воли (нунцием), были потрачены значительные усилия, результатом которых стал образ прямого и косвенного представительства. *Сегодня для реализации идеи управленческого представительства необходимо показать общность институтов представительского типа.*

Несмотря на то, что каждая из групп отношений (прямое и косвенное представительство) обладает специфическими признаками, а каждый в отдельности вид обеспечивается особым юридическим режимом, отношениям представительского типа и управленческому представительству свойственны некоторые общие моменты, связанные не только с действием лица в чужом интересе. Объяснить место управленческого представительства в этой системе возможно, обратившись к законам диалектики, раскрывающим взаимосвязь явлений, когда стороны единого целого выступают противоположностями, которые одновременно находятся в состоянии взаимосвязи и взаимообусловленности. Иначе говоря, управленческое представительство (по признаку свободы усмотрения), служащее частью каждого из видов представительства, есть явление общее, а по отношению к деятельности лица в чужом интересе (тип) – явление частное.

Элемент свободы усмотрения в деятельности одного лица по поручению другого позволил в свое время ученым раскрыть сущность отношений представительства, многообразие его видов. Как в прямом, так и в косвенном представительстве лицо может действовать в чужом интересе, обладая различной степенью свободы усмотрения, в результате коллизии разворачиваются вокруг юридического эффекта сделок, совершенных таким лицом вопреки интересам представляемого (поверенного, комитента, вверителя и др.). Сегодня вопрос урегулирования свободы усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица – это необходимость решения конфликта интересов сторон, участников отношений представительского типа. Определение формулы свободы усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица относительно видов прямого и косвенного представительства позволит обеспечить баланс интересов участников правового отношения.

В научной литературе особенность видового разнообразия отношений представительского типа раскрывается через содержание таких юридически значимых элементов, как поручение, полномочие, правомочие, действие представителя. Указывая на внутреннюю и внешнюю стороны одного явления, исходные понятия корректируют представление о том, каким образом основная черта управленческого представительства – свобода усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица, проявляет себя в структурных элементах представительского отношения. Решение этой задачи позволит вывести формулу свободы усмотрения уполномоченного (управомоченного) лица в отношениях представительского типа.

В толковом словаре русского языка, раскрывающем значение слова «представитель», такое лицо связывается с действием по поручению: «это лицо, которое действует по чьему-нибудь поручению» [12]. Одно из значений термина «поручение» в толковом словаре Д.Н. Ушакова определяется, как «вменить в обязанность, возложить на кого-нибудь исполнение какого-нибудь дела» [13]. Исходное значение не противоречит юридическому и может служить в качестве объединяющего для прямого и косвенного представительства. Следует согласиться с констатацией того, что поручение как социально-правовое явление несмотря на его широкое применение в законодательстве остается малоисследованным [14, с. 15–16]. И тем не менее юридическое содержание этого вопроса не оставлено без внимания учеными-юристами. Поручение как элемент внутреннего отношения представительства обычно рассматривается исследователями в неразрывной связи с полномочием и, как правило, не рас-

крывается [3, с. 51–52]. Причиной этому является эффект представительства, когда для третьих лиц юридическое значение имеет не столько поручение, сколько полномочие, его пределы, объем. Внутреннее отношение констатируется учеными как делегирующее правоотношение, порождающее полномочие и обязанность представляемого принять на себя правовые последствия действий представителя [15, с. 73]. Более конкретно эту мысль формулирует Ю.С. Харитонов: «Полномочие в частноправовом смысле можно представить как поручение соответствующему лицу, что он должен сделать на данном месте» [16, с. 139].

Стирание грани между поручением и полномочием, в основании деятельности лица в чужом интересе, не учитывает существа взаимосвязи и взаимообусловленности этих двух понятий. Такой подход не охватывает всех сторон причинно-следственной связи возможного конфликта интересов. Как показала практика, причина конфликта не в том, что полномочие не представлялось, а в результате исполнения поручения на основании и в объеме представленных полномочий, однако в ущерб интересам представляемого.

Оценивая такой результат, на наш взгляд, более убедительной является точка зрения тех ученых, которые придают самостоятельное значение поручению как предмету будущих действий уполномоченного (управомоченного) лица. Содержание поручения позволяет оценить не только круг юридических действий, сделок, доверяемых уполномоченному лицу, но и необходимый для этого объем полномочий, а в целом наличие или отсутствие свободы усмотрения в поведении представителя. По справедливому замечанию А.О. Гордона в адрес Н.О. Нерсесова, эти стороны представительства должны быть отличаемы, но не отождествляемы [3, с. 50]. Обращал на это внимание при работе над проектом Гражданского уложения и Л.С. Таль. Ученый указывал, что договор поручения смешивался с выдачей полномочия, а следовательно, необходимо разграничивать понятия «поручение» и «выдача полномочий» [4, с. 55]. На необходимость отличать полномочие и поручение уже на современном этапе исследований обращали внимание В.А. Рясенцев [17, с. 81], Е.А. Суханов [18], М.И. Брагинский [19].

В отличие от поручения, характеристика полномочия представлена в научной литературе многообразием взглядов. Так, проводя сравнение полномочия и поручения в представительстве, А.О. Гордон указывал: «Объем полномочия представителя, т.е. право его уполномочивать и обязывать лицо представляемое» [3, с. 49]. «Полномочие представителя подходит под понятие прав, имеющих своим содержанием изменение права», – такая позиция Л. Эннексеруса [20, с. 249]. А.А. Евец-

кий придерживался аналогичной точки зрения на полномочие как право представителя [21, с. 14]. Г.Ф. Шершеневич предлагал определить полномочие как круг сделок, разрешенных представителю [22]. Подобный подход разделялся не всеми. Иная точка зрения на полномочие видится во взглядах Н.О. Нерсесова, который понимал под полномочием указание на власть представителя непосредственно управомочивать или обязывать самого принципала своими сделками с третьими лицами [23]. О.С. Иоффе трактовал полномочие представителя как «юридический факт, определяющий границы присоединения к правоспособности представляемого [24, с. 221]. «Проявлением гражданской правоспособности» называет правомочие представителя В.А. Рясенцев [17, с. 87]. Полномочие как «организационное субъективное право представителя на совершение от имени и в интересах представляемого определенных юридических действий...» рассматривается Е.Л. Невзгодиной [25, с. 83].

Принципиально все направления указывают на элемент возможности в полномочиях представителя. Полагаем, что изложенные позиции цивилистов на существо полномочий представителя заслуживают внимания, но требуют для целей характеристики полномочий (правомочий) лица в режиме управленческого представительства дополнительной аргументации через призму институтов косвенного представительства.

Исследуя договор комиссии, ученые указывают на ряд черт, объединяющих отношение прямого и косвенного представительства. В первую очередь, это построение структуры межсубъектных связей, где имеет место и внутреннее, и внешнее отношение. Проследивая такую взаимосвязь, Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «на внешней стороне, в сделках с третьими лицами, комиссионер представляется совершенно самостоятельным торговым деятелем. Напротив, на внутренней стороне, в отношении комитента, комиссионер является только исполнителем его поручения, стоит в зависимости от данных ему инструкций. На внешней стороне комиссионер чаще всего купец, на внутренней – это просто доверенный» [26, с. 178]. На содержательное сходство указывал и О.С. Иоффе: «Иначе складываются возникающие в силу договора комиссии внутренние отношения. Они аналогичны правоотношениям, основанным на договоре поручения. И если в ряде случаев применяемые к ним правила отличаются от норм, посвященных договору поручения, то это объясняется природой порождаемых комиссионным договором внешних отношений» [6, с. 271].

Деятельность комиссионера от своего имени при вступлении в отношения с третьими лицами есть юридически обеспеченная возможность,

пределы которой находят отражение в выдаваемом поручении комитента. Однако в отличие от договора поручения отсутствие юридически обеспеченной связи между поручением и полномочием позволяет обратить внимание на ряд дискуссионных вопросов, решение которых связано с обеспечением интереса лица, выдавшего поручение в режиме свободы усмотрения.

Определяя существо внутренних взаимосвязей комитента и комиссионера в договоре комиссии, некоторые ученые исключают полномочие как элемент представительского отношения. Объясняется это тем, что комиссионер действует от своего имени, данный элемент теряет значение в отношении с третьими лицами. Так, В.В. Брагинский, обосновывая данное обстоятельство, пишет: «Сторона, на которую возлагается поручение (комиссионер), замещает того, от кого исходит поручение (комитента), действуя от собственного имени. По указанной причине комиссионер не нуждается в наделении необходимыми для совершения сделки с третьим лицом полномочиями комитентом, а значит, и в выдаче подтверждающей полномочия доверенности» [27, с. 288]. Действительно, комиссионер согласно действующему законодательству не является представителем, однако этим же законодательством такое лицо наделяется возможностью совершать сделки с чужим имуществом.

На наш взгляд, если признать, что у комиссионера отсутствуют какие-либо полномочия или правомочия на совершение сделок с третьими лицами, то как квалифицировать его возможность (право) по приобретению и распоряжению имуществом для комитента? В научной литературе по данному вопросу содержательно высказался К. Ларенц. Ученый отметил, что косвенное представительство содержит в себе противоречие, когда фактическое положение интересов сторон не полностью согласуется с правовым оформлением [28, S. 534]. Приобретая для представляемого имущество в силу сделки, косвенный представитель, являясь стороной в сделке, становится носителем прав и обязанностей по такой сделке, в том числе и по отношению к этой вещи юридически, хотя фактически такая вещь есть собственность комитента (представляемого). По нашему мнению, если и делать ссылку на закон, то с акцентом на то, что комиссионер, действуя от своего имени, обладает правомочием, которое и позволяет ему совершать сделки в интересе комитента. Более ясно аналогичный вопрос определяется законодательством при указании на возможности доверительного управляющего. Такое лицо наделяется правомочием самостоятельно от своего имени совершать в отношении вверенного ему имущества любые фактические и юридические действия в интересах вверителя или выгодоприобретателя (п. 2 ст. 895 ГК).

Несмотря на различие в понимании базовых категорий, действующее законодательство, допускающая юридическое основание деятельности лица в чужом интересе, связывает возможности такого лица с обладанием полномочием или правомочием для решения типичных задач. В правомочии, как и в полномочии, отражается элемент свободы усмотрения, параметры которого не должны входить в резонанс с поручением, что неизбежно приведет к противоречию, а в итоге – к конфликту интересов сторон представительского соглашения.

Исследуя названные категории, К.И. Скловский отмечает, что полномочие имеет то общее с правомочием, что создает юридические последствия для принципала непосредственно без его участия, и в этом смысле – односторонне, в полномочии и правомочии заключается право на собственные действия, не требующее для своей реализации содействия третьих лиц [29, с. 107]. Суть представительства как раз и состоит в действиях без всякого участия представляемого; он мыслится не как волящий субъект, а как обладатель интереса, который должен проявляться в сделках представителя [29, с. 95–96]. Резюмируя свою позицию, ученый приходит к заключению: качественное своеобразие полномочия достаточно для того, чтобы выделить его в составе «прав на установление права» наряду с правомочием.

Характеристика и оценка таких элементов, как поручение, полномочие, правомочие, на предмет общности их назначения делает возможным создание общей формулы поведения для лиц, действующих в чужом интересе (поверенного, комиссионера, доверительного управляющего и др.) на условиях предоставленной законодательством, договором и иной сделкой возможности принимать решения своей волей и по своему усмотрению.

Автор приходит к выводу о том, что полномочие (правомочие) лица в отношениях управленческого представительства есть юридически обеспеченная возможность осуществлять целевые права и обязанности представляемого, подкрепленная правом уполномоченного (управомоченного) лица самостоятельно и своей волей принимать юридически значимые решения в интересе представляемого.

Исходное заключение позволяет идентифицировать отношение управленческого представительства в типичных институтах путем указания на условие его возникновения (проявления). Отношение управленческого представительства возникает, изменяется и прекращается по основаниям, характерным для институтов представительского типа, при наличии двух дополнительных взаимосвязанных условий – свободы усмотрения в действиях уполномоченного (управомоченного) лица и возможности при осуществлении полномочий

(правомочий) своей волей принимать решение, которым и определяется степень юридической и фактической самостоятельности лица.

Свобода усмотрения, влияя на особенность структурных элементов управленческого представительства, объясняет специфику его связей в системе институтов представительского типа. Использование же логической формулы обобщения понятий и ограничения понятий [30] позволяет определить место управленческого представительства в системе типовых категорий. Так, управленческое представительство (по признаку свободы усмотрения) относительно отношений представительского типа является ограниченным понятием, а для понятий, раскрывающих формы (поручение, комиссия, доверительное управление и др.) деятельности лица в чужом интересе, – обобщающим.

С точки зрения первого подхода, признак управленческого представительства – свобода усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица – указывает на ограниченность понятия в системе отношений представительского типа. Управленческое представительство, по этому же признаку, является обобщающим понятием по отношению к тем видам представительства, формы которого предусмотрены действующим законодательством, отражая деятельность лица в чужом интересе.

Такой подход позволяет не только индивидуализировать исследуемое явление на уровне самостоятельных институциональных образований, таких как доверенность, договор поручения, комиссии, доверительного управления имуществом, исполнителя завещания, но и одновременно установить их общность, выделить в этом порядке субинституциональное образование через присущую названным институтам область усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица.

В научной литературе субинститут рассматривается в системе иерархии, или соподчиненности головному институту. О самостоятельном значении субинститута как структурной единицы в системе права высказывался О.С. Иоффе. Ученый подчеркивает: «Институт не только не последнее после нормы подразделение отрасли права (имеются еще и подотрасли), но и не всегда первое подразделение, следующее за ней, так как самостоятельные органические образования встречаются иногда и внутри института. Такие образования можно назвать субинститутами» [31, с. 35]. Под субинститутом, пишет Е.А. Киримова, следует понимать четкую совокупность правовых норм, внутри крупного правового института, регулирующего определенные особенности, специфику видовых общественных отношений. Автор отмечает, что в этом случае предмет правового

го регулирования института остается прежним, а само регулирование (метод) приобретает определенную специфику [32, л. 86].

Можно ли назвать модель управленческого представительства субинститутом? Однозначно утверждать сложно, однако возможно обозначить по этому вопросу свою позицию. Традиционно связь норм «институт–субинститут» строится по вертикали, в соподчиненной иерархии с головным институтом. Такое построение характерно для некоторых договорных обязательств. В развитие института договора купли-продажи сформированы субинституты: розничная купля-продажа, продажа недвижимости, поставка и т.д. По такой же системе построены правила и о договоре аренды, подряда, как типовидовые образования. Проявлению управленческого представительства, свойственна взаимосвязь по горизонтали. Практика формирования действующего законодательства и теоретические наработки не исключают такой систематизации. Примером могут служить следующие сформированные в действующем законодательстве субинституциональные образования. В обязательственном праве можно говорить об институте займа и субинституте коммерческого займа (ст. 770 ГК), имеющем свою прописку в различных видах обязательств (по признаку обеспечения интереса). В праве промышленной собственности на теоретическом уровне выделяются нетрадиционные объекты права промышленной собственности и их субинституты: служебная и коммерческая тайна, информация, секреты производства (по специфике правового режима объекта). Алиментные обязательства предусматривают такие субинституты, как алиментные обязательства родителей, детей, супругов, бывших супругов (по критерию субъекта) [33, с. 9].

Приведенные положения свидетельствуют о том, что в последнее время законодателем применяются такие технические межинституциональные способы правового регулирования, которые позволяют осуществить более точное регулирование общественных отношений. Наблюдается систематизация взаимосвязей «институт–субинститут» не только в традиционно принятой иерархической системе (по вертикали), но и проявление субинституциональных образований по горизонтали, когда одинаковое явление свойственно нескольким институтам, не имеющим законодательной привязки к головному институту.

Уже сегодня ставится вопрос о возможности научной проработки так называемых комплексных субинститутов, закрепляющих возможность их функционирования в рамках нескольких правовых институтов [34, с. 53]. В этом направлении ведется работа по выделению смешанных субинститутов, содержащих охранительные и регу-

лятивные возможности.

Именно такой подход характерен для систематизации и урегулирования особой области отношений представительского типа – управленческого представительства.

В научной литературе раскрываются факторы и условия формирования определенных звеньев в системе права. Так, для образования новой совокупности норм необходимы следующие условия: степень своеобразия тех или иных отношений, их удельный вес, невозможность урегулировать возникшие отношения с помощью норм других отраслей и институтов, необходимость применения особого метода [35, с. 311]. В более общих формулировках по этому вопросу высказывается С.С. Алексеев, говоря об особом виде общественных отношений, требующих правового регулирования с помощью специфического метода и механизма регулирования [36, с. 45].

Если подходить к выделению управленческого представительства в системе норм и институтов представительского типа согласно заданным параметрам, то первичным будет общее для группы отношений свойство – деятельность лица в чужом интересе. Дополнительным признаком, указывающим на образование управленческого представительства, является обладание уполномоченным (управомоченным) лицом свободой усмотрения. Свобода усмотрения придает определенную специфику традиционным элементам представительского отношения и образующим его связям.

Таким образом, охватывая своим действием нормы и институты представительского типа, управленческое представительство одновременно выступает как субинституциональное и межинституциональное образование, позволяющее установить факт свободы усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица независимо от того, действует ли такое лицо в гражданском обороте от своего имени или от имени представляемого.

Понятие управленческого представительства строится не на его отличии от других категорий одной видовой принадлежности, а на выделении в этих видовых категориях общих свойств, одним из которых является признак свободы усмотрения в деятельности уполномоченного (управомоченного) лица. Типовой признак – деятельность лица в чужом интересе – позволяет различать две области отношений, основанных на поручении (деятельность лица в чужом интересе от своего имени и от имени представляемого). Однако такому различию свойственны и общие элементы, образующие не только целостность правоотношения, но и подчеркивающие существующие связи. К таким элементам следует отнести наличие поручения, полномочие и правомочие. Именно в этих элемен-

тах находит отражение существенное свойство управленческого представительства – различная степень свободы усмотрения уполномоченного (управомоченного) лица. Таким образом, понятие «управленческое представительство» методологически строится не на его отличительных, а на существенных свойствах, которыми обладают различаемые в законодательстве, но имеющие общую природу и назначение институты.

Заключение. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что как при прямом, так и косвенном представительстве уполномоченное (управомоченное) лицо в силу законодательства, договора и иной сделки в различной степени обладает свободой усмотрения, когда полномочие, правомочие и поручение не связаны конкретным объемом и рамками действий, а определенная поручением цель достигается таким лицом своей волей, ограниченной назначением предоставленных полномочий (правомочий). Обобщая изложенное, можно следующим образом определить понятие, характеризующее отношение управленческого представительства, – это целевое, организационное гражданско-правовое отношение, основанное на деятельности лица в чужом интересе в форме прямого либо косвенного представительства, когда уполномоченное (управомоченное) лицо, обладая свободой усмотрения, самостоятельно и своей волей формирует отношение с третьими лицами в интересе представляемого определенной сферой назначения представленных полномочий (правомочий).

Управленческому представительству присущи следующие юридически значимые свойства и связи, предполагающие необходимость их нормативного обеспечения:

- действие лица в чужом интересе, что охватывает формы прямого и косвенного представительства;

- управленческое представительство носит дискреционный характер, что подчеркивает наличие в полномочиях (правомочиях) лица области усмотрения, позволяющей ему своей волей принимать юридически значимые решения в интересе представляемого;

- уполномоченное (управомоченное) лицо при исполнении поручения самостоятельно принимает юридически значимые решения, что указывает на возможность выбора действия (бездействия) и средств достижения цели, определенной представляемым;

- правоотношение управленческого представительства потенциально содержит конфликт интересов уполномоченного (управомоченного) лица и представляемого на предмет негативных для представляемого последствий;

- управленческое представительство явля-

ется обобщающим понятием, позволяя квалифицировать деятельность уполномоченного (управомоченного) лица в отношениях прямого либо косвенного представительства в режиме управленческого представительства.

Сформулированное в научном аспекте, универсальное по назначению определение отношений управленческого представительства не вписывается в формальные требования ГК, так как кодекс структурно не содержит общих норм о деятельности лица в чужом интересе. Однако проведенное исследование доктринальных, нормативных и практических аспектов на предмет свободы усмотрения в деятельности поверенного, комиссионера, доверительного управляющего и др. позволяет, технически используя положения главы 10 «Представительство. Доверенность» ГК как наиболее близкой по правовой природе и отвечающей существу исследуемых отношений, нормативно закрепить управленческое представительство как универсальное субинституциональное образование.

С целью нормирования факта обладания лицом возможностью принимать решения своей волей и по своему усмотрению, действуя в чужом интересе, в отношениях представительского типа, предлагается дополнить главу 10 ГК «Представительство. Доверенность» статьей 190-1 «Правовое регулирование отношений управленческого представительства», состоящей из следующих частей.

Часть 1 изложить в следующей редакции:

«Представительство, в котором уполномоченное (управомоченное) лицо своей волей и по своему усмотрению принимает юридически значимые решения в отношении имущества, имущественных прав и обязанностей представляемого в отношениях с третьими лицами, именуется управленческим представительством».

Предложенная дефиниция позволит при различных основаниях (законодательство, сделка, договор и иное соглашение) идентифицировать правовое положение уполномоченного (управомоченного) лица (поверенного, комиссионера, доверительного управляющего, исполнителя завещания и др.) путем установления в поручении и полномочии (правомочии) факта, указывающего на возможность принимать решения своей волей и по своему усмотрению, а в случае нарушения интереса представляемого ввести в действие охранительный механизм, признав совершенные уполномоченным (управомоченным) лицом деяния в ущерб интересам представляемого недействительными с последующими последствиями такого признания.

Поскольку свойства управленческого представительства присущи институтам как прямого (деятельность лица от имени представляемого),

так и косвенного представительства (деятельность лица от своего имени), предлагаем сформулировать правило, позволяющее распространить на нормы и институты представительского типа действие управленческого представительства. Для этого считаем целесообразным изложить ч. 2 ст. 190-1 ГК в следующей редакции:

«Положения об управленческом представительстве распространяют свое действие на договоры и иные сделки, совершаемые уполномоченным (управомоченным) лицом в чужом интересе, если законодательством или соглашением сторон не определено иное».

Дополнительное нормирование социально-экономических отношений по осуществлению прав и исполнению обязанностей уполномоченным (управомоченным) лицом позволит унифицировать режим, усилить обеспеченность интереса представляемого независимо от того, действует ли такое лицо от своего имени или от имени представляемого.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 г. № 135-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Казанцев, Л.Н. Учение о представительстве в гражданском праве: Понятие представительства / Л.Н. Казанцев. – Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1878. – Вып. 1. – 131 с.
3. Гордон, А.О. Представительство в гражданском праве / А.О. Гордон. – СПб.: Тип. Шредера, 1879. – 447 с.
4. Таль, Л.С. Договор доверенности или поручения в проекте гражданского уложения / Л.С. Таль. – СПб., 1911.
5. Гражданское уложение: проект Высочайшей учрежденной Редакционной комиссии по составлению проекта Гражданского уложения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitutions.ru/?p=4930&page=14>. – Дата доступа: 15.09.2018.
6. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – М.: Юридлит, 1975. – 880 с.
7. Санникова, Л.В. Договоры о представительстве / Л.В. Санникова // Журнал российского права. – 2004. – № 4. – С. 54–59.
8. Орешин, Е.И. Договоры о представительстве в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.И. Орешин; Ин-т гос. и права РАН. – М., 2007. – 26 с.
9. Бабкина, Е.В. Международный договор коммерческого представительства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Бабкина; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 19 с.
10. Андреев, В.К. Представительство. Доверенность / В.К. Андреев // Нотариус. – 2013. – № 3. – С. 20–25.
11. Веленто, И.И. Теория экономического права: учеб. пособие / И.И. Веленто, В.С. Елисеев. – Минск: Книжный дом, 2006. – 416 с.
12. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1996. – 908 с.
13. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Д.Н. Ушаков. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/961126>. – Дата доступа: 15.09.2018.
14. Баранов, В.М. Юридическое поручение как общетеоретический феномен (к методологии анализа) / В.М. Баранов, Е.В. Служкина // Юрист. – 2003. – № 7. – С. 15–17.
15. Красавчиков, О.А. Советское гражданское право: учебник / О.А. Красавчиков. – М., 1972. – Т. 1. – 448 с.
16. Харитонова, Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики: монография / Ю.С. Харитонова. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 304 с.
17. Рясенцев, В.А. Представительство и сделки в современном гражданском праве / В.А. Рясенцев. – М.: Статут, 2006. – 604 с.
18. Суханов, Е.А. Агентский договор [Электронный ресурс] / Е.А. Суханов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 12. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/7274>. – Дата доступа: 16.08.2018.
19. Брагинский, М.И. Договор поручения / М.И. Брагинский // Хозяйство и право. – 2001. – № 4. – С. 31–32.
20. Энекцерус, Л. Курс германского гражданского права: в 2 т. / Л. Энекцерус. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – Т. 1, полутом 2. – 568 с.
21. Евецкий, А.А. Представительство при заключении юридических сделок / А.А. Евецкий. – Харьков: Универ. тип., 1877. – 62 с.
22. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич [Электронный ресурс] // Классика российской цивилистики. – Режим доступа: http://library.brsu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1557.html. – Дата доступа: 13.01.2018.
23. Нерсесов, Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве [Электронный ресурс] / Н.О. Нерсесов // Классика российской цивилистики. – Режим доступа: http://library.brsu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/393.html. – Дата доступа: 12.06.2018.
24. Иоффе, О.С. Советское гражданское право: избр. тр.: в 4 т. / О.С. Иоффе. – М.: Статут, 2000. – Т. 2. – 781 с.
25. Невзгодина, Е.Л. Представительство и доверенность по гражданскому праву России: проблемы теории. Законодательство РФ. Вопросы правоприменительной практики / Е.Л. Невзгодина; под ред. В.Л. Слесарева. – Омск: ОмГУ, 2005. – 548 с.
26. Шершеневич, Г.Ф. Товар. Торговые сделки / Г.Ф. Шершеневич // Курс торгового права: монография: в 4 т. / редкол.: В.С. Ем, Н.В. Козлова. – М.: Статут, 2003. – Т. 2. – 544 с.
27. Брагинский, М.И. Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский // Договорное право: в 6 кн. – М.: Статут, 2002. – Кн. 3. – 1055 с.
28. Larenz, K. Allgemeiner Teil des deutschen bürgerlichen Rechts / K. Larenz. – München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1989. – 674 S.
29. Скловский, К.И. Правомочие и полномочие в механизме возникновения гражданских прав: в 2 ч. / К.И. Скловский // Хозяйство и право. – 2004. – № 11. – Ч. 1. – С. 99–112.
30. Рузавин, Г.И. Логика и аргументация / Г.И. Рузавин. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/logika-3/12.htm>. – Дата доступа: 12.06.2018.
31. Иоффе, О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) / О.С. Иоффе // Ученые записки ВНИИЭС. – 1968. – № 14. – С. 35.
32. Киримова, Е.А. Правовой институт: дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Киримова. – Саратов, 1998. – 170 л.
33. Пьянов, Н.А. Консультации по теории государства и права. Тема «Система права» [Электронный ресурс] / Н.А. Пьянов // Сибир. юрид. вестн. – 2003. – № 3. – Режим доступа: <https://pravo33.wordpress.com/2008/10/17/>. – Дата доступа: 12.06.2018.
34. Орехов, И.В. Признаки субинститута права: настоящее и будущее / И.В. Орехов // Вестн. Омс. ун-та. Сер. Право. – 2016. – № 3(48). – С. 51–55.
35. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юрист, 2004. – 512 с.
36. Алексеев, С.С. Структура советского права: собр. соч.: в 10 т. / С.С. Алексеев // Специальные вопросы правоведения. – М.: Статус, 2010. – Т. 2. – 471 с.

Поступила в редакцию 05.09.2018 г.

Генезис законодательства в области обращения с отходами

Маркина Н.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Существует ряд проблем в области обращения с отходами как в теоретическом, так и в практическом аспекте, в том числе не исследованы вопросы развития законодательства в данной сфере, наличие пробелов в понятийном аппарате.

Цель научной статьи – анализ процесса формирования законодательства в сфере обращения с отходами и выработка предложений по его периодизации в данной области.

Материал и методы. Нормативной и теоретической базой работы являются законодательство Республики Беларусь, регулирующее сферу обращения с отходами, труды ученых-юристов в данной области. Методы исследования: исторический, сравнительный, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Правовое регулирование обращения с отходами в Республике Беларусь на законодательном уровне начинается с 1993 года: отдельные вопросы закрепляются в Законе «Об охране окружающей среды», принимается Закон Республики Беларусь «Об отходах производства и потребления» (25.11.1993 г. № 2609-XII). С 2000 года начинается новый этап в формировании законодательства, в этот период закрепляется четкое определение понятия «отходы» и принимается ряд НПА, регулирующих исследуемую область. С 2008 года происходят значительные изменения – продолжает совершенствоваться понятийный аппарат, дается новая классификация отходов, закрепляются принципы обращения с отходами, более четко регламентируются отдельные механизмы обращения с отходами, вносятся изменения, касающиеся права собственности на опасные отходы у физических лиц, уточняется порядок совершения сделок с отходами.

Заключение. Учитывая тенденции развития законодательства Республики Беларусь, можно сделать вывод о значительных изменениях правового регулирования в сфере обращения с отходами, но ряд вопросов остается открытым.

Ключевые слова: отходы, обращение с отходами, генезис законодательства, обработка отходов.

Genesis of Legislation in the Field of Waste Management

Markina N.A.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

There are a number of problems in the field of waste management, both in theoretical and practical aspects, including the issues of the development of legislation in this field, the existence of gaps in the conceptual apparatus.

The aim of the work is to analyze the process of shaping legislation in the field of waste management and to develop proposals for the periodization in this field.

Material and methods. The normative and theoretical basis of the work is the legislation of the Republic of Belarus regulating the sphere of waste management, the works of legal scientists in this field. The research methods are historical, comparative and formal-legal.

Findings and their discussion. Legal regulation of waste management in the Republic of Belarus at the legislative level begins in 1993: certain issues are fixed in the Law "On Environmental Protection"; the Law of the Republic of Belarus "On Production and Consumption Wastes" (25.11.1993 No. 2609-XII) is adopted. Since 2000, a new stage in shaping the legislation begins, during this period a clear definition of "waste" is fixed and a number of NAPs regulating the research area are adopted. Since 2008, significant changes have been taking place – the conceptual apparatus continues to be improved, a new waste classification is given, waste management principles are fixed, separate mechanisms for handling waste are more clearly regulated, changes are made concerning bargains with ownership of dangerous waste from individuals.

Conclusion. Taking into account the development tendencies of the legislation of the Republic of Belarus, it can be concluded that significant changes in the legal regulation of the sphere of waste management take place, but a number of issues remain open.

Key words: waste, waste management, genesis of legislation, waste management.

Проблема обращения с отходами исследуется в рамках как естественных, так и общественных наук и привлекает внимание специалистов из разных стран. Особое значение приобрело правовое регулирование данной сферы отношений, что связано с необходимостью совершенствования процедур обращения с отходами,

специальных требований по их сбору, хранению, переработке, утилизации, четкого определения прав и обязанностей субъектов, участвующих в деятельности по обращению с отходами, обеспечением конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду.

Отдельные вопросы правового регулирования обращения с отходами отражены в научных

трудах отечественных и зарубежных юристов. Из белорусских ученых значительный вклад в исследуемую сферу внес С.В. Голованов, работы которого посвящены правовому обеспечению экологической безопасности в процессе обращения с отходами производства [1]. Также следует отметить научные труды российских правоведов, в том числе С.С. Трофимца [2] и Н.А. Енисейской [3], которые обращались к экологическим проблемам, связанным с осуществлением государственного контроля в области обращения с отходами производства и потребления. Вместе с тем сфера обращения с отходами не достаточно исследована белорусскими учеными и требует дальнейшего правового изучения. В частности, не рассмотрены вопросы развития законодательства, регулирующего данную область правоотношений.

Цель статьи заключается в анализе процесса формирования законодательства в сфере обращения с отходами и выработке предложений по его периодизации в данной области.

Материал и методы. Нормативной и теоретической базой работы являются законодательство Республики Беларусь, регулирующее сферу обращения с отходами, труды ученых-юристов в данной области. Методы исследования: исторический, сравнительный, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Правовое регулирование обращения с отходами в Республике Беларусь на законодательном уровне начинается с 1993 года. В ст. 33 Закона «Об охране окружающей среды» (1992 г.) устанавливался запрет на захоронение вредных отходов на определенных территориях, например, на территории населенных пунктов, в водных объектах и иных местах, то есть там, где может нарушиться благоприятное состояние окружающей среды. Места складирования, захоронения, размещения отходов определялись областными советами народных депутатов с соблюдением санитарных норм и правил по обязательному согласованию с рядом государственных органов, в том числе местными советами, органами по экологии, санитарно-эпидемиологического надзора и другими, определенными законодательством [4].

Первым специальным законом в данной области стал Закон Республики Беларусь от 25.11.1993 г. № 2609-XII «Об отходах производства и потребления». Его главная цель – содействие предотвращению негативного воздействия на человека и окружающую среду при обращении с отходами, а также максимальное их использование в хозяйственном обороте [5].

В данном законе закреплялись понятия отходов производства, отходов потребления, опасных отходов, обращение с отходами, реку-

перация отходов, трансграничная перевозка, но определения отходов не давалось. В соответствии с употребляемой в законе терминологией можно сделать вывод, что к отходам относили определенные остатки, вещества, изделия и материалы, которые утратили исходные потребительские свойства и не могут применяться в производстве, а также утратившие свои потребительские качества вследствие физического либо морального их износа.

В 2000 году были внесены изменения в Закон «Об отходах» (1993 г.), которые вступили в силу 1 января 2001 года [6]. Данным нормативным правовым актом введены новые понятия и термины, такие как бесхозяйные отходы, вид отходов, вторичное сырье, инвентаризация отходов, коммунальные отходы и другие, дано определение отходов, а также установлено право собственности на отходы. Согласно ст. 5 указанного Закона производитель отходов приобретал право собственности на отходы с момента их образования, если иное не предусматривалось законодательством Республики Беларусь и (или) договором об использовании имущества, которое явилось источником образования этих отходов.

Под бесхозяйными отходами понимались отходы, которые не имеют собственника или их собственник неизвестен. При этом отдельной статьей (ст. 6) устанавливалось право собственности на бесхозяйные отходы. Бесхозяйные отходы могли быть обращены лицами в свою собственность в установленном гражданском законодательством порядке. Закрепляется обязанность собственников земельных участков, обнаруживших на своих земельных участках бесхозяйные отходы, при условии что они не желают обратиться в свою собственность немедленно, сообщить об обнаруженных отходах в местные исполнительные и распорядительные органы.

Вышеуказанные нормы законодательства позволяли установить собственника отходов, что положительно влияло на механизмы их хранения, захоронения, переработки, а следовательно, и обеспечение прав владельцев земельных участков на беспрепятственное их использование, а также обеспечение прав на благоприятную окружающую среду, так как предусматривались обязанности местных исполнительных и распорядительных органов по принятию мер по нахождению собственника выявленных бесхозяйных отходов, определению степени их опасности и установлению класса опасности опасных бесхозяйных отходов, организации учета бесхозяйных отходов в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Следует обратить внимание на то, что до 2001 года сфера обращения с отходами регули-

ровалась практически одним нормативным правовым актом – Законом «Об отходах» и только начиная с 2000 года в развитие указанного закона был принят ряд НПА, устанавливающих правила обращения с отходами, например, постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды от 28 ноября 2001 г. № 28 «Об утверждении Правил разработки, согласования и утверждения инструкции по обращению с отходами производства» [7], постановление Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь от 30 июля 2003 г. № 26 «Об утверждении Инструкции по организации раздельного сбора (сбора), хранения и перевозки коммунальных отходов» [8], Указ Президента Республики Беларусь от 10 июля 2006 г. № 437 «О некоторых мерах по совершенствованию организации сбора (заготовки) и использования отходов в качестве вторичного сырья» [9] и другие.

Вышеуказанные нормативные правовые акты детализировали отдельные механизмы обращения с отходами: установлен единый порядок по организации раздельного сбора коммунальных отходов, а также их хранения и перевозки; определены условия обращения с отходами на территории населенных мест; порядок обращения с коммунальными отходами собственниками этих отходов; обязанности организаций, которые осуществляют деятельность по обращению с коммунальными отходами, и лиц, осуществляющих сбор вторичного сырья из коммунальных отходов и (или) его заготовку; образован государственный целевой бюджетный фонд организации сбора и использования отходов в качестве вторичного сырья, что положило основу в области использования отходов и т.д.

Несмотря на наличие определенной базы нормативных актов ряд вопросов оставался не урегулированным, так, например, не рассматривались отдельные механизмы обращения с отходами, наблюдались пробелы в классификации отходов, в частности, в отдельный вид не было выделено вторичное сырье, не указывался ряд определений, которые использовались в других нормативных актах.

Новым этапом формирования законодательства в сфере обращения с отходами стал Закон Республики Беларусь от 20.07.2007 г. «Об обращении с отходами» [10] (далее Закон), который вступил в силу 2 февраля 2008 г. В нем расширен понятийный аппарат, введены такие термины, как сбор отходов, удаление отходов и др., даны новые определения, устраняющие пробелы и коллизии, установлен порядок приобретения права собственности на отходы и совершения сделок с ними, закреплены принципы обращения с отходами и другие.

Тем не менее ряд вопросов остался не урегулированным, в том числе не достаточно полно раскрыт понятийный аппарат, в частности, в механизм обращения с отходами включены определенные виды деятельности, при этом не учтен такой механизм, как обработка отходов, который необходим при проведении отдельных технологических процессов и будет способствовать реализации принципов обращения с отходами. Обработка отходов является промежуточным механизмом при проведении технологических операций с отходами и обеспечивает возможность дальнейших работ по обращению с отходами. Она может привести к изменению состава или состояния, в том числе физического, химического, биологического, например, при невозможности удаления отходов в первоначальном виде их смешивают с другими веществами. Таким образом, для отсутствия противоречий при реализации данного механизма необходимо его законодательное закрепление.

С момента принятия и до настоящего времени в Закон вносился ряд изменений и дополнений. В действующей редакции установлена сфера применения законодательства об обращении с отходами, в частности, в главе 1 четко сформулированы области законодательства, где не применяются нормы Закона «Об обращении с отходами».

Определены общие положения о праве собственности на отходы, при этом основания возникновения данного права зависят от субъекта.

Что касается сделок с отходами, то Закон 2000 г. их не ограничивал, Законом 2007 г. введены ограничения на отчуждение опасных отходов, а именно, уточнена цель – последующее их захоронение, обезвреживание и (или) использование [10].

В последней же редакции Закона определено условие, при котором допускается отчуждение отходов физическому лицу, если оно не является индивидуальным предпринимателем (ИП). Таким условием является использование физическим лицом отходов для личного потребления. Вместе с тем отчуждение таким гражданам отходов, которые включены в перечень опасных отходов, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.10.2009 № 1391, запрещается [11]. В связи с введением данной нормы изменена терминология ст. 7 и 17 Закона «Об обращении с отходами».

Законом устанавливаются основные принципы в области обращения с отходами. В Законе 1993 года они не были сформулированы, а закреплялись принципы государственной политики в области обращения с отходами, которые коренным образом отличались от ныне действующих. Так, новыми принципами закреплён приоритет

использования отходов по отношению к их обезвреживанию или захоронению, обязательность изучения опасных свойств отходов, при этом необходимо определять степени их опасности и класс опасности опасных отходов. Из данных принципов вытекает одна из главных задач государства в области обращения с отходами – вторичное их использование.

Глава 2 посвящена основам государственного регулирования и управления в области обращения с отходами, в ней определяется компетенция отдельных государственных органов. Новшеством является закрепление норм по разработке и содержанию государственных и территориальных программ в области обращения с отходами. В ст. 14 Закона закреплены порядок разработки и утверждения данных программ, а также их классификация и срок действия. Программную деятельность, как и экономическое стимулирование в исследуемой области, можно отнести к экономическому механизму обращения с отходами, который до настоящего времени четко не закреплен в законодательстве.

Особое внимание следует уделить новой классификации отходов, которая отражена в главе 3 Закона 2007 года. Если в Законе 1993 года отходы классифицировались в зависимости от порядка обращения с ними, то в Законе 2007 года – от возможности их использования, выделены четыре класса опасности отходов, что является новшеством. А следовательно, это порождает новые последствия как для производителей, собственников отходов, так и для государства в сфере вторичного использования отходов и обращения с опасными отходами.

В главе 4 законодателем определены требования обращения с отходами, новым является закрепление в ст. 18 Закона обязанностей юридических лиц, ИП и физических лиц в области обращения с отходами. Также устанавливается расширенная ответственность производителя товаров за обращение с отходами, которые образуются после утраты потребительских свойств товаров. Введена отдельная статья, устанавливающая требования к обращению с отходами, образующимися на определенных категориях земель (например, природоохранного назначения, в садоводческих товариществах).

В главе 5 отражены отдельные вопросы организационно-правового механизма обращения с отходами, но он четко не закреплен, что является пробелом, так как данный механизм играет важную роль при управлении в рассматриваемой сфере правоотношений.

Глава 6 посвящена государственному контролю и государственному надзору в области об-

ращения с отходами, а также ответственности за нарушения в данной сфере.

Заключение. Учитывая тенденции развития законодательства Республики Беларусь, можно сделать вывод о значительных изменениях правового регулирования в сфере обращения с отходами, но, тем не менее, ряд вопросов остается открытым.

Учеными-юристами не выделены этапы развития законодательства в исследуемой области. Проанализировав историю современного законодательства в области обращения с отходами, можно предложить следующую периодизацию:

первый период (1993–2000 гг.): закладывались основы правового регулирования в сфере обращения с отходами, в частности, принят специальный закон «Об отходах производства и потребления», отдельные нормы (например, запрет на захоронение вредных отходов на определенных территориях) закрепляются в Законе «Об охране окружающей среды»;

второй период (2001–2007 гг.): на законодательном уровне закрепляется понятие «отходы», расширяется понятийный аппарат, принимается ряд нормативных правовых актов, устанавливается право собственности на отходы;

третий период (с 2008 г. до настоящего времени): продолжает совершенствоваться понятийный аппарат, дается новая классификация отходов, закрепляются принципы обращения с отходами, более четко регламентируются отдельные механизмы обращения с отходами, вносятся изменения, касающиеся права собственности на опасные отходы у физических лиц, уточняется порядок совершения сделок с отходами.

Целесообразно расширить понятийный аппарат, в частности, статью 1 Закона «Об обращении с отходами» дополнить следующим определением: «Обработка отходов – это деятельность, которая связана с выполнением промежуточных технологических операций с отходами, приводящих к изменению их состояния, в том числе физического, химического, для обеспечения последующих механизмов по обращению с отходами».

Литература

1. Голованов, С.В. Правовое обеспечение экологической безопасности в процессе обращения с отходами производства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / С.В. Голованов; БГУ. – Минск, 2010. – 23 с.
2. Трофимец, С.С. Правовое регулирование обращения с отходами производства и потребления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / С.С. Трофимец; Центр экол.-прав. исследований ИГП РАН. – М., 2007. – 30 с.
3. Енисейская, Н.А. Государственный контроль в области обращения с отходами производства и потребления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / Н.А. Енисейская; Ин-т права. – М., 2007. – 31 с.

4. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 26 нояб. 1992 г. № 1982-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2017 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Об отходах производства и потребления [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 25 нояб. 1993 г. № 2609-XII (утратил силу в связи с принятием Закона Респ. Беларусь от 20.07.2007 № 271-3) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об отходах производства и потребления» [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь 26 окт. 2000 г. № 444-3 (утратил силу в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 20.07.2007 № 271-3) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Об утверждении Правил разработки, согласования и утверждения инструкции по обращению с отходами производства [Электронный ресурс]: постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды от 28 нояб. 2001 г. № 28 (утратило силу в связи с принятием постановления Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь от 22.10.2010 № 46) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. Об утверждении Инструкции по организации раздельного сбора (сбора), хранения и перевозки коммунальных отходов [Электронный ресурс]: постановление Министерства жилищно-коммунального хозяйства Респ. Беларусь от 30 июля 2003 г. № 26 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
9. О некоторых мерах по совершенствованию организации сбора (заготовки) и использования отходов в качестве вторичного сырья [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь от 10 июля 2006 г. № 437 (утратил силу с 1 августа 2012 года в связи с изданием Указа Президента Респ. Беларусь от 11.07.2012 № 313) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
10. Об обращении с отходами [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 20 июля 2007 г. № 271-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
11. Лира, Н.П. Новшества в обращении с отходами: [по состоянию на 23 июля 2015 г.] [Электронный ресурс] / Н.П. Лира // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Поступила в редакцию 19.04.2018 г.

УДК 347.78

Авторское право: правовые основы современной защиты

Шеленговский П.Г.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Настоящая работа посвящена вопросам действующей практики защиты авторских прав в Республике Беларусь и последним изменениям, внесенным в действующее законодательство, регламентирующее данные вопросы.

Цель статьи – комплексное изучение правовых основ современной защиты авторского права.

Материал и методы. Материалом исследования выступили законодательство Республики Беларусь, специальная научная литература по проблематике действующей практики защиты авторских прав в Республике Беларусь. В качестве основных методов использовались сравнительный и логико-гносеологический.

Результаты и их обсуждение. В статье определены правовые основы создания в Беларуси, в соответствии с общемировой практикой, благоприятных условий для защиты прав авторов или держателей патентов.

Заключение. Таким образом, редакция статьи 9.21 КоАП направлена не на борьбу с рядовыми потребителями пиратского контента, а на создание в Беларуси благоприятных условий для защиты прав авторов или держателей патентов.

Немаловажным является то, что последнее слово, определяющее дальнейшее развитие административного или уголовного процесса, принадлежит самим правообладателям.

Ключевые слова: Закон «Об авторском праве и смежных правах», авторское право, защита авторских прав, интеллектуальная собственность в Республике Беларусь.

Copyright: Legal Bases of Contemporary Protection

Shelengovsky P.G.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

This paper is devoted to the current practice of copyright protection in the Republic of Belarus and the latest changes to the current legislation governing these issues.

The purpose of the work is a comprehensive study of the legal foundations of the contemporary copyright protection.

Material and methods. *The material of the study was the legislation of the Republic of Belarus, special scientific literature on the issues of the current practice of copyright protection in the Republic of Belarus. The main methods were the comparative and the logical-epistemological.*

Findings and their discussion. *The article defines the legal basis for creating in Belarus, in accordance with global practice, favorable conditions for the protection of the rights of authors or patent holders.*

Conclusion. *Thus, the wording of Article 9.21 of the Administrative Code is not aimed at fighting ordinary consumers of pirated content, but at creating in Belarus, in accordance with global practice, favorable conditions for protecting the rights of authors or patent holders.*

It is significant that rightholders themselves decide on the further development of administrative and criminal processes

Key words: Law "On Copyright and Related Rights", copyright, copyright protection, intellectual property in the Republic of Belarus.

Работа посвящена вопросам действующей практики защиты авторских прав в Республике Беларусь и последним изменениям, внесенным в действующее законодательство, регламентирующее данные вопросы.

Цель статьи – комплексное изучение правовых основ современной защиты авторского права.

Материал и методы. Материалом исследования выступили законодательство Республики Беларусь, специальная научная литература по проблематике действующей практики защиты авторских прав в Республике Беларусь. В качестве основных методов использовались сравнительный и логико-гносеологический.

Результаты и их обсуждение. В соответствии со ст. 6 Закона Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее Закон) авторское право распространяется на произведения [1]:

1. Науки (например, статьи в различных сферах науки, монографии и др.).

2. Литературы (стихотворения, романы, слоганы и др.).

3. Искусства (живопись, скульптура и др.), являющиеся результатом творческой деятельности, независимо от назначения и достоинства произведений, а также способа их выражения.

Среди распространенных и признанных объектов авторского права можно отметить следующие произведения [2]:

- литературные (книги, брошюры, статьи и др.);

- драматические и музыкально-драматические, хореографии и пантомимы и другие сценарные произведения;

- музыкальные с текстом и без текста;

- аудиовизуальные (кино-, теле-, видеофильмы, диафильмы и др.);

- изобразительного искусства (скульптура, живопись, графика, литография и др.);

- прикладного искусства и дизайна;

- архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства;

- фотографические, в том числе полученные способами, аналогичными фотографии;

- карты, планы, эскизы, иллюстрации и пластические произведения, относящиеся к географии, картографии и другим наукам;

- компьютерные программы. Необходимым критерием является также получение при использовании компьютерной программы определенных результатов (обработка, передача и хранение информации, производство вычислений, получение аудиовизуальных изображений и других результатов);

- науки (монографии, статьи, отчеты, научные лекции и доклады, диссертации, конструкторская документация и др.).

Данный список не является исчерпывающим, и объектами авторского права могут являться неизвестные на момент создания Закона произведения.

Кроме того, к объектам авторского права также относятся произведения:

• производные – появились в результате творческого перевода, иной творческой переработки основного произведения. К таковым относятся обработки, обзоры, пересказы, аннотации, резюме, рефераты, инсценировки, музыкальные аранжировки и др.;

• составные – представляют собой результат творческого труда по подбору или расположению материалов. К ним относятся энциклопедии, антологии, базы данных, газеты, журналы или другие произведения.

Авторское право не распространяется на собственно идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия, факты, даже если они выражены, отображены, объяснены или воплощены в произведении (п. 2 ст. 7 Закона).

Это значит, что одна и та же идея может воплощаться различными авторами в разной форме (в форме стихотворного произведения, в форме изобразительного произведения). Эксклюзивного права на идею у автора не возникает, а возникает исключительное право на конкретную форму выражения идеи.

Признаками объекта авторского права являются [3]:

1. Объективная форма (письменная, электронная, в том числе цифровая и др.).

2. Результат творческого труда (новое по форме произведение, отличающееся оригинальностью, неповторимостью и уникальностью).

При признании произведения результатом творческой деятельности характер самой деятельности по его созданию и особенности процесса создания произведения (выбор темы, идеи и т.д.) значения не имеют. В судебных спорах анализ объекта на наличие критерия творчества проводит эксперт (группа экспертов) в рамках экспертизы, которая должна решить ряд вопросов: является ли спорный невещественный объект произведением? обладает ли этот объект признаками творческой новизны, оригинальности, уникальности, неповторимости?

Оценка критерия новизны производится, как правило, с позиции объективной новизны (т.е. учитывается наличие новизны не только для автора, но и для других лиц).

Решение о наличии новизны определяется экспертами, которые могут как отделять, так и не отделять творческий труд от профессиональной деятельности.

3. Дополнительные специфические признаки. Например, для компьютерной программы получение при ее использовании определенных результатов (обработка, передача и хранение информации, производство вычислений, получение аудиовизуальных изображений и других результатов).

Законодатель, учитывая интересы общества и специфику отдельных результатов человеческого труда (зачастую и творческого), закрепил перечень объектов, не являющихся объектами авторского права [4].

Авторское право на произведение возникает с момента его создания и в силу такого создания. Данное положение вытекает из п. 2 ст. 5 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г., согласно которой пользование авторскими правами и их осуществление не связаны с выполнением каких бы то ни было формальностей; такое пользование и осуществление не зависят от существования охраны в стране происхождения произведения.

Данная норма имплементирована в законодательство Республики Беларусь, а именно в п. 1 ст. 8 Закона, который гласит, что авторское право на произведение возникает в силу факта его создания, для возникновения и осуществления авторского права не требуется соблюдение каких-либо формальностей.

Из указанных норм следует, что для возникновения и осуществления авторского права автору (иному правообладателю) не требуется [5]:

• регистрации права или факта создания в каком-либо органе или организации;

• получения какой-либо разрешительной документации;

• депонирования экземпляра произведения;

• обнародования или опубликования произведения;

• выполнения каких-либо иных формальностей или административных, бюрократических процедур.

Регистрация компьютерной программы, проводимая патентным органом Республики Беларусь (НЦИС), преследует цель предоставления заявителю независимого подтверждения факта его собственного создания компьютерной программы и принадлежности исключительного права на нее.

Это также значит, что какой-либо государственный орган (административный или судебный) не вправе требовать предъявления документов, подтверждающих соблюдение каких-либо формальностей для возникновения авторского права.

Авторское право на произведение возникает с момента его создания.

Авторское право на произведение возникает при условии, что оно воплощено в любой объективной форме (т.е. имеет возможность его восприятия другими лицами).

Объективной формой является [6]:

• письменная (рукопись, машинопись, нотная запись и др.);

- устная (публичное произнесение, публичное исполнение и др.);
- звуко- или видеозапись (механическая, магнитная, цифровая, оптическая и др.);
- изображение (рисунок, эскиз, картина, карта, план, чертеж, кино-, теле-, видео-, фото-кадр и др.);
- объемно-пространственная (скульптура, модель, макет, сооружение и др.);
- электронная, в том числе цифровая;
- иная форма.

Произведение считается созданным, если в нем полностью или частично воплощен творческий замысел автора, что по большей части является субъективным восприятием автора, и момент завершенности произведения определяется им самим.

Например, книга может постоянно дорабатываться автором, однако это не означает, что ее первоначальные версии не могут охраняться авторским правом.

Для некоторых объектов необходимым условием является наличие внутренней целостности и единства, а также возможности выполнять функции, для которых они предназначены.

Например, компьютерная программа представляет собой не просто набор какого-то кода, а кода, совокупность которого в определенной форме способна использоваться на компьютере или ином устройстве для обработки, передачи и хранения информации, производства вычислений, получения аудиовизуальных изображений и других результатов.

База данных становится объектом авторского права, если она представляет собой результат подбора или расположения данных или другой информации (т.е. обладает внутренним единством и определенной структурой).

Созданное произведение должно обладать следующими признаками [7]:

- оригинальностью;
- неповторимостью;
- уникальностью.

Вместе с тем созданная часть будущего произведения или часть уже созданного произведения (первая книга из трилогии, оригинальное название компьютерной игры, фрагмент картины, отрывок кинофильма и др.), выраженная в объективной форме, которая обладает перечисленными тремя признаками и может использоваться самостоятельно, также является объектом авторского права (п. 4 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных правах»).

В данном случае «самостоятельность» части произведения может определяться возможно-

стью его использования отдельно от целого произведения (например, абзац книги может цитироваться, часть музыкального произведения может использоваться в рекламе и т.д.), хотя некоторые правоведы предлагают оценивать подобную «самостоятельность» исходя из «смысловой законченности».

Создание произведения как юридический факт, влекущий возникновение авторских прав, не является сделкой. На возникновение авторского права не влияет правовой статус автора, авторами могут быть не только дееспособные лица, но и малолетние, недееспособные физические лица.

Возникновение авторского права не связано с раскрытием автором своей личности (т.е. произведение может быть обнародовано под псевдонимом или анонимно).

Закон «Об авторском праве» говорит: «Авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности, независимо от назначения и достоинства произведений, а также способа их выражения». Здесь необходимо сосредоточить свое внимание на нескольких моментах.

Во-первых, это результат творческой деятельности. То есть, предполагается, что объект авторского права создан благодаря творческому мышлению конкретного автора.

Во-вторых, авторское право возникает независимо от назначения и достоинства произведения, а также способа его отображения. Если вам не нравится произведение, это не значит, что оно не охраняется авторским правом. И независимо от формы. В законе «Об авторском праве» перечислены некоторые формы, но перечень не является закрытым. Главное – элемент творчества.

В-третьих, авторское право на произведение возникает в силу создания. И не требуется никакая регистрация произведения. Наличие или отсутствие знака © не означает, что произведение обладает или не обладает авторским правом [8].

При анализе состояния защиты авторских прав необходимо использование понятия презумпции. Она заключается в том, что у произведения есть правообладатель. И по общему праву произведение может быть использовано только с согласия автора и при условии выплаты авторского вознаграждения. Это правило.

Есть исключения. Они четко описаны в законе «Об авторском праве». Самые распространенные случаи:

ЦИТИРОВАНИЕ. «Допускается воспроизведение отрывков из правомерно обнародованных произведений (цитирование) в оригинале и переводе в исследовательских, образовательных, по-

лемических, критических или информационных целях в том объеме, который оправдан целью цитирования».

МЕСТО, ОТКРЫТОЕ ДЛЯ СВОБОДНОГО ПОСЕЩЕНИЯ. «Фотографическое произведение, произведения архитектуры, изобразительного искусства могут быть воспроизведены, переданы в эфир или по кабелю, а также сообщены для всеобщего сведения иным образом в случае, если такие произведения постоянно находятся в месте, открытом для свободного посещения. При этом изображение таких произведений не должно являться основным объектом воспроизведения, передачи в эфир, передачи по кабелю или иного сообщения для всеобщего сведения, а также не должно использоваться в коммерческих целях».

Вопрос – является ли интернет местом, открытым для свободного посещения? Разработчики закона говорили: «Мы имели в виду музеи, выставки и так далее». По мнению многих, интернет также является местом, открытым для свободного посещения. Тем не менее в России интернет не признали местом, открытым для свободного посещения для целей этой статьи. Поэтому использовать найденную в интернете фотографию, ссылаясь на норму, по сути, нельзя.

ТЕКУЩИЕ ВОПРОСЫ. «Правомерно опубликованные в газетах или журналах статьи по текущим экономическим, политическим, социальным и религиозным вопросам, а также произведения того же характера, правомерно переданные в эфир или по кабелю либо правомерно размещенные для всеобщего сведения в глобальной компьютерной сети Интернет, могут быть воспроизведены в печатных средствах массовой информации, переданы в эфир или по кабелю электронными средствами массовой информации, а также сообщены для всеобщего сведения иным образом в случае, когда такие действия не были специально запрещены автором или иным правообладателем соответствующего произведения».

Это должны быть статьи по текущим указанным в законе вопросам. Здесь очень важный момент: мы не можем просто так взять серьезную аналитическую статью, поскольку эта статья не по текущим вопросам. Мы не можем брать и развлекательную статью. Разработчики отметили: «Если вопрос актуален в течение недели-двух, то можно говорить о том, что это текущие вопросы. Если материал актуален дольше – вряд ли это подпадает под статью».

Второй момент – если перепечатка этих материалов не была специально запрещена правообладателем. Есть запрет – не можем перепечатывать полностью статью. Но можем взять цитату, на это запрета не существует.

Исключений, как видим, не много. Поэтому использовать чужие произведения можно с согласия автора и при условии выплаты ему авторского вознаграждения.

Последняя ремарка. Что не является объектами авторского права: «Авторское право не распространяется на собственно идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия, факты, даже если они выражены, отображены, объяснены или воплощены в произведении».

Если вы взяли иностранца и проехали с ним по Беларуси, сделали фото и описали впечатления приезжего – это статья, подпадающая под действие авторского права. Ее нельзя просто так украсть. Но если кто-то из другого СМИ возьмет другого иностранца, сделает другие фото (пусть даже и похожие) и придет к схожим выводам – в этом нет нарушения авторского права.

4 апреля 2016 года вступили в силу изменения в административном законодательстве в сфере авторского права, смежных прав и права промышленной собственности.

Пересмотру подверглись положения статьи 9.21 Кодекса об административных правонарушениях, ранее предусматривавшей ответственность за нарушение авторских, смежных и патентных прав. Старая редакция этой статьи носила характер отсылочной нормы – то есть, чтобы ясно понять, какие действия запрещено предпринимать в отношении объектов интеллектуальной собственности, нужно было обращаться к Закону «Об авторском праве и смежных правах». Новая же редакция статьи 9.21 КоАП более конкретизирована и состоит из трех частей.

Первая часть предусматривает ответственность за присвоение авторства либо принуждение к соавторству. Причем если подобное правонарушение будет совершено повторно в течение определенного периода, виновному грозит уже уголовное наказание. Раньше этого положения в административном законодательстве не было – наказание за подобного рода деяния, сопряженные с причинением крупного ущерба, было предусмотрено статьей 201 Уголовного кодекса.

Вторая часть статьи 9.21 КоАП устанавливает запрет на хранение с целью распространения контрафактных экземпляров произведений, записанных исполнений, фонограмм, передач организаций эфирного и кабельного вещания. Одним из нюансов этой нормы станет то, что она облегчит работу сотрудников правоохранительных органов. Дело в том, что раньше оперативникам приходилось сталкиваться с ситуациями, когда в торговой точке фиксировалась реализация, допустим, одного диска с контрафактным произведением.

А под прилавком в ящике находилась тысяча таких же дисков, изъять которые было достаточно проблематично: для этого правоохранителям нужно было выстраивать сложные логические цепочки, убедительно доказывающие, что продавец действительно хотел получить доход от реализации обнаруженных дисков. Теперь же тот факт, что контрафактные диски находятся в торговой точке, уже образует умысел на совершение административного правонарушения. И предмет этого правонарушения может быть конфискован вне зависимости от того, в чьей собственности он находится.

Наконец, третья часть статьи 9.21 КоАП предусматривает ответственность за незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности. Какие конкретно нарушения имеются в виду в данном случае, подробно указано в действующем Законе «Об авторском праве и смежных правах».

Также стоит отметить, что в новой редакции статьи 9.21 КоАП поднята нижняя планка размера административного наказания и конкретизирован сам размер взыскания.

Кстати, несколько лет назад, когда только начиналось обсуждение возможных изменений законодательства в области интеллектуальной собственности, МВД предлагало разработать отдельный законопроект. Он бы, в частности, четко определял составы противоправных деяний и предусматривал не только ужесточение норм административного взыскания, но и конфискацию орудий производства контрафактных товаров, а также конфискацию контрафакта при его ввозе или перемещении по территории Беларуси. Однако законодатели все же решили пойти по пути совершенствования Кодекса об административных правонарушениях.

Что касается обывательских слухов о том, что вскоре милиция начнет отлавливать и штрафовать чуть ли не всех подряд за использование пиратского контента – подобные утверждения не имеют ничего общего с реальностью.

Безусловно, чисто теоретически, исходя исключительно из буквы, а не духа закона, человека можно будет наказать, если он, к примеру, поделился с друзьями ссылкой на нелегальное произведение или разместил его у себя в блоге – то есть, для всеобщего обозрения и увеличения количества подписчиков. Но, исходя из сложившейся практики, произойдет это в том случае, если на нарушителя пожалуется правообладатель или его законный представитель, написав соответствующее заявление об ущемлении своих авторских прав. Если же кто-то решит сообщить, что смотрел

у соседа контрафактный кинофильм (формально это является незаконным распространением контента, потому что использовать авторское произведение можно только в личных целях в кругу родственников и в единичном экземпляре), то такая информация будет проверена, если заявитель предъявит документ, подтверждающий, что он является правообладателем или доверенным лицом автора, а также представит доказательства публичного распространения произведения. В противном случае сосед может не беспокоиться. Ведь, как правило, ни авторы, ни владельцы иных прав на объекты интеллектуальной собственности не обращают особого внимания на нарушения их авторских прав, совершенные простыми обывателями. Обычные люди не извлекают из этого коммерческую выгоду, значит, и ущерб, причиняемый их действиями правообладателю, либо несущественен, либо его вообще невозможно подсчитать. Другое дело, например, систематическая и рассчитанная на массового зрителя незаконная демонстрация фильма в кинотеатре или исполнение песни в клубе. В таких случаях нарушители авторских прав получают немалый доход, поэтому для борьбы с ними у правообладателей есть очевидный резон [4].

Так что, повторимся, сами авторы должны проявлять инициативу в отстаивании своих прав и, обращаясь в правоохранительные органы, указывать конкретные объекты интеллектуальной собственности, нуждающиеся в защите от неправомерного использования.

Возьмем, к примеру, пресловутые торрент-площадки. Если правообладатель пожалуется на какую-то из расположенных в Беларуси, установить физическое местонахождение сервера и наказать его владельца будет несложно. Причем в случае оценки автором ущерба, нанесенного незаконным использованием его произведения, в сумму свыше 500 базовых величин это грозит даже уголовным преследованием. Другое дело, что иногда правообладатели распространение своих произведений воспринимают как бесплатную рекламу и не стремятся к наказанию нарушителей [9; 10].

Заключение. Таким образом, редакция статьи 9.21 КоАП направлена не на борьбу с рядовыми потребителями пиратского контента, а на создание в Беларуси, в соответствии с общемировой практикой, благоприятных условий для защиты прав авторов или держателей патентов.

Немаловажным является то, что последнее слово, определяющее дальнейшее развитие административного или уголовного процесса, принадлежит самим правообладателям.

Литература

1. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-3: принят Палатой представителей 27 апр. 2011 г.: одобр. Советом Респ. 28 апр. 2011 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Близнец, И.А. Авторские и смежные права / И.А. Близнец, К.Б. Леонтьев. – М.: Проспект, 2015. – 416 с.
3. Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права: сб. актов законодательства / сост. В.Г. Гавриленко. – Минск: Право и экономика, 2004. – 384 с.
4. Иванова, Д. Основы управления интеллектуальной собственностью: практикум / Д. Иванова. – Минск: Изд-во Гревцова, 2015. – 192 с.
5. Якимиха, А.П. Управление объектами интеллектуальной собственности в Республике Беларусь / А.П. Якимиха. – Минск: Амалфея, 2015. – 472 с.
6. Кудашов, В.И. Интеллектуальная собственность: охрана и реализация прав, управление: учеб. пособие / В.И. Кудашов. – Минск: БНТУ, 2014. – 322 с.
7. Герасимова, Л. Основы управления интеллектуальной собственностью / Л. Герасимова. – Минск: Изд-во Гревцова, 2016. – 256 с.
8. Свечникова, И.В. Авторское право / И.В. Свечникова. – М.: Изд-во «Дашков и Ко», 2014. – 208 с.
9. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск: Амалфея, 2017. – 48 с.
10. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г. № 218-3: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.08.2018 № 135-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Поступила в редакцию 21.11.2018 г.

УДК 340.5:341.942

Толкование в применении иностранного права

Егорова А.Г.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Исследованию проблем применения иностранного права посвящено большое количество работ. В основном они касаются применения иностранных норм национальными судами. Но совершенно отсутствуют сравнительно-правовые исследования, предметом которых являлись бы вопросы трансграничного применения иностранных нормативных регуляторов. Вместе с тем именно сравнительно-правовая наука призвана принять самое активное участие в совершенствовании процесса национального правоприменения в сфере установления содержания иностранного права и применения иностранных норм.

Цель статьи – совершенствование работы национальных судов в области применения иностранного права.

Материал и методы. Материалом выступили положения национальных правовых актов, определяющих основания и порядок применения иностранных норм в национальных правовых системах. В частности, таким источником является Гражданский кодекс Республики Беларусь и его нормативные положения, закрепленные в статьях 1094 и 1095. Основным методом данного научного исследования выбран сравнительный прием познания правовой действительности.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматриваются основные подходы по толкованию норм иностранного права путем применения методов нормативного и функционального толкования правовых норм, а также социальных явлений одностороннего характера. Вводится предложение относительно понимания традиционного правила поведения, характерного для определенного общества.

Заключение. Основой применения иностранного права национальными белорусскими судами является доктринальное понимание источников зарубежного права. Данные источники нацелены на закрепление тех нормативных правил, которые типичны и традиционны для их правовых систем.

При доктринальном толковании положения и роли источников в иностранном государстве необходимо использовать совместно методы нормативного и функционального сравнения источников. При нормативном сравнении происходит механическое сопоставление правил поведения, а при функциональном познании сравниваются социальные ситуации, которые требуют своего нормативного разрешения.

Основная правоприменительная функция – качественная квалификация социальной модели, сложившейся в условиях конкретного места и времени. Правоприменитель, и в особенности судья, не должен копировать нормативные подходы зарубежного общества, а оценивать ситуацию, сравнивая социальные институты и условия их функционирования, сложившиеся в иностранном государстве.

Ключевые слова: иностранное право, национальный правоприменитель, правовая система, сравнение, сравнительное правоведение.

Interpretation in the Enforcement of Foreign law

Egorova A.G.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

A large number of works are devoted to the study of the issues of application of foreign law. They mainly concern the application of foreign rules by national courts. However, there is absolutely no comparative legal research, the subject of which would be the issues of cross-border application of foreign normative regulators. At the same time, it is the comparative legal science that is to take an active part in improving the process of national law enforcement in the sphere of establishing the content of foreign law and the application of foreign norms.

The purpose of the article is improvement of work of the national courts in the field of foreign law enforcement.

Material and methods. The material was the provisions of national legal acts defining the grounds and procedure for the application of foreign norms in national legal systems. In particular, the main source is the Civil Code of the Republic of Belarus and its normative provisions enshrined in articles 1094 and 1095. The main method of this research is a comparative method of learning the legal reality.

Findings and their discussion. The article deals with the basic approaches to the interpretation of foreign law through the use of methods of normative and functional interpretation of legal norms, as well as social phenomena of the same type. A proposal to understand the traditional rule of behavior typical for a particular society is introduced.

Conclusion. The basis for the application of foreign law by national Belarusian courts is a doctrinal understanding of the sources of foreign law. These sources are aimed at fixing those regulatory rules that are typical and traditional for their legal systems.

In the doctrinal interpretation of the position and role of sources in a foreign state, it is necessary to use together the methods of normative and functional comparison of sources. In normative comparison there is a mechanical comparison of rules of behavior, and in functional knowledge social situations which demand the normative permission are compared.

The main law enforcement function is the qualitative qualification of the social model that has developed in the conditions of a particular place and time. The law enforcement officer, and in particular, the judge should not copy the normative approaches of foreign society, but assess the situation by comparing social institutions and the conditions of their functioning in a foreign country.

Key words: foreign law, national law enforcement, legal system, comparison, comparative law.

Исследованию проблем применения иностранного права посвящено большое количество работ. В основном они касаются применения иностранных норм национальными судами [1–5]. Но совершенно отсутствуют сравнительно-правовые исследования, предметом которых являлись бы вопросы трансграничного применения иностранных нормативных регуляторов. Вместе с тем именно сравнительно-правовая наука призвана принять самое активное участие в совершенствовании процесса национального правоприменения в сфере установления содержания иностранного права и применения иностранных норм.

Цель статьи – совершенствование работы национальных судов в области применения иностранного права.

Материал и методы. Материалом выступили положения национальных правовых актов, определяющих основания и порядок применения иностранных норм в национальных правовых системах. В частности, таким источником является Гражданский кодекс Республики Беларусь и его нормативные положения, закрепленные в статьях 1094 и 1095. Основным методом данного научного исследования выбран сравнительный прием познания правовой действительности.

Результаты и их обсуждение. Палитра правовой жизни современных обществ чрезвычайно

разнообразна. Наряду с устоявшимися формами романо-германского и англосаксонского права продолжают действовать, казалось бы, архаичные нормы религиозного и общинного права. Происходит конвергенция традиционных форм, например, континентального кодифицированного и прецедентного права. Внедряются новые формы нетрадиционного права – мусульманского, индуистского, иудейского и т.д.

В этих условиях национальному правоприменителю проще «отказаться» от применения зарубежных правовых регуляторов, чем отыскивать формы права, существующие в экзотических, с нашей точки зрения, правовых системах. Но такой подход нивелирует ценность интернационализации общественной жизни, провоцирует на исключение национальной правовой системы из сферы международного взаимодействия. Неоценимую помощь в преодолении этих тенденций может сыграть наука сравнительного правоведения.

Правовая компаративистика представляет собой общеправовую методологическую науку, специализированно изучающую иностранные правовые компоненты [6, с. 47]. Суть специализации данного научного направления состоит в сравнительном познании правовой материи разной системной принадлежности. В связи с этим особый интерес к результатам научного познания сравнительного характера проявляет, прежде всего, наука международного частного права.

Квинтэссенция данной науки с точки зрения применения иностранного права изложена в ст. 1095 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее ГК РБ), определяющей основания установления содержания иностранного права [7]. Согласно данной норме, суд обязан это делать в соответствии с официальным толкованием, практикой применения и доктриной, сложившимися в иностранном государстве, право которого предполагается для применения в другой правовой системе.

Существует принципиальная разница между англосаксонскими и романо-германскими (континентальными) традициями относительно понимания и осуществления толкования норм права. Основную роль в осуществлении толкования играет метод сравнения. С точки зрения сравнительного правоведения речь идет о трех видах сравнения: нормативном, функциональном и доктринальном.

Нормативное и функциональное сравнение известно достаточно давно. Нормативное сравнение по сути дела представляет собой сопоставительное познание нормативно-регулятивного контента иностранного и национального права. Часто сравнение норм происходит с использованием нормативной базы сразу нескольких правовых систем. Как правило, сравниваются правила поведения, сложившиеся в той или иной стране. Казалось бы, нет ничего проще, чем сравнивать нормы права, которые имеют материальное закрепление в законах, кодексах, циркулярах, прецедентах и т.д. Но нормативное сравнение еще не заканчивается простым сравнением правил. Ошибка, которую допускают в этом случае правоприменители, приводит к механическому воспроизведению норм, возникших и функционирующих в разных системных условиях. Обязательному сравнению изначально должны подлежать не сами правила, а формы их закрепления, и более того, не только формы или источники права, а в широком смысле – вся формальная сторона возникновения и функционирования правовых норм. Речь идет о сравнительной работе в отношении следующих компонентов нормативного характера:

- формы существования правила поведения;
- степени абстрактности или казуальности нормы;
- способа создания нормы.

Первый компонент сравнительного познания касается формы бытия правовой нормы в той или иной правовой системе. Правоприменитель, в том числе и судья, должен понимать, что основной формой существования англосаксонских правил является прецедент; формальной «оболочкой» религиозного правила поведения считается священный источник (Коран, Тора, Веды и т.д.); традиционной формой романо-германского права признается нормативный правовой акт (закон, ди-

ректива, циркуляр и т.п.). Для правоприменителей очень важны сравнительно-правовые знания об источниках (формах) иностранного права. К сожалению, традиционные курсы общей теории права больше ориентируют обучающихся на изучение национальных источников права. Важные вопросы действия норм права во времени, в пространстве и по кругу лиц рассматриваются в сугубо национальной плоскости применения правовых норм. Само понимание права как общего социального феномена также больше привязано к исследованию национальных традиций нормативности, системности, гарантированности и формальной определенности правил поведения. В системе юридического образования отсутствуют действительно компаративные учебные дисциплины методологической направленности. В основном речь идет об изучении отраслевых дисциплин сравнительно-правовой направленности – конституционного права зарубежных стран, сравнительного административного права, гражданского и торгового права зарубежных государств. Само изучение сравнительного правоведения, или курса «Правовые системы современности», носит больше информационный характер, а будущие правоприменители получают обзорные знания о существующих правовых системах современности в самом общем виде. Отраслевые юридические науки также лишены сравнительно-правового методологически ориентированного компонента познания иностранного права. Так, наиболее близкая по исследованию иностранного права дисциплина – международное частное право – ограничивается темами, связанными с техническими вопросами применения коллизионных норм и установления содержания иностранного права. Нужно сказать, что данные вопросы достаточно обстоятельно исследуются в науке международного частного права, но под своим углом зрения, лишенным широкого методологического подхода к исследуемой проблеме по оценке иностранного права.

Изучение формальной и содержательной природы иностранного права, как и зарубежной правовой системы в целом, представляет собой важную образовательную и правоприменительную проблему, поскольку без знания истинной природы инородного правового регулятора невозможно принять качественное юрисдикционное решение, влияющее на авторитет национальной правоприменения.

Установление нормативной основы принимаемого решения представляет собой важное звено познания как самой формы существования иностранного права, так и способа его появления. Правоприменитель должен различать судебную и парламентскую формы правотворчества, в результате реализации которых появляются

абсолютно разные, в том числе и по своему содержанию, нормы права. Судебный способ нормотворчества предполагает создание нормативной системы, о содержании которой не знает сам национальный правоприменитель до момента вынесения решения. Судебная практика как источник права – уникальное явление современного правоприменения. Судье необходимо относиться к этой форме нормотворчества с большой осторожностью. Имея дело с прецедентными системами, мы должны понимать невозможность применения соответствующих иностранных норм в форме прецедентов. Другое дело – кодифицированное законодательство. Положения кодексов, других нормативных правовых актов находятся в поле зрения континентального правоприменителя, а значит, и в арсенале национального судьи.

Вся суть вопроса правоприменения при оценке нормативности изучаемого правила заключается в установлении формы юридической обязательности того правила, которое сложилось за рубежом и подлежит обязательному применению, скажем, белорусским судьей: иными словами, *является ли данное правило нормой права в стране своего происхождения*. Этот вопрос становится основным при принятии решения о применении иностранной правовой нормы. Очень редко в национальном законодательстве других стран мы можем найти законы об источниках права. В частности, такой нормативный документ присутствует в системе законодательства Беларуси. Ныне действующий Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [8] не просто перечисляет действующие источники права, но и дает каждому из них нормативное определение, то ли в форме присвоения конкретного термина, то ли путем перечисления видов нормативных документов, относящихся к тому или иному источнику права. Дискуссия о необходимости принятия подобного закона продолжается и в Российской Федерации.

В странах романо-германского права аналогичное законодательство отсутствует. Соответственно, такая же ситуация существует и в странах англосаксонского права, в которых, к тому же, основным источником права признается юридический прецедент. Не составляет исключения и существующая практика единообразных законов в правовой системе США, которые, по сути дела, содержат не нормативное определение форм права, а технику работы с федеральными модельными актами наподобие типовых кодексов по уголовному праву, уголовному процессу, доказательственному праву США.

Таким образом, понимание системы и содержания источников иностранного права основано на доктринальном, нигде нормативно не определяемом понимании определенной группы норм,

которые национальный правоприменитель должен установить и определить в качестве обязательных для применения в каждом конкретном случае.

Поэтому требования ст. 1095 ГК РБ о применении иностранного права в соответствии с доктриной, сложившейся в иностранном государстве, касаются, прежде всего, оценки характера источника права и его юридической силы в зарубежной системе права, а затем уже самого содержания иностранных норм. Относительно квалификации юридических понятий при определении права, подлежащего применению, этот вопрос решается в соответствии со ст. 1094 ГК РБ, как правило, в пользу российского права и составляет самостоятельный вид деятельности национального правоприменителя.

Сравнительно-правовая практика определения иностранных источников права основывается на двух подходах в оценке иностранного «законодательства»: первичности и вторичности (субсидиарности) форм права; конкуренции традиционных и рецептированных форм права.

Проблема деления источников права на первичные и вторичные характерна не только для романо-германских систем права. Сравнительно-правовая наука устанавливает такие же закономерности в иерархии и правовых системах англосаксонского, и даже религиозно-общинного права. Так, в английской правовой системе традиционно сложилось два структурных компонента в виде «общего права» и «права справедливости». Если первое звено представляет собой иерархическое звено исключительно судебной практики, то «право справедливости» помимо новых прецедентов включает целый ряд источников статутного права, в целом не характерного для судебной системы воспроизводства норм. То же касается и так называемых систем религиозно-общинного (традиционного) права. Независимо от происхождения норм (племенного, обычного, божественного и т.п.) в системе традиционного права действуют нормы, определяющие поведение всех членов общины, и есть нормы, относящиеся к регулированию поступков определенной группы членов общины (варны, касты, племени и т.п.). В любом случае действуют первичные и вторичные источники одной и той же системы традиционного права.

Применение источников романо-германского права основано на ведущем положении закона как источника права, занимающего основное положение в иерархии правовых форм. Но при всей общности взглядов на значение закона в континентальном обществе стоит все же отметить разницу в интерпретации данной формы разными правовыми системами романо-германского типа. Можно сказать, что сложилось два направления в оценке законодательных форм права – немецкая и французская концепции.

Согласно первой теории основой закона считается намерение законодателя, которое не может вольно интерпретироваться правоприменителем. В таких странах, как Австрия, Италия, Германия, и ряде других правовых систем, развивающихся по немецкой модели, сам закон предписывает судам «толковать нормы права в соответствии с намерением законодателя» [9, с. 87]. Оценка этого факта иностранными правоприменителями чрезвычайно важна уже на этапе выбора применяемого права. Судья должен понимать, что применение закона, согласно немецкой модели, требует особого толковательного подхода. К тому же ст. 1095 ГК РБ требует установления содержания иностранного права в соответствии с толкованием и доктриной, сложившимися в иностранном государстве (п. 1). С толкованием ГК РБ связывает лишь официальную интерпретацию текстов нормативных документов, которая осуществляется соответствующими уполномоченными органами. Что касается другой части толкования – доктринальной, то она полностью располагается в сфере академической правовой науки. Авторитет немецких, австрийских, итальянских ученых в области права чрезвычайно высок. Достаточно обратиться к практике использования правоприменителями комментариев к кодексам и другим нормативным актам. Так, известный Комментарий к Гражданскому кодексу Германии (Palandt) издан уже 73-м тиражом и успешно применяется на практике [9, с. 70].

Другая ситуация сложилась во французской правовой системе и тех странах, которые развиваются по аналогичной модели. Здесь судьи уполномочены на «самое широкое толкование» [10, с. 87]. Максимум, чем пользуется французский судья при неясности намерения законодателя, так это подготовительными законопроектными документами. Причем делает он это, в отличие от своего немецкого коллеги, достаточно редко. В остальном – французскому судье предоставлено широкое толковательное право относительно закона при неясности или неполноте данного нормативного документа. Применяя французский закон, иностранный правоприменитель должен быть готов к максимальным усилиям по изучению национальной практики французских судов, что сделать сложнее, нежели изучить классические формулы толковательных источников Германии.

Серьезной проблемой для иностранного правоприменителя является оценка «первичности» и «вторичности» источников права. Наиболее понятна для нашего судьи континентальная структура источников права. Помимо закона к основным формам права относятся обычаи, природа кото-

рых, правда, также не однородна в зависимости от специфики правовых систем романо-германского типа.

Заключение. Основой применения иностранного права национальными белорусскими судами является доктринальное понимание источников зарубежного права. Данные источники нацелены на закрепление тех нормативных правил, которые типичны и традиционны для их правовых систем.

При доктринальном толковании положения и роли источников в иностранном государстве необходимо использовать совместно методы нормативного и функционального сравнения источников. При нормативном сравнении происходит механическое сопоставление правил поведения, а при функциональном познании сравниваются социальные ситуации, которые требуют своего нормативного разрешения.

Основная правоприменительная функция – качественная квалификация социальной модели, сложившейся в условиях конкретного места и времени. Правоприменитель, и в особенности судья, не должен копировать нормативные подходы зарубежного общества, а оценивать ситуацию, сравнивая социальные институты и условия их функционирования, сложившиеся в иностранном государстве.

Литература

1. Азнагулова, Г.М. Применение норм международных договоров и норм права иностранных государств в российской правовой системе / Г.М. Азнагулова // Юридическая мысль. – 2012. – № 1. – С. 6–11.
2. Воронина, З.И. Применение судами Российской Федерации иностранного права / З.И. Воронина // Российский судья. – 2008. – № 9. – С. 25–27.
3. Давыденко, С.Ю. Значение и функции оговорки о публичном порядке в иностранном и российском праве / С.Ю. Давыденко // Закон. – 2013. – № 2. – С. 31–38.
4. Некрасов, И.А. Применение иностранного права судами РФ: общая характеристика и значимость / И.А. Некрасов // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1. – С. 710–715.
5. Петрова, Е.И. Основания применения иностранного права и проблемы квалификации юридических понятий в судебной практике / Е.И. Петрова // Социальное и пенсионное право. – 2005. – № 2. – С. 30–34.
6. Егоров, А.В. Сравнительное правоведение: учеб. пособие / А.В. Егоров. – Минск: Выш. шк., 2015. – 255 с.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07 дек. 1998 г. № 218-З [Электронный ресурс] // Банк данных «Законодательство Республики Беларусь», Эталон 6.8. – Минск, 2018.
8. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2000 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 янв. 2002 г. № 81-З [Электронный ресурс] // Банк данных «Законодательство Республики Беларусь», Эталон 6.8. – Минск, 2018.
9. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1997. – 400 с.
10. Жалинский, А.Э. Введение в немецкое право / А.Э. Жалинский, А.А. Рерихт. – М.: Спарк, 2001. – 767 с.

Поступила в редакцию 26.11.2018 г.

Моделирование развития лесного комплекса Республики Беларусь

Забродская Н.Г.¹, Липницкий Л.А.²

¹Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники

²Международный государственный экологический институт имени А.Д. Сахарова БГУ

Лесной комплекс Республики Беларусь включает лесное хозяйство и отрасли, обеспечивающие заготовку и переработку древесного сырья. Являясь одной из самых лесистых территорий Европы, республика должна задумываться об ее охране и рациональном использовании.

Материал и методы. Методологическую основу исследования составили комплексный анализ и системный подход в рассмотрении лесного комплекса республики. Информационной базой послужили научные статьи и документы Минлесхоза. При этом использовались методы сравнительного анализа, группировки, обобщения, моделирования.

Результаты и их обсуждение. В статье дан анализ состояния лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности Республики Беларусь. Отмечены вопросы возрастной структуры лесов, саморегуляции лесных экосистем. Подняты проблемы развития лесного рынка республики, освещены роль в нем лесхозов, вопросы структуры поставляемых на экспорт лесоматериалов. Дан сравнительный анализ с организацией работы лесного хозяйства зарубежных стран. Для эффективного развития производств лесного комплекса необходима выработка стратегии, основанной на принципах рационального использования древесины и неистощимого лесопользования. Указаны особенности лесного хозяйства, требующие отражения в экономико-математических моделях. Предложена структурно-логическая схема многоуровневой модели устойчивого развития лесного комплекса. Указаны задачи, которые необходимо решить на каждом уровне структурно-логической схемы. Разработана математическая модель и даны расчетные формулы для решения задач, поставленных для каждого уровня разработанной схемы. Указаны факторы, которые необходимо учитывать при размещении лесоперерабатывающих производств. Приведены правила расчета затрат на производство и транспортировку сырья и готовой продукции. Даны результаты анализа выходных параметров задачи оптимизации размещения производств лесного комплекса.

Заключение. Применение предложенной методики повышает точность прогнозных математических расчетов для краткосрочного периода и расширяет возможности планирования на долгосрочный и среднесрочный периоды, что обеспечивает рациональное использование древесины и получение ожидаемого экономического эффекта.

Ключевые слова: лесной комплекс, моделирование, структурно-логическая схема.

Modeling of the Development of the Forest Complex of the Republic of Belarus

Zabrodskaya N.G.¹, Lipnitski L.A.²

¹Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics,

²International Sakharov Environmental Institute of Belarusian State University

The forest complex of the Republic of Belarus includes forestry and industries that ensure the harvesting and processing of raw wood. Being one of the most wooded territories of Europe, the Republic should think about its protection and rational use.

Materials and methods. The methodological basis of the study was a comprehensive analysis and a systematic approach to the consideration of the forest complex of the Republic. The informational basis of the research was scientific articles and documents of the Ministry of Forestry. The study used the methods of comparative analysis, grouping, generalization, modeling.

Findings and their discussion. The article analyzes the state of the forestry and woodworking industry of the Republic of Belarus. The issues of the age structure of forests, self-regulation of forest ecosystems are noted. The problems of the development of the forest market of the Republic, the role of forestry enterprises in it, the structure of the timber supplied for export are raised. A comparative analysis is given with the organization of the work of forestry in foreign countries. For the effective development of forestry production, it is necessary to develop a strategy based on the principles of rational use of wood and inexhaustible forest use. The features of forestry that require reflection in the economic-mathematical models are indicated. A structural and logical scheme of a multilevel model of sustainable development of the forest complex is proposed. The tasks that need to be solved at each level of the structural and logical scheme are indicated. A mathematical model was developed and calculation formulas were given for solving the problems posed for each level of the developed scheme. The factors that must be considered when locating wood processing industries are indicated. The rules for calculating the cost of production and transportation of raw materials and finished products are given. The results of the analysis of the output parameters of the problem of optimizing the location of production of the forest complex are presented.

Conclusion. The use of the proposed method improves the accuracy of predictive mathematical calculations for the short-term period and expands the planning possibilities for the long-term and medium-term periods, which ensures rational use of wood and obtaining the expected economic effect.

Key words: forest complex, modeling, structural and logical scheme.

Лесной комплекс Республики Беларусь включает лесное хозяйство, лесную, деревообрабатывающую, целлюлозно-бумажную, лесохимическую, микробиологическую, древесно-плиточную, фанерную промышленность, производства стройдеталей и мебели, т.е. отрасли, обеспечивающие заготовку древесного сырья, его использование, воспроизводство и охрану лесных ресурсов.

В валовом внутреннем продукте Республики Беларусь доля лесного комплекса составляет 4,5%, численность работающих превышает 110 тыс. чел. – 3% трудоспособного населения [1].

В настоящее время Республика Беларусь является одной из самых лесистых территорий Европы, где леса занимают 39,8% ее площади [2]. Сразу после войны этот показатель составлял 22%, что стало следствием варварской эксплуатации лесов [3]. Общий запас древесины достигает 1796 млн куб. м, из него спелые и перестойные леса – 296 млн куб. м. Земли государственного лесного фонда составляют 9582 тыс. га (из 207595 кв. км территории республики). Лесами занято 8724,1 тыс. га земель государственного лесного фонда, остальную площадь занимают болота, луга, закустаренные земли [2].

Большая часть лесов приходится на Гомельскую, Витебскую и Минскую области, где их доля составляет соответственно 23,7%, 19,7% и 18,3% общей площади лесного фонда Республики Беларусь. Для Брестской, Могилевской и Гродненской областей данный показатель имеет значение 15%, 12,9% и 10,4% [4].

Лес – это уникальный самовозобновляющийся ресурс, природный полимер, из которого можно произвести 20 тысяч наименований продукции. Например, из одного кубического метра древесины и ее отходов можно получить 200 кг целлюлозы, 160 кг вязкого шелка, 1500 квадратных сантиметров ткани, 10–22 кг кормовых дрожжей. На производство одной тонны бумаги расходуется 5–6 кубических метров древесины.

Материал и методы. Методологическую основу исследования составили комплексный анализ и системный подход в рассмотрении лесного комплекса республики. Информационной основой исследования послужили научные статьи и документы Минлесхоза. При этом использовались методы сравнительного анализа, группировки, обобщения и экономико-математические методы моделирования.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время наблюдается устойчивая экономическая закономерность: чем выше степень переработки,

тем больше прибыль. Однако при существующей экономической системе ценообразования невыгодно использовать отходы производства. Поэтому встает вопрос о расчете предельных цен на лесосырье и отходы, при которых предприятиям выгодно использовать отходы, или возмещения им экономических издержек за счет последующего предприятия технологической цепочки или потребителя.

Если небольшие средства направить на разработку и внедрение рыночного механизма управления путем создания системы материальной заинтересованности работников лесного комплекса и местных властей в экологически безопасном, научно обоснованном ведении хозяйства, внедрение рыночных реформ, мониторинг состояния окружающей среды, то результаты работы лесного комплекса, экология регионов республики, здоровье нации значительно улучшатся.

В Беларуси нарушена возрастная структура лесов. Принципы постоянства, неистощимости, равномерности лесопользования, правило «золотого сечения», возрастной структуры наиболее ценных хвойных насаждений определяют оптимальное соотношение молодняков, средневозрастных, приспевающих и спелых лесов как 40:20:20:20 процентов. Фактически удельный вес спелых лесов ниже 15 процентов [2]. Рубки в приспевающих лесах ведутся опережающими темпами, поэтому доля спелых хвойных лесов не может достичь требуемого уровня. Это означает необходимость оптимизации возраста рубки и увеличения возраста технической спелости хотя бы на один класс.

Невозможно сформировать леса будущего, если в настоящее время средний лесной урожай спелых хвойных лесов составляет всего 220 кубометров на гектар, а вместо 500–600 деревьев на гектаре остается к возрасту рубки всего 200–250 штук. Необходимо развивать весь комплекс лесовыращивания, технологию посадок, селекцию и семеноводство для получения в 2–3 раза больших лесных урожаев, достигающих 500–600 кубометров древесины на гектар.

Кроме того, стабильность и механизм саморегуляции лесных экосистем нарушаются засушливыми периодами прошедшего десятилетия, буреломными ураганными ветрами, различными видами болезней и вредителей леса. Это заставляет вести рубку в запущенных лесах и применять биологические методы защиты в остальных.

Государственному лесному фонду постепенно передаются леса, принадлежащие сельскохозяйственным предприятиям, где нарушена возрастная структура, низкоплотные древостои с множеством рядин и прогалов. На баланс лес-

хозов передаются сотни тысяч гектаров низкопродуктивных земель сельскохозяйственного назначения. Эти земли заражены корневой гнилью, хрущами и другими вредителями и требуют обязательной химической обработки почв. В результате наблюдается процесс роста объемов и интенсивности лесопосадок.

Стержнем развития лесного рынка является его либерализация, в том числе и продажа леса на корню. Либерализация рынка лесных товаров и леса на корню вызывает острую необходимость пересмотра лесной налоговой системы и коренного изменения соотношения бюджетной и хозрасчетной деятельности. Недостаточно разработаны и сложны для лесхозов нормативные документы по расчету такс, установлению лесотаксовых разрядов и их применению при множестве пользователей.

В результате непродуманных решений у лесхозов был отобран статус предприятия и придан им статус учреждения, что противоречит нормам Лесного кодекса и не согласуется с Гражданским кодексом. В итоге сегодня лесхоз – это государственное унитарное предприятие, которое представляет собой коммерческую организацию, не наделенную правом собственности на закрепленное за ним имущество. Тогда как, по сути, лесхоз – это обособленная производственная единица, основа лесного хозяйства. Все его производства, включая лесохозяйственное, строятся на принципах самоокупаемости и самофинансирования. Финансовая самостоятельность и независимость лесхозов – основа их устойчивого развития. Надо отказаться от всех схем, сдерживающих лесную инициативу. Все доходы от деятельности лесохозяйственного предприятия должны поступать на его расчетный счет. Целесообразно было бы перевести на самофинансирование отдельные лесхозы, достигшие оптимальных экономических параметров.

Лесохозяйственные предприятия поставляют в зарубежные страны хвойные и березовые балансы, рудничные стойки, обрезные пиломатериалы, брус строганный, заготовки для европоддонов, продукты побочного пользования. Продукция экспортируется в Россию, Западную Европу, Прибалтику. Например, в Германию в основном идут пиломатериалы, во Францию – оцилиндрованная древесина, а Калининградский целлюлозно-бумажный комбинат заказывает балансы. Заметное место в системе внешнеторгового оборота занимает продукция переработки древесины: мебель, древесные плиты, фанера, строительные детали и другие виды продукции, которые изготавливаются на основе собственных ресурсов древесного сырья. Внешнеторговые операции

лесохозяйственных предприятий имеют устойчивое положительное сальдо. Однако деятельность лесхозов во внешнеэкономической сфере настолько зарегламентирована, что работникам бывает трудно определить свои плановые показатели.

В развитых странах мира и Российской Федерации наблюдается общая тенденция перехода от прямого государственного управления лесным хозяйством к политике косвенного экономического регулирования и государственного управления лесами, включающего следующие функции:

- установление порядка владения, пользования и изъятия лесов, единых для страны систем лесоустройства, ведения государственного лесного кадастра, учета и мониторинга лесов, их отнесения к группам и категориям защитности;
- распоряжение государственным лесным фондом;
- установление порядка воспроизводства, охраны и защиты лесов;
- государственный контроль состояния и использования лесов, соблюдения лесного законодательства.

В Республике Беларусь структура управления лесами в системе Министерства лесного хозяйства и территориальное расположение, количество лесохозяйственных предприятий сохранились с начала 90-х годов, при значительном увеличении непрофильной, приносящей основной доход лесхозам заготовке и переработке древесины. Не располагая оборудованием для комплексной переработки древесины и отходов, лесхозы, как правило, выпускают продукцию с низкой добавленной стоимостью, используя лучшие, высококачественные сортименты, а лесозаготовители специализированного концерна «Беллесбумпром» испытывают их дефицит. Искусственное облесение не успевает за вырубками, о чем наглядно свидетельствует нарушенная возрастная структура лесов, особенно по хвойным, наиболее ценным породам. Следовательно, назрела необходимость реформирования лесного комплекса, приведения его в соответствие рыночным требованиям, усиления роли защитных водохранных, санитарно-гигиенических, рекреационных функций лесов.

Лесохозяйственные, лесозаготовительные, лесохимические производства – сезонные отрасли, осуществляющие дорожное, транспортное строительство, освоение территории и вынужденные содержать социальную сферу, инфраструктуру за счет собственных средств. Значительная часть предприятий лесного комплекса является градообразующими.

Для выполнения социальных стандартов в этих поселениях необходимо объединение усилий лесхозов, местных советов и государства, разработка системы финансирования социальной сферы, стимулирующей данную деятельность предприятий и местных советов.

К сожалению, в Беларуси большинство налоговых поступлений от предприятий и территорий идет в республиканский бюджет, а затем перераспределяется на места. Оставшаяся старая система финансирования закрепляет неравномерность развития малых поселений, приводит к неэффективным, субъективным, бюрократическим решениям. При многочисленности программ по развитию малых городов и сельских поселений (до 50 тыс. жителей) и льгот, установленных для развития бизнеса (50% ставки налогообложения, освобождение от земельного налога, налога на недвижимость, льготное кредитование жилищного строительства), продолжаются сокращение численности населения и его миграция в крупные города. Следовательно, можно констатировать невыполнение государственных программ. Данную проблему целесообразно решать, применяя опыт Германии по развитию территорий, где большая часть налоговых поступлений остается в регионе в распоряжении местных властей, для промышленных территорий с большими бюджетами это соотношение 50 на 50 [5]. Немецкие экономисты и власти убеждены, что богатое процветающее государство возможно только тогда, когда богаты его жители и равномерно, устойчиво развиваются все территории. Для депрессивных районов применяется государственное субсидирование и разрабатывается целая система мер по их развитию с учетом местных особенностей и традиций. При принятии решений о направлении средств приоритет отдается мнению жителей и местных властей. Успешность данной экономической политики подтверждается быстрым выходом немецкой экономики из кризиса 2008–2009 годов.

Для эффективного развития производств лесного комплекса необходимы выработка стратегии, основанной на принципах рационального использования древесины и неистощимого лесопользования, моделирование процессов. Моделированию должна предшествовать разработка аналитической схемы, отражающей принципы взаимодействия структурных элементов системы. Освоение новой конкурентоспособной продукции связано с выполнением различных многовариантных исследований и требует применения экономико-математических методов и моделей, обеспечивающих выбор оптимального варианта развития с точки зрения рационального исполь-

зования ресурсов, повышения эффективности проектирования и производства современной продукции.

Лесной комплекс в отличие от других отраслей народного хозяйства имеет следующие особенности, требующие отражения в экономико-математических моделях:

- 1) соединение добывающей лесозаготовительной перерабатывающей отрасли и лесного хозяйства в различных организационных формах;
- 2) большое влияние природных факторов на экономические показатели лесохозяйственных, лесозаготовительных и перерабатывающих производств, на выбор рациональных логистических схем и размещение предприятий;
- 3) длительные сроки восстановления и воспроизводства лесных ресурсов, накладывающие ограничения на концентрацию производства лесозаготовок и деревообработки;
- 4) взаимозаменяемость лесной продукции и круглых лесоматериалов в потреблении (на стадии лесозаготовок в определенной степени взаимозаменяемы: пиловочник, балансы и другие сортименты; в конечном потреблении – пиломатериалы, фанера, древесные плиты, картон);
- 5) большое количество технологических переделов, превращающих лесосечный фонд в конечную продукцию с образованием значительной части отходов на территориально рассредоточенных предприятиях, различного ведомственного подчинения;
- 6) необходимость учета социальных и экологических факторов.

Среди всего многообразия инструментария наиболее разработаны имитационные модели, балансовые модели «затраты–выпуск»; модели на основе производственных функций. Имитационные модели описывают поведение систем, объясняя его и позволяя предсказывать будущие изменения. Производственная функция формируется как зависимость выходной переменной от двух или более входных переменных на основе учетной информации и, как правило, имеет вид линейной функции, определяющей количественные параметры между показателями производства, распределения и потребления продуктов в производственно-технической системе. Балансовые модели, часто называемые моделями «затраты–выпуск», описывают «приход» и «расход» каждой компоненты системы и лежат в основе финансового планирования.

Структурно-логическая схема многоуровневой модели устойчивого развития лесного комплекса на базе рационального использования древесины представлена на рисунке 1.

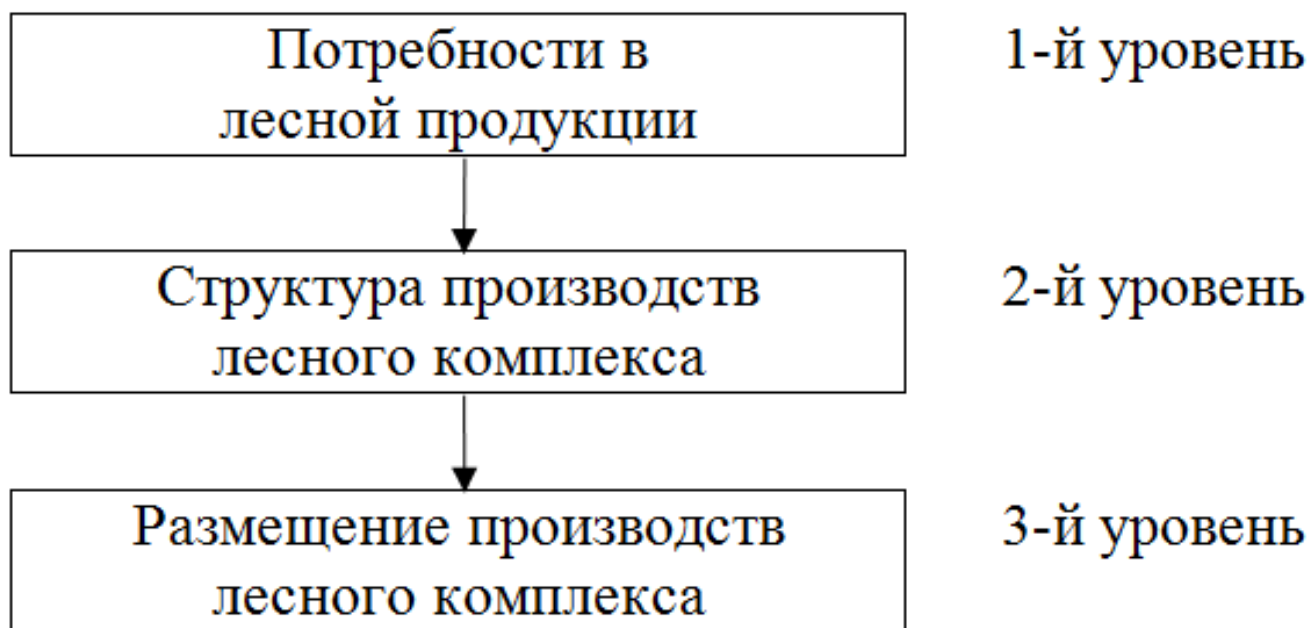

Рисунок 1 – Схема инновационной модели устойчивого развития лесного комплекса на базе рационального использования древесины и неистощимого лесопользования

На первом уровне статистическим и нормативным методами определяются потребности народного хозяйства и населения страны (с учетом экспортных поставок) в лесной продукции по отраслям конечного потребления. Результаты решения являются ограничениями на последующем уровне при совершенствовании структуры лесного комплекса.

Математическая запись модели определения потребности народного хозяйства и населения в лесной продукции:

l – индекс вида направления конечного потребления, $l = \{1, n\}$;

j – индекс вида лесной продукции, $j = \{1, m\}$;

r – вариант структуры потребления лесной продукции, $r = \{1, h\}$;

Q_l – объем производства l -го направления конечного потребления;

N_{lj}^r – норма расхода j -й лесной продукции на l -й вид направления конечного потребления по r -й структуре потребления;

Q_{lj}^r – объем j -й лесной продукции, необходимой для удовлетворения потребности l -го направления конечного потребления по r -му варианту;

Q_j^r – требуемые объемы j -й лесной продукции для удовлетворения потребности всех направлений конечного потребления по r -й структуре потребления.

Расчетные показатели определяются по следующим формулам:

потребность в j -й лесной продукции на l -е направление конечного потребления по r -й структуре с учетом взаимозаменяемости:

$$Q_{lj}^r = Q \times N_{lj}^r \quad (1)$$

общая потребность в j -м виде лесной продукции по r -й структуре потребления:

$$Q_j^r = \sum_{l=1}^n Q_{lj}^r \quad (2)$$

Рассчитанные потребности народного хозяйства в лесной продукции являются ограничениями в задаче второго уровня, определения оптимальной структуры производств лесного комплекса.

На втором уровне рассчитываются структура и размеры деревообрабатывающих производств с целевой функцией максимум расчетной прибыли, наиболее полно отражающей эффективность рационального использования древесного сырья и вклад лесного комплекса в конечные народнохозяйственные результаты.

Расчетная прибыль, получаемая при переработке каждого вида древесного сырья, определяется по формуле:

$$P_{ijk} = \frac{Z_j - S_{ijk} - b_i \times N_{ij} - E \times K_{ijk}}{N_{ij}} \quad (3)$$

где P_{ijk} – расчетная прибыль, получаемая при переработке единицы i -го вида древесного сырья в j -м производстве по k -му варианту типовой мощности;

Z_j – оптовая цена единицы j -й лесной продукции;

S_{ijk} – затраты на производство единицы j -й продукции, получаемой из i -го вида сырья по k -му варианту типовой мощности, без стоимости сырья;

b_i – стоимость единицы i -го вида древесного сырья;

N_{ij} – норма расхода i -го вида сырья на производство единицы j -й лесной продукции;

E – коэффициент сравнительной эффективности капитальных вложений;

K_{ijk} – удельные капитальные вложения в производство j -й продукции при изготовлении ее из i -го вида сырья по k -му варианту типовой мощности.

Однако абсолютизировать значение прибыли не следует, так как для устойчивого развития любого бизнеса важны приращение активов, направление значительной части прибыли на инвестиции и инновации, модернизацию техники и технологии, внедрение современных методов организации и управления производством, создание информационных сетей.

Определение оптимальной структуры производств лесного комплекса является задачей второго уровня.

Оптимизация структуры и размеров производств лесного комплекса представлена в виде задач линейного программирования, позволяющих сбалансировать первичные и вторичные ресурсы с потребностями перерабатывающих производств и спросом.

Математическая запись модели.

Условные обозначения:

i – индекс вида сырья;

i_1 – индекс вида первичного сырья;

i_2 – индекс вида вторичного сырья;

j – индекс вида продукции;

k – индекс варианта типовой мощности;

l – индекс существующего предприятия;

m – целые числа;

A_i – объем i -го вида сырья;

A_{i_1} – объем i_1 -го вида первичного сырья;

A_{i_2} – объем i_2 -го вида вторичного сырья;

B_{jk} – объем производства j -й продукции по k -му варианту типовой мощности;

b_{ij} – коэффициент полезного выхода j -го вида продукции из единицы i -го сырья;

Q_{jl} – объем производства j -й продукции на l -м предприятии;

$Y_{i_1 i_2 j}$ – норма образования вторичного сырья i_2 вида при переработке первичного сырья i_1 -го вида j -м производством;

P_{ijk} – расчетная прибыль на единицу i -го вида сырья, используемого в k -м варианте типовой мощности при выпуске j -го вида продукции;

P_{ijl} – расчетная прибыль на единицу i -го вида сырья, используемого на l -м существующем предприятии при выпуске j -го вида продукции;

d_{ij} – удельные капиталовложения единицы j -й продукции при изготовлении ее из i -го вида сырья;

K – лимит капитальных вложений в лесной комплекс региона.

Искомые величины:

X_{ijk} – объем i -го вида сырья, перерабатываемого j -м производством по k -й типовой мощности;

Y_{ijl} – объем i -го вида сырья, перерабатываемого j -м производством на l -м существующем предприятии.

При принятых обозначениях задача формулируется следующим образом: найти величины объемов сырья, используемого в каждом производстве на существующих и вновь вводимых мощностях, максимизирующие целевую функцию:

$$F_{(x,y)} = \sum_{i,j,k} P_{ijk} \times x_{ijk} + \sum_{i,j,l} P_{ijl} \times y_{ijl} \rightarrow \max \quad (4)$$

при ограничениях:

– объем используемого сырья не превышает имеющихся лесосырьевых ресурсов (первичных и вторичных);

– образующиеся отходы на существующих и вновь вводимых мощностях равны объему вторичного сырья;

– объем поставок сырья на существующие предприятия должен обеспечивать объем производства продукции на них;

– объем продукции на новых предприятиях должен быть кратным одной из типовых мощностей;

– объем капитальных вложений не должен превышать их лимита;

– условия не отрицательности переменных.

Выходные параметры задачи второго уровня (структура и размеры деревообрабатывающих производств) являются исходными данными для задачи третьего уровня: территориальной организации вновь вводимых мощностей. Критерием оптимальности в задаче третьего уровня приняты затраты, включающие текущие затраты на производство продукции, транспортировку сырья и лесной продукции, а также единовременные капитальные вложения, связанные с производством лесной продукции.

После решения задачи совершенствования структуры лесного комплекса страны приступаем к размещению вновь создаваемых производств. Обоснование размещения лесоперерабатывающих производств носит комплексный, межотраслевой, вариантный характер.

При формировании исходной информации учитывались следующие факторы, влияющие на размещение лесоперерабатывающих производств:

1) состав древесного сырья по видам, породам, размерам, требованию комплексного его использования;

2) размещение поставщиков и потребителей лесной продукции;

3) транспортабельность сырья и готовой продукции;

4) трудоемкость, материалоемкость, энергоемкость и капиталоемкость лесной продукции;

5) районные условия.

Разнонаправленность действия факторов требует для оценки эффективности производств, применения комплексного показателя. В качестве интегрального показателя, наиболее полно отражающего народнохозяйственные издержки, выступают затраты на производство и транспортировку сырья и готовой продукции.

Затраты определяются сложением текущих затрат (себестоимости продукции) и величины капитальных вложений, приведенных к одинаковой размерности в соответствии с нормативным коэффициентом эффективности. При определении затрат обеспечивается сопоставимость оценки капитальных вложений, себестоимости и транспортных затрат. Затраты рассчитываются методом прямого счета по формуле:

$$Q_{ijk}^p = T_{ir}^p \times N_{ij} + C_{ijk}^p + E \times K_{ijk}^p + T_{jm}^p \rightarrow \min \quad (5)$$

где Q_{ijk}^p – затраты на производство и транспортировку единицы j -й лесной продукции, получаемой из i -го вида древесного сырья, по k -му варианту типовой мощности в r -ом пункте производства;

T_{ir}^p – затраты на транспортировку единицы i -го вида сырья из r -го пункта сосредоточения в r -й пункт производства;

N_{ij} – норма расхода i -го вида сырья на производство единицы j -й продукции;

C_{ijk}^p – себестоимость производства единицы j -й продукции, получаемой из i -го вида древесного сырья по k -му варианту типовой мощности в r -м пункте;

E – норматив сравнительной эффективности капитальных вложений;

K_{ijk}^p – удельные капитальные вложения на производство j -й продукции из i -го вида сырья по k -му варианту типовой мощности в r -ом пункте производства;

T_{jm}^p – затраты на транспортировку единицы j -го вида лесной продукции из r -го пункта производства в m -й пункт потребления.

Плановая себестоимость производства пиломатериалов, фанеры клееной, древесных плит приводится согласно расчетам предприятия. В себестоимость продукции включены текущие затраты на производство и реализацию продукции. При расчете себестоимости продукции не учитываются неплановые затраты (штрафы, пени, неустойки и другие расходы).

Капитальные вложения определяются как совокупность затрат, направленных на создание

новых, реконструкцию и расширение существующих основных средств, производственного и не производственного назначения. В объем капитальных вложений включается стоимость всех видов строительных работ, работ по монтажу технологического, энергетического, подъемно-транспортного, производственного оборудования, инструмента и инвентаря, входящего в основные средства, стоимость проектно-изыскательских и буровых работ.

Капитальные вложения и себестоимость продукции вновь вводимых мощностей принимаются по проектным данным, а по действующим предприятиям – по плановым.

Экономическим содержанием норматива эффективности капитальных вложений является чистый доход, который должен быть получен на каждый рубль инвестиций. Норматив общей (абсолютной) эффективности капитальных вложений выражается в виде коэффициентов, обеспечивающих решение экономических и социальных задач долгосрочного планирования.

Для межотраслевых расчетов теорией оптимального планирования обосновывается требование единой нормы эффективности инвестиций: норматив общей (абсолютной) эффективности инвестиций устанавливается на уровне 0,15.

Затраты на транспортировку сырья и готовой продукции рассчитываются согласно научным рекомендациям ведущих специалистов. Логистическая схема транспортировки лесных грузов следующая: в каждом районе республики выделен транспортный центр и определена средняя дальность внутренних перевозок, затем построен граф транспортных связей между районами. Затраты на перевозку сырья и готовой продукции включают эксплуатационные расходы, связанные с движением и начально-конечной операциями, приведенные капитальные вложения в подвижной состав и постоянные устройства.

Как показывают расчеты, целесообразно автомобильным транспортом перевозить лесные грузы на расстояние 100–150 км, а далее, при постоянных транспортных потоках, выгоднее применять железнодорожный и водный транспорт или комбинированные перевозки при учете стоимости перевалки грузов и складских затрат.

Величина транспортных расходов состоит из расходов по перевозке грузов и расходов на начальную и конечную операции.

Транспортные расходы определяются по следующей формуле:

$$T = T_n + C \times P + T_k \quad (6)$$

где T_n – расходы на начальную операцию, приходящиеся на 1 т груза;

C – расходы по передвижению 1 т груза на 1 км;

P – расстояние перевозки, км;

T_k – расходы на конечную операцию, приходящиеся на 1 т груза.

Кроме расходов на начальную и конечную операции в расчетах учитывались затраты на перегрузку грузов с одного вида транспорта на другой. Затраты на начальную и конечную операции рассчитываются по крупным железнодорожным узлам.

При размещении производства действующие мощности по каждому пункту фиксированы на уровне достигнутых объемов производства, вновь вводимые производства подразделены по типовым мощностям:

лесопиление 50–100, 100–150 и свыше 150 тыс. м³;

производство фанеры 20, 40, 50 тыс. м³;

древесностружечные плиты 25, 50, 70, 110, 250 тыс. м³;

древесноволокнистые плиты 10, 15, 20 млн м².

По каждому виду лесной продукции определены способы ее производства, характеризующие нормы расхода сырья и выходом отходов.

При подготовке исходной информации в задачах оптимизации структуры и размещения производств лесного комплекса обеспечивается сопоставимость оптимизируемых параметров, совместимость информации, однородность продукции по технологическим признакам, возможность учета экологических условий производства и потребления продукции в регионе.

В задачах оптимизации структуры и размещения производств лесного комплекса учитываются специфические особенности отрасли.

Анализ выходных параметров задачи оптимизации размещения производств лесного комплекса показывает неизменность структуры производства в лесодефицитных Брестской и Гродненской областях. В Гомельской области, где сосредоточена в основном целлюлозно-бумажная промышленность республики, целесообразно производить бисульфитную целлюлозу. Производство древесноволокнистых плит оптимально размещается в Могилевской области, древесностружечных плит – в Витебской и Минской областях. Целесообразно осуществлять размещение предприятий в деревообрабатывающих кластерах, располагающих инфраструктурой и квалифицированными кадрами (Борисове, Витебске). В вышеперечисленных областях сосредоточены основные потребители лесной продукции (мебельные предприятия, строительный комплекс). Развитие лесного комплекса страны связано с привлечением дополнительных инвестиций и трудовых ресурсов.

Важнейшим результатом решения задачи оптимизации лесоперерабатывающих про-

изводств является обоснование основных параметров организации лесопромышленных комплексов областей и создания на их основе для получения синергетического эффекта межотраслевых кластеров. Выходные данные задачи позволяют определить состав сырьевой базы лесопромышленного комплекса, его структуру, степень удовлетворения потребности в сырье и поставках готовой продукции деревообрабатывающим предприятиям.

Закключение. Использование вышеприведенных моделей расширяет горизонт планирования до 80–100 лет, опираясь на природные процессы лесовосстановления. Исходя из долгосрочных прогнозов снятия лесного урожая, рассчитывается необходимость изменения структуры производств лесного комплекса в среднесрочном периоде (20–50 лет). Учет нормативов потребления, демографических факторов, потребностей экспорта и территорий позволяет, используя данную методику, повысить точность прогнозных математических расчетов для краткосрочного периода (5–10 лет) до 95–98%. Применение оптимальных логистических схем транспортировки лесоматериалов и лесной продукции позволяет получить ожидаемый экономический эффект не менее 5–12% совокупных затрат при текущем планировании на 1–5 лет. Инновационная многоуровневая модель устойчивого развития лесного комплекса для разных горизонтов планирования (от 100 лет до 1 года) с различной степенью детализации (шаг 1, 5, 10, 20 лет) обеспечивает рациональное использование древесины, неистощимое лесопользование и устойчивое развитие не только лесного комплекса, но и районов, областей, страны, сохранение среды обитания дикой природы, включая животных, птиц, насекомых, рекреационное здоровье населения.

Литература

1. Федоренчик, А.С. Состояние и пути развития лесозаготовок в Республике Беларусь / А.С. Федоренчик // Лесной вестник. – 2013. – № 1. – С. 175–178.
2. Лесной фонд. Министерство лесного хозяйства Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mlh.by/our-main-activities/forestry/forests>. – Дата доступа 15.08.2018.
3. Беларусь входит в десятку ведущих государств Европы по запасам лесных ресурсов [Электронный ресурс] // Экономическая газета. – Минск, 2018. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytyj/belarus-vhodit-v-desyatku-veduschih-gosudarstv-evropy-po-zapasam-lesnyh-resursov-4680>. – Дата доступа 15.08.2018.
4. Бондаренко, А.В. Лесные ресурсы и проблемы использования древесины в Республике Беларусь / А.В. Бондаренко // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Пинск: ПолесГУ, 2010. – Ч. 1. – С. 16–19.
5. Меских, К.Л. Опыт Германии в налоговом администрировании / К.Л. Меских // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2010. – № 6. – С. 78–84.

Поступила в редакцию 05.11.2018 г.

Сектор услуг промышленного характера в Республике Беларусь: динамика структуры и внешней торговли

Мелешко Ю.В.

Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

Доминирование сферы услуг в структуре общественного воспроизводства стало характерно для большинства стран, в том числе и развивающихся. Вместе с тем следует учитывать, что устойчивая конкурентоспособность национальной экономики в условиях глобализации и технико-технологической неопределенности не может быть обеспечена исключительно за счет спекулятивных услуг, развитие которых во многом обусловило высокую динамику третичного сектора. По мере трансформации промышленности в сторону кастомизации и повышения наукоемкости возрастает значение услуг промышленного характера.

Цель работы – анализ динамики структуры и внешней торговли сектора услуг промышленного характера в Республике Беларусь.

Материал и методы. При подготовке данной статьи были использованы статистические данные, представленные Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь и Всемирной торговой организацией, а также научные труды отечественных и зарубежных ученых. Методологической основой послужили общенаучные методы и принципы познания, а именно: метод дедукции и индукции, метод сравнительного анализа, системный подход и другие.

Результаты и их обсуждение. Выявлены особенности статистического учета услуг промышленного характера по методологии Национального статистического комитета Республики Беларусь и методологии Всемирной торговой организации; на основе анализа данных, представленных в таблицах «Затраты–Выпуск», показана структура использования услуг промышленного характера, отражена структура затрат отечественных товаров производственной сферы на услуги промышленного характера по состоянию на 2015 г., а также в динамике за период 2005–2015 гг. Установлено, что услугами, в большей степени ориентированными на производства, являются финансовые услуги, торговля и транспортные услуги.

Заключение. Услуги промышленного характера в Республике Беларусь представляют собой динамично развивающийся сектор. Доля затрат на эти услуги со стороны обрабатывающей промышленности растет; на фоне сохранения положительного торгового сальдо объем экспорта в натуральном выражении увеличился. При этом преимущество в развитии на сегодняшний день имеют традиционные услуги: торговые, транспортные и финансовые. Вместе с тем наблюдается положительная динамика объема услуг секции «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям», к которой относится большинство наукоемких услуг промышленного характера.

Ключевые слова: услуги промышленного характера, сфера услуг, промышленность, промышленная политика.

Industrial Services in the Republic of Belarus: Structure and Foreign Trade Dynamics

Meleshko Yu.V.

Belarusian National Technical University

The dominance of the service sector in the structure of social reproduction has become characteristic of most countries, including developing ones. At the same time, it should be reckoned that the stable competitiveness of the national economy in the context of globalization and technical and technological uncertainty cannot be ensured solely due to speculative services, the development of which largely determined the high dynamics of the tertiary sector. With the transformation of industry towards customizability and increasing knowledge-intensiveness, the importance of industrial services increases.

The purpose of the article is to analyze the dynamics of the structure and foreign trade of the industrial services in the Republic of Belarus.

Material and methods. In preparing this article, the statistical data submitted by the National Statistical Committee of the Republic of Belarus and the World Trade Organization, as well as scientific works of domestic and foreign scientists were used. The general scientific methods and principles of cognition, namely: the method of deduction and induction, the method of comparative analysis, systems approaches and others, served as the methodological basis.

Findings and the ir discussion. The features of the statistical accounting of industrial services are identified according to the methodology of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus and the methodology of the World Trade Organization; Based on the analysis of the data presented in the "Cost-Output" tables, it shows the structure of using industrial services, as well as the cost structure of domestic goods of the production sector for industrial services as of 2015, as well as over the period of 2005–2015. It has been established that services more oriented to production are financial services, trade and transport services.

Conclusion. Industrial services in the Republic of Belarus are a dynamic sector. The share of costs for these services from the manufacturing industry is growing; against the background of maintaining a positive trade balance, the volume of exports in physical terms increased. At the same time, traditional services such as trade, transport and financial services have an advantage in development. At the same time, there is a positive trend in the volume of services in the sections "Real estate operations, rent and provision of services to consumers", which includes most high-tech industrial services.

Key words: industrial services, services, industry, industrial policy.

Начиная с середины XX века существует устойчивая тенденция изменения структуры общественного производства в сторону увеличения доли третичного сектора экономики (сферы услуг). Сегодня преобладание доли сферы услуг в ВВП, играющей также значительную роль, и формирование структуры народного хозяйства, направлений и темпов социально-экономического развития, установление взаимосвязей между различными отраслями и видами деятельности характерно для большинства экономически развитых стран. Анализируя современную экономическую систему, С.Ю. Солодовников в качестве отличительных характеристик указывает «наличие высокоэффективного промышленного производства, значительное увеличение доли сектора услуг в ВВП, дальнейшее увеличение значения знаний для развития экономики, развитие интернет-технологий и новые (пострыночные) формы конкурентной борьбы» [1, с. 23]. Однако, как свидетельствует зарубежный опыт, увеличение доли сферы услуг в ВВП и в структуре занятости населения автоматически не обеспечивает стабильное социально-экономическое развитие и не является само по себе фактором экономического роста. Успешное развитие новой экономики зависит не столько от количественных показателей роста сферы услуг, сколько от степени ее технологичности и инновационности. Сегодня именно услуги промышленного характера, под которыми понимается «хозяйственное благо в форме действия, обеспечивающее создание, развитие и функционирование технологий, связанных с разработкой, производством, реализацией и сервисным обслуживанием промышленной продукции» [2, с. 15], могут стать важнейшим компонентом экономического механизма инновационного развития национального промышленного комплекса, а также важнейшим потенциалом дифференциации экспорта.

Несмотря на высокие темпы развития третичного сектора и увеличения его значения в обеспечении конкурентоспособности экономики, до сегодняшнего дня преобладает узкий подход к сфере услуг, базирующийся на противопостав-

лении ее промышленному производству. Вместе с тем технико-технологические усложнения производственного процесса, индивидуализация и кластеризация производства повышают спрос бизнеса на широкий круг услуг промышленного характера. Практически все отрасли промышленного сектора становятся все более «услугооказывающими» как внутренне (лица, занятые в промышленности, не принимают непосредственное участие в производственном процессе), так и внешне (создание сети сервисных служб, центров работы с клиентами). В экономической литературе отмечается, «...что более половины позиций, связанных с услугами (это инженеры, техники, программисты и прочие, работающие в промышленности), по сути, относятся к вторичному сектору экономики» [3, с. 6].

Феномен опережающего развития сферы услуг в современных экономических системах уже несколько десятилетий исследуется такими зарубежными экономистами и социологами, как Д. Белл, П. Гудман, О. Уильямсон, Ш. Эйзенштадт. Работы М. Битнера, Р. Векчиотти, Ф. Котлера, К. Лаврока посвящены маркетингу услуг и носят прикладной характер, в частности, указанные авторы в своих исследованиях касаются проблем повышения качества услуг, формирования принципов организации и продажи услуг, создания спроса на услуги, условия организации рынка услуг и т.д. В русскоязычной литературе проблемы сферы услуг разрабатывались и разрабатываются следующими учеными: Э.М. Агабабян, А.И. Горанин, Л.И. Ерохина, В.Л. Иноземцев, Л.С. Крылов, М.В. Солодков, Д.С. Ушаков и др. До сегодняшнего дня нет единого теоретико-методологического подхода к определению понятия «сфера услуг», его качественного содержания, места и роли услуг в экономике. Остаются лишь частично раскрытыми закономерности участия различных услуг в развитии хозяйства, их влиянии на количественные и качественные факторы общественного воспроизводства. Следует отметить неразработанность проблематики услуг промышленного характера на постсоветском пространстве, что может быть объяснено традиционным отождест-

влением советскими и постсоветскими учеными понятия «услуга» с непроизводственной сферой экономики (бытовые услуги населению, медицинское обслуживание, культура, образование). Таким образом, заявленная проблема является новой и содержит оригинальный подход.

Цель статьи – анализ динамики структуры и внешней торговли сектора услуг промышленного характера в Республике Беларусь.

Материал и методы. При подготовке данной статьи были использованы статистические данные, представленные Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь и Всемирной торговой организацией, а также научные труды отечественных и зарубежных ученых. Методологической основой послужили общенаучные методы и принципы познания, а именно: метод дедукции и индукции, метод сравнительного анализа, системный подход и другие.

Результаты и их обсуждение. При проведении исследования состояния и структуры сектора услуг промышленного характера в Республике Беларусь необходимо учитывать некоторые специфические особенности данного вида деятельности, а именно:

- в зависимости от организационной формы оказания услуги промышленного характера могут статистически учитываться и в сфере производства, и в сфере услуг. В случае оказания этих услуг собственными структурными подразделениями предприятия (в форме внутренней услуги) они будут относиться к промышленному производству или строительству. Услуги, оказываемые в форме инсорсинга и аутсорсинга, будут учтены в сфере услуг;

- имеющиеся статистические данные не в полной мере отражают субъектную и предметную специфику деятельности по оказанию услуг промышленного характера, поскольку зачастую не выделены в самостоятельную секцию для целей статистического учета.

В Беларуси статистически основная масса услуг промышленного характера, оказываемых специализированными организациями, учитывается в секциях «Торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования» (оптовая торговля, включающая деятельность по торговле средствами производства, материалами и комплектующими), «Транспорт и связь», «Финансовая деятельность», «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям» (включающая деятельность, связанную с вычислительной техникой, научные исследования и разработки и предоставление прочих видов услуг потребителям). При этом в секцию «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребите-

лям» «будут статистически учитываться большая часть услуг промышленного характера, в том числе научно-исследовательскую деятельность, инжиниринг, юридические, бухгалтерские услуги и т.д. (за исключением торговли и транспортных услуг), оказываемых в рамках инсорсинга или аутсорсинга» [4, с. 138]. Внутренние же услуги, то есть услуги, оказываемые внутри предприятия структурными подразделениями, в официальной статистике не выделяются.

Более детальное представление об объеме и структуре услуг промышленного характера в Беларуси дает анализ данных, представленных в таблицах «Затраты–Выпуск» за 2015 г. В частности, таблица «Структура использования товаров и услуг в основных ценах (в процентах)» позволяет выявить, какая доля услуг потребляется сферой производства (то есть сельским и лесным хозяйством, рыболовством и рыбоводством; промышленностью: горнодобывающей, обрабатывающей; производством и распределением электроэнергии, газа и воды; строительством). Так, 24,44% услуг секции «Торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования» потребляются сферой производства, при этом 9,86% всех услуг этой секции потребляется обрабатывающей промышленностью. Для секции «Гостиницы и рестораны» эти показатели составляют 4,43% и 2,1% соответственно. 3,79% транспортных услуг направлены на удовлетворение потребностей обрабатывающей промышленности, при этом сферой производства потребляется 9,68% всех транспортных услуг. Доля услуг связи, оказываемых сфере производства, составляет 5,25%, а обрабатывающей промышленности – 2,6%. 32,73% финансовых услуг потребляются сферой производства, а 20,42% всех финансовых услуг – обрабатывающей промышленностью. Для секции «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям» доля сферы производства в структуре потребления составляет 9,38%, а обрабатывающей промышленности – 5,81%. 13,14% услуг секции «Предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг» потребляются обрабатывающей промышленностью, всего же производственной сферой потребляются 16,36% этих услуг. Доля услуг образования, государственного управления, здравоохранения и предоставление социальных услуг, потребляемая производственной сферой, крайне мала и составляет 0,34%, 0,11% и 0,07% соответственно; обрабатывающей промышленностью – 0,19%, 0,09% и 0,01% соответственно [5, с. 76–79]. Наглядно статистика представлена на рисунке 1. Следует обратить внимание, что данные приведены в основных ценах, то есть за вычетом торговых и транспортных наценок и чистых налогов на продукты.

Доля услуг, потребляемых сферой производства, и в том числе обрабатывающей промышленностью, в Беларуси относительно невелика. Для сравнения, в Германии почти 30% наукоемких деловых услуг, 55% рекламных услуг и услуг по маркетинговым исследованиям, 45% НИОКР, 40% инжиниринговых услуг, 18% информационных услуг потребляется перерабатывающей промышленностью [6, С. 21]. Высокие показатели доли услуг, направленных на удовлетворение спроса промышленного сектора Германии, объясняются более высоким технико-технологическим уровнем производства, соответствующим четвертой промышленной революции. Доля экспорта средне- и высокотехнологичной продукции немецкой промышленности составила в 2015 г. 65,9%, в то время как в Беларуси этот показатель не превысил 30,3% [7, с. 140].

В период с 2005 по 2015 г. доля услуг, направленных на удовлетворение спроса сферы производства, изменялась динамично. В 2005 г. доля торгово-посреднических услуг (включая общественное питание), удовлетворяющих спрос обрабатывающей промышленности, составляла 9,52%, а спрос сферы производства – 12,11% в 2005 г. В 2010 г. наблюдалось снижение доли этих услуг до 7,04% в отношении отраслей промышленности и 9,9% для сферы производства в целом. В 2015 г. этот показатель снова вырос и превысил уровень 2015 г.: 24,44% для сферы производства, в том числе 9,68% для обрабатывающей промышленности. Однако, что касается иных рассматриваемых нами услуг, в процентном соотношении меньшее количество из них к 2015 г. было направлено на удовлетворение спроса сферы производства, в том числе обрабатывающей промышленности. 13,39% в 2005 г. и 11,31% в 2010 г. транспортных услуг были потреблены отраслями сферы производства, в том числе 8,65% в 2005 г. и 7,09% в 2010 г. – отраслями обрабатывающей промышленности, в то время как в 2015 г. эти показатели составили 9,68% и 3,79%. Доля услуг связи, оказываемых сфере производства, составила 6,76% в 2005 г. и 7,77% в 2010 г., в том числе 4,83% в 2005 г. и 4,5% в 2010 г. – обрабатывающей промышленности, в 2015 г. – 5,25% и 2,6%. 24,41% в 2005 г. и 13,89% в 2010 г. услуг финансового посредничества и страхования были направлены на удовлетворение потребностей обрабатывающей промышленности, 35,41% в 2005 г. и 20,66% в 2010 г. – сферы производства (в 2015 г. 20,42% – обрабатывающей промышленности, 32,73% – сферы производства в целом) [5, с. 76–79; 8, с. 118–121; 9, с. 116–122].

Ввиду различий в методологии статистического учета 2005–2010 гг. и 2015 г. нет возможности сравнить динамику секции «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг

потребителям», однако анализ отдельных услуг, которые сегодня учитываются в этой секции, также представляет интерес. 9,79% в 2005 г. и 10,94% в 2010 г. услуг информационно-вычислительного обслуживания были оказаны отраслям промышленности, 14,24% в 2005 г. и 15,73% в 2010 г. сфере производства в целом. Доля услуг науки и научного обслуживания, потребляемая сферой производства, составила в 2005 г. 62,68% и в 2010 г. 55,79%, в том числе 57,4% в 2005 г. и 50% в 2010 г. – промышленным производством [5, с. 76–79; 8, с. 118–121; 9, с. 116–122]. Графически сравнительный анализ динамики структуры потребления услуг видами деятельности, относящимися к сфере производства и обрабатывающей промышленности в частности, в основных ценах представлен на рисунке 2.

Таблица «Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах)» системы таблиц «Затраты–Выпуск» дает представление о доли участия того или иного вида деятельности в производстве отечественной продукции определенной отрасли. Исходя из целей нашего исследования, особый интерес представляет анализ потребления сферой производства (в разрезе видов деятельности) торговых, транспортных, финансовых услуг, услуг связи, услуг в области образования, аренды и предоставления иных услуг потребителям. Среди видов деятельности, относящихся к сфере производства, основными потребителями услуг (торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования; транспорт; связь; финансовая деятельность; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям; образование) в 2015 г. были: производство машин и оборудования (доля услуг в затратах составила в 2015 г. 21,39%), добыча топливно-энергетических полезных ископаемых (20,58%), производство и распределение электроэнергии, газа и воды (20,18%), производство транспортных средств и оборудования (18,9%), строительство (18,79%), химическое производство (16,91%), целлюлозно-бумажное производство, издательская деятельность (15,98%), производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (14,41%), текстильное и швейное производство (доля услуг в затратах которого составляет 14,78%), производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов (14,75%). В этом же году наименьшую долю в структуре затрат услуги составляли в производстве пищевых продуктов, включая напитки, и табака (4,05%), сельском хозяйстве, охоте и предоставлении услуг в этих областях (4,83%), рыболовстве, рыболовстве и предоставлении услуг в этих областях (5,76%).

На рисунке 3 наглядно отражена динамика продуктовой структуры затрат отечественных товаров обрабатывающей промышленности на услуги. В целом отмечается рост доли услуг в структуре затрат отечественных продуктов всех видов обрабатывающей промышленности. В 2005 г. минимальное значение доли таких услуг (в сумме), как торгово-посреднические, транспортные, связь, финансовое посредничество и страхование, информационно-вычислительное обслуживание, наука и научное обслуживание, образование, составило 2,96% (при производстве цветных металлов), а в 2010 г. – 0,41% (при производстве тех же цветных металлов). Доля этих услуг в затратах при производстве черных металлов в 2005 г. равнялась 5,31%, в 2010 г. – 3,44%. В 2015 г. доля услуг (торговля, ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования; транспорт; связь; финансовая деятельность; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям; образование) в отечественной металлургической продукции и готовых металлических изделиях составила 7,13% [10, с. 68–70; 11, с. 122–125; 12, с. 120–123].

Продукция пищевой промышленности представляет собой продукцию со стабильно низкой долей затрат на услуги: в 2005 г. этот показатель составил 4,3%, в 2010 г. – 3,4%, в 2015 г. – 4,05%. Средний уровень затрат на услуги характерен для продукции лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности: в 2005 г. он составил 10,96%, в 2010 г. – 8,93%. Неоднородность потребления услуг видами деятельности, относящимися к рассматриваемой отрасли, показала изменившаяся методика статистического учета, а именно разделение обработки древесины и производства изделий из дерева и целлюлозно-бумажное производство и издательской деятельности. В 2015 г. доля услуг в продукции «Обработка древесины и производство изделий из дерева» составила 5,96% (что является одним из самых низких показателей), а в продукции «Целлюлозно-бумажное производство. Издательская деятельность» – 15,98%, что выше среднего уровня [10, с. 68–70; 11, с. 122–125; 12, с. 120–123].

Существенные изменения доли услуг произошли в затратах продуктов легкой промышленности: в 2005 г. она составила 16,96%, а в 2010 г.

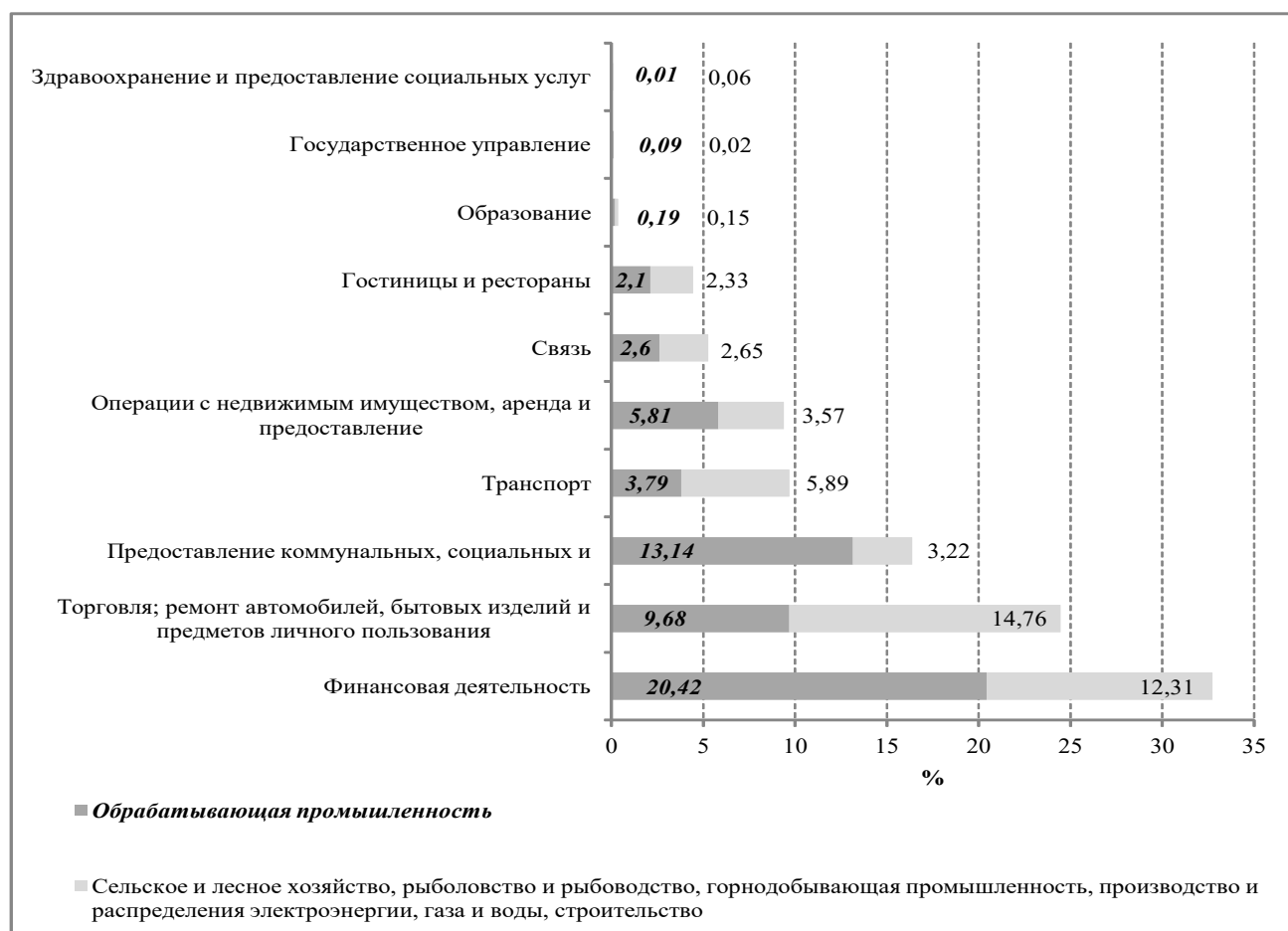

Рисунок 1 – Структура использования услуг в 2015 г. в основных ценах (в процентах)
 Источник: разработка автора на основании данных [5, с. 76–79].

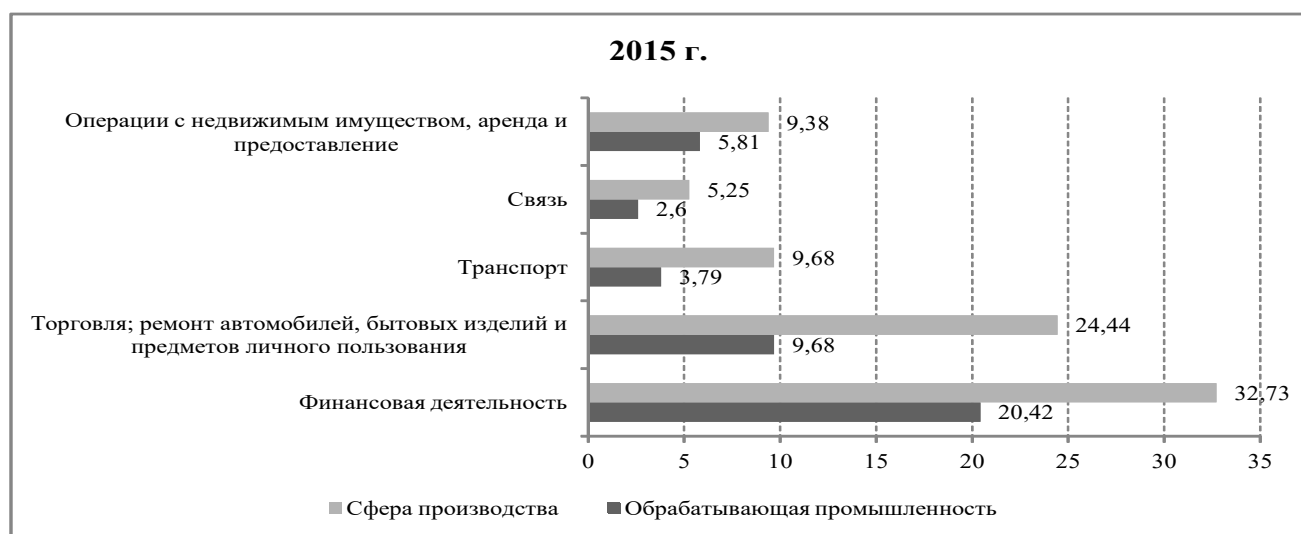
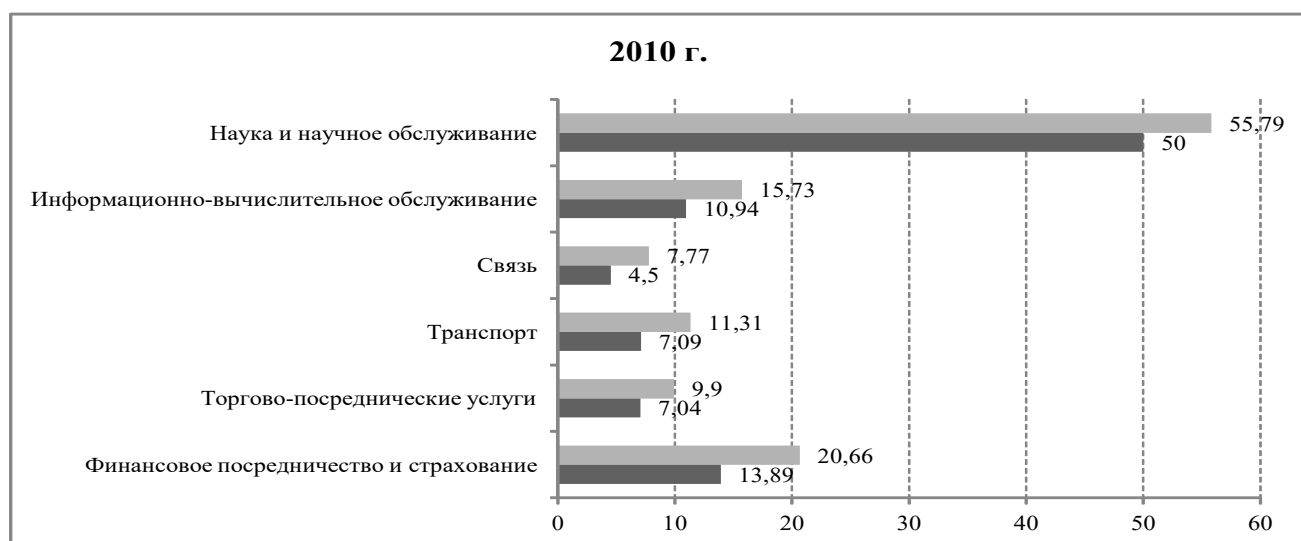
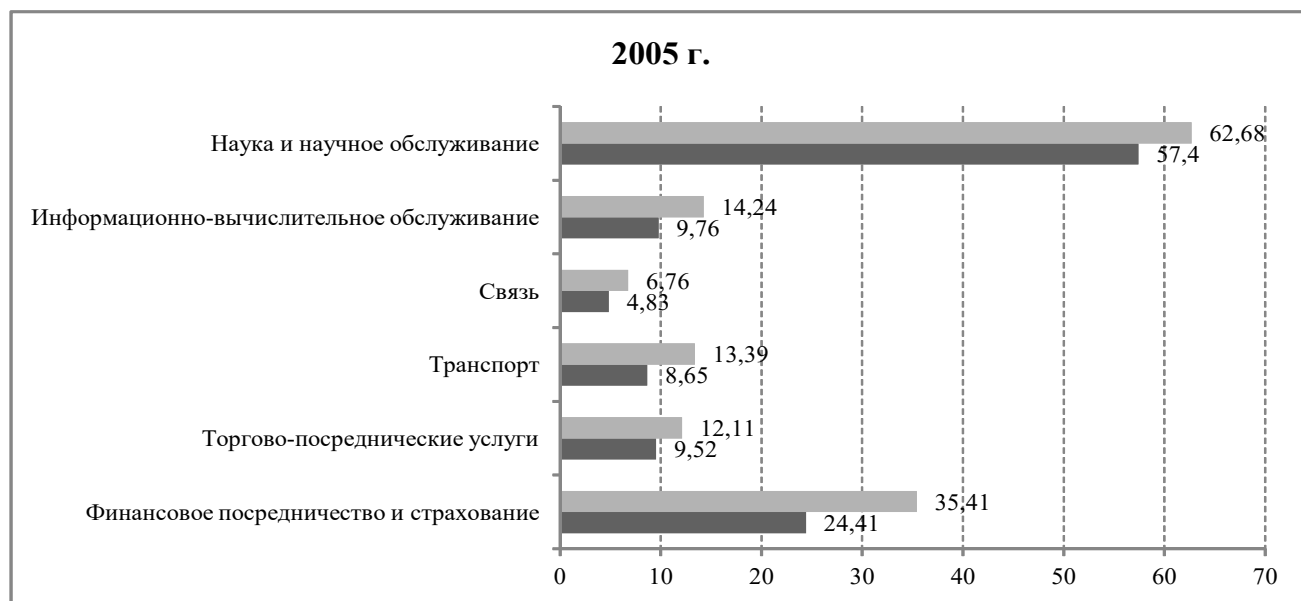

Рисунок 2 – Динамика структуры использования услуг за 2005–2015 гг. в основных ценах (в процентах)
 Источник: разработка автора на основании данных [5, с. 76–79; 8, с. 118–121; 9, с. 116–122].

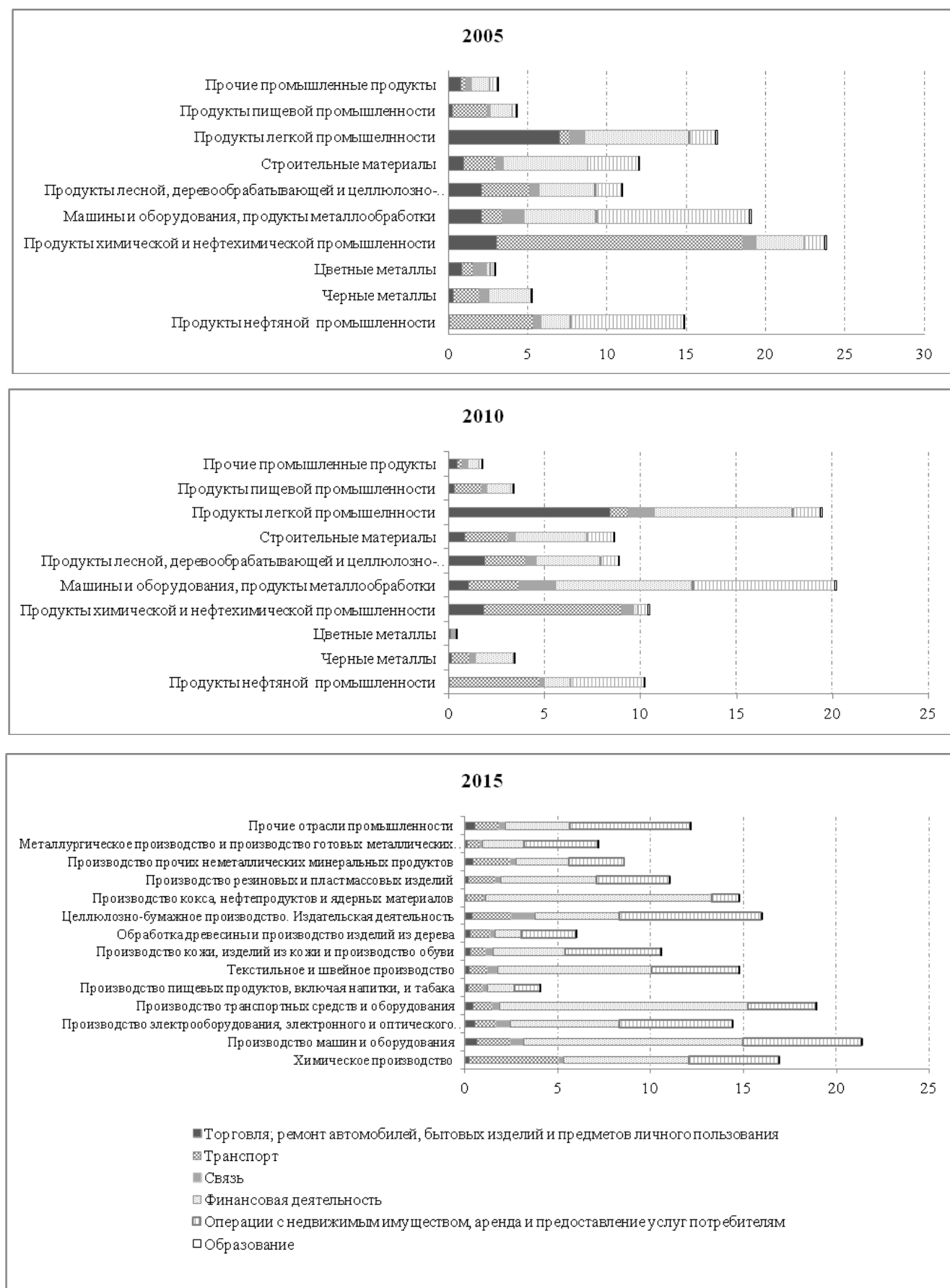

Рисунок 3 – Продуктовая структура затрат отечественных товаров обрабатывающей промышленности на услуги в 2005–2015 гг.

Источник: собственная разработка автора на основании данных [10, с. 68–70; 11, с. 122–125; 12, с. 120–123].

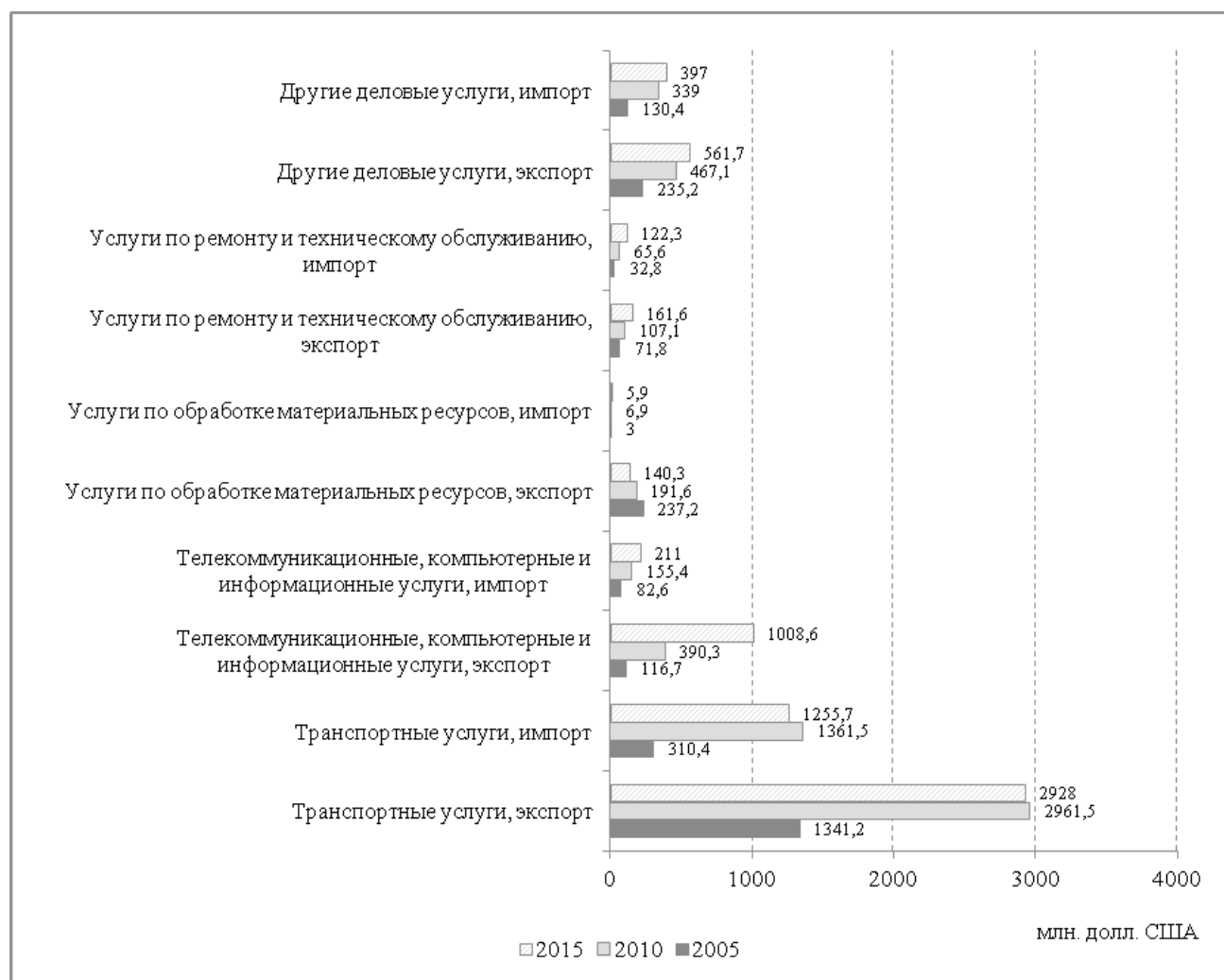

Рисунок 4 – Внешняя торговля услугами в Республике Беларусь в 2005–2015 гг.
Источник: собственная разработка автора на основании данных [13, с. 495–498].

увеличилась до 19,48%, перейдя таким образом с третьего места по доле затрат на услуги на второе. В 2015 г., однако, доля затрат на услуги продукции текстильного и швейного производства равнялась только 14,75%, а продукции производства кожи, изделий из кожи и производства обуви – 10,54%. Вместе с тем на фоне снижения общей доли затрат на услуги изменилась сама структура затрат в отношении этой продукции. Если в 2005–2010 гг. основными статьями затрат были торгово-посреднические услуги и услуги финансового посредничества и страхования (в 2005 г. 7,02% и 6,5% соответственно, в 2010 г. – 8,41% и 7,15% соответственно), то в 2015 г. преимущество получили услуги финансовой деятельности (8,28% для текстильной и швейной продукции и 3,86% для изделий из кожи и производства обуви) и услуги секции «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям» (4,69% для текстильной и швейной продукции и 5,17% для изделий из

кожи и производства обуви). Строительные материалы также характеризуются средним уровнем затрат на услуги: в 2005 г. их доля составила 12,07%, в 2010 г. – 8,66%. В 2015 г. доля затрат на услуги при производстве отечественной продукции, относящейся к виду деятельности «Производство прочих неметаллических минеральных продуктов», составила 8,56%, а к производству резиновых и пластмассовых изделий – 11,02% [10, с. 68–70; 11, с. 122–125; 12, с. 120–123].

Примечательным является то, что среди отраслей обрабатывающей промышленности лидерами в потреблении услуг являются химическое производство, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, производство транспортных средств и оборудования и производство машин и оборудования. В соответствии с Общегосударственным классификатором Республики Беларусь «Виды экономической деятельности» [14] именно к этим отраслям

относятся высокотехнологичные (производство фармацевтической продукции, производство офисного оборудования и вычислительной техники, производство аппаратуры для радио, телевидения и связи, производство изделий медицинской техники, средств измерений, оптических приборов и аппаратуры, часов, производство авиационной техники, включая космическую [15]) и среднетехнологичные производства высокого уровня (химическое производство, производство машин и оборудования, производство электрических машин и электрооборудования, производство автомобилей, прицепов и полуприцепов, производство прочих транспортных средств) [15].

В 2005 г. доля затрат на услуги в продукции химической и нефтехимической промышленности составила 23,83%, в 2010 г. почти вдвое меньше – 12,48%. В отношении продукции нефтяной промышленности этот показатель в 2005 г. равнялся 14,84%, в 2010 г. – 10,2%. В 2015 г. доля услуг в затратах продукции химического производства достигла 16,91%, а в продукции производства кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов – 14,75%. Традиционно одной из наиболее услугоемкой продукции являются машины и оборудование: в 2005 г. доля услуги в затратах при их производстве составила 19,08%, в 2010 г. – 20,21%. Статистика 2015 г. дает более детальное представление об услугоемкости видов деятельности, относящихся к производству машин и оборудования. В 2015 г. на услуги пришлось 21,39% затрат производства машин и оборудования, 18,9% затрат производства транспортных средств и оборудования и 14,41% производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования [10, с. 68–70; 11, с. 122–125; 12, с. 120–123].

Что касается структуры затрат продукции обрабатывающей промышленности на услуги в 2005–2015 гг., то можно отметить следующее. Стабильно самую высокую долю в затратах в целом по продукции обрабатывающей промышленности занимают финансовые услуги. В 2015 г. доля финансовых услуг колеблется от 1,44% в продукции пищевой промышленности до 13,45% в транспортных средствах и оборудовании. В 2005–2010 гг. на втором месте находились транспортные услуги, на третьем – услуги науки и научного обслуживания.

В 2015 г. второе место перешло к услугам секции «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям», в которой учитываются в том числе и услуги науки. Для услуг этой секции также характерен существенный разброс: их доля в затратах сельскохозяйственной продукции составляет 0,39% (минимальное значение), а в продукции целлюлозно-бумажного производства и издательской

деятельности – 7,64% (максимальное значение). Доля услуг транспорта в целом существенно снизилась: в 2015 г. она колебалась от 0,79% для пищевых продуктов до 4,82% для продукции химического производства. Для сравнения в 2005 г. минимальное значение доли транспортных услуг составляло 0,3% для продукции прочих отраслей промышленности, а максимальное – 15,54% для продукции химической и нефтехимической промышленности.

Для статистических целей Всемирная торговая организация выделяет 12 категорий услуг: производственные услуги по переработке материальных ресурсов (*manufacturing services on physical inputs owned by others*); услуги по техническому обслуживанию и ремонту (*maintenance and repair services*); транспорт (*transport*); путешествия (*travel*); строительство (*construction*); страховые и пенсионные услуги (*insurance and pension services*); финансовые услуги (*financial services*); расходы на использование интеллектуальной собственности (*charges for the use of intellectual property*); телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги (*telecommunications, computer and information services*); иные деловые услуги (*other business services*); индивидуальные, культурные и рекреационные услуги; государственное управление (*government goods and services*) [16, с. 80]. Всемирной торговой организацией услуги промышленного характера также не выделены в отдельную категорию, однако ей был введен новый термин «услуги, сопровождающие промышленную продукцию» (*goods-related services*). Услуги, сопровождающие промышленную продукцию, включают производственные услуги по переработке материальных ресурсов, например, сборка, упаковка, маркировка товара (*manufacturing services on physical inputs owned by others*) и услуги по ремонту и обслуживанию (*maintenance and repair services*) [16, с. 80]. При этом составители делают оговорку: «Следует, в частности, отметить, что мировые и региональные оценки торговли новыми видами услуг, такими как производственные услуги по переработке физических ресурсов и услуги по ремонту и обслуживанию, могут быть недооценены, поскольку некоторые страны пока не сообщают об этих пунктах» [16, с. 82].

Услуги, сопровождающие промышленную продукцию и относящиеся к двум названным выше статистическим группам, являются услугами промышленного характера, также как и услуги, отраженные в группе «Иные деловые услуги». К иным деловым услугам относятся услуги в области исследований и разработок (услуги, связанные с фундаментальными и прикладными исследованиями, а также экспериментальной

разработкой новых продуктов и процессов); профессиональные и управленческие консалтинговые услуги (юридические и бухгалтерские услуги, управленческий консалтинг, управленческие услуги и услуги по связям с общественностью, услуги в области рекламы, исследование рынка и опросов общественного мнения); технические, торговые и иные деловые услуги (архитектурные, инженерные и другие технические услуги, услуги по переработке отходов и утилизации, сельскохозяйственной и горной промышленности, операционные лизинговые услуги, связанные с торговлей услугами, иные деловые услуги) [16, с. 81]. Частично услуги промышленного характера будут также отражены в группах «Транспорт», «Строительство», «Страховые и пенсионные услуги», «Финансовые услуги», «Расходы на использование интеллектуальной собственности», «Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги».

По данным Всемирной торговой организации, в 2014 г. объем мирового экспорта услуг, сопровождающих промышленную продукцию, составил 160 млрд дол. США, а импорта – 105 млрд дол. США [17, р. 125]. Иных деловых услуг в 2014 г. было экспортировано на сумму 2585 млрд дол. США, а импортировано – 2290 млрд дол. США. Примечательным является то, что доля иных деловых услуг в мировой торговле этими услугами возросла: в отношении мирового экспорта с 47,7% в 2005 г. до 52,4% в 2014 г., в отношении импорта – с 44,2% до 47,9%. Такой рост происходил на фоне падения доли в мировой торговле транспортных услуг (в отношении экспорта с 22,4% до 19,3%, импорта – с 27,3% до 25,6%) и услуг, сопровождающих промышленную продукцию (в отношении экспорта с 3,6% до 3,2%, импорта – с 2,5% до 2,1%) [17, р. 125]. Тенденция увеличения доли группы «Иные деловые услуги» в мировой торговле также подтверждает возрастающее значение в структуре общественного производства услуг промышленного характера, в первую очередь наукоемких.

Состав основных мировых экспортеров и импортеров услуг промышленного характера во многом совпадает. Так, в 2014 г. наибольший объем услуг, сопровождающих промышленную продукцию, был экспортирован и импортирован Европейским союзом (экспортировано на сумму 83,1 млрд дол. США, из них вне ЕС – 45,5 млрд дол. США, импортировано – 47,8 млрд дол. США). На втором месте как по экспорту, так и по импорту услуг, сопровождающих промышленную продукцию, находился в 2014 г. Китай (экспортировано на сумму 22,9 млрд дол. США, импортировано – 13,9 млрд дол. США). С небольшим отставанием США заняли третье место по мировому экспорту рассматриваемых услуг (19,6 млрд дол. США)

и пятое место по импорту (7,6 млрд дол. США). Экспорт услуг, сопровождающих промышленную продукцию, России в 2014 г. составил 3,2 млрд дол. США, а импорт – 1,8 млрд дол. США [17, р. 127].

Основным экспортером и импортером иных деловых услуг является Европейский союз: экспорт в 2014 г. составил 1242,6 млрд дол. США, а импорт – 1029,2 млрд дол. США. На втором месте как по экспорту, так и по импорту находятся США. Однако сумма экспорта иных деловых услуг США в три раза меньше, чем в ЕС (400,7 млрд дол. США), а импорта – почти в 5 раз (238,3 млрд дол. США). Индия, Китай и Япония также являются крупными экспортерами иных деловых услуг: в 2014 г. сумма экспорта Индии этих услуг составила 116,9 млрд дол. США, Китая – 114,4 млрд дол. США, Японии – 98 млрд дол. США. При этом Китаем было импортировано этих услуг на сумму 119,9 млрд дол. США, Японией – 112,7 млрд дол. США, а Индией – 54,8 млрд дол. США. Экспорт России иных деловых услуг составил 29,4 млрд дол. США, а импорт – 51,3 млрд дол. США [17, р. 135].

В Республике Беларусь в 2005–2015 гг. в целом наблюдается положительное сальдо по международной торговле услугами. Основной статьей экспорта услуг неизменно на протяжении 10 лет являются транспортные услуги. Объем экспорта этих услуг возрос более чем в 2 раза: с 1341,2 млн дол. США в 2005 г. до 2928 млн дол. США в 2015 г. Однако доля транспортных услуг в общем объеме экспорта услуг сократилась с 57,2% в 2005 г. до 44% в 2015 г. На этом фоне существенно увеличился экспорт телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг. Так, если в 2005 г. было экспортировано этих услуг на сумму 116,7 млн дол. США, что составило 4,9% от общего объема экспорта услуг, то в 2015 г. объем экспорта равнялся 1008,6 млн дол. США (15,1%). При этом телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги являются такими видами услуг, которые экспортируются в абсолютном преимуществе вне страны СНГ. Несмотря на положительное сальдо торговли услугами, сопровождающими промышленную продукцию, их доля в общем объеме экспорта сократилась почти втрое: в 2005 г. она составляла 13,1%, в 2015 г. – 4,5%. При этом более существенные изменения коснулись услуг по обработке материальных ресурсов, объем экспорта которых упал с 237,2 млн дол. США в 2005 г. до 140,3 млн дол. США в 2015 г. В процентном соотношении к общему объему экспорта такая отрицательная динамика этих услуг выглядит как снижение с 10,1% до 2,1%. В отличие от этих услуг объем экспорта услуг по ремонту и техническому обслуживанию увеличился с 71,8 млн дол. США в 2005 г. до 161,6 млн дол. США в 2010 г. Однако

доля услуг по ремонту и техническому обслуживанию также сократилась (с 3% до 2,4%), хоть и не столь кардинально. Аналогичная ситуация складывается и в отношении других деловых услуг: несмотря на увеличение общего объема экспорта этих услуг более чем в два раза (с 235,2 млн дол. США в 2005 г. до 561,7 млн дол. США в 2010 г.), их доля в общем объеме экспорта сократилась с 10% до 8,4% [13, с. 495–498]. При этом сальдо международной торговли услугами, сопровождающими промышленную продукцию, как и другими деловыми услугами, остается положительным.

Заключение. Сегодня в Республике Беларусь услуги промышленного характера представляют собой динамично развивающиеся виды деятельности. Спрос со стороны сферы производства, в особенности со стороны обрабатывающей промышленности, растет. Доля услуг в затратах при производстве промышленной продукции также растет. При этом преимущество в развитии на сегодняшний день имеют традиционные услуги: торговые, транспортные и финансовые. Вместе с тем наблюдается положительная динамика объема оказываемых услуг секций «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям», к которой относится большинство наукоемких услуг промышленного характера. Кроме того, несмотря на некоторое сокращение доли услуг, сопровождающих промышленную продукцию, и других деловых услуг в общем объеме экспорта услуг, объем их экспорта все же существенно вырос за последние 10 лет, при этом сохраняется положительное внешнеторговое сальдо.

Статья подготовлена в рамках договора с БРФФИ № Г17М-017 от 18.04.2017 г.

Литература

1. Солодовников, С.Ю. Феноменологическая природа взаимоотношенности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 23–34.
2. Мелешко, Ю.В. Формирование благоприятной среды развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь / Ю.В. Мелешко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экономические и юридические науки. – 2018. – № 6. – С. 15–18.
3. Солодовников, С.Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экономические и юридические науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.
4. Мелешко, Ю.В. Эволюция услуг промышленного характера в Республике Беларусь в 1994–2015 гг. / Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред. редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2017. – № 5. – С. 127–144.
5. Структура использования товаров и услуг в основных ценах // Система таблиц «Затраты–Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2017. – 104 с.
6. Edler, D. Die Industrie – ein wichtiger Treiber der Nachfrage nach Dienstleistungen / D. Edler, A. Eickelpasch // DIW Wochenbericht. – 2013. – Nr. 34. – S. 16–23.
7. Отдельные показатели Табло Инновационного Союза (IUS–2015) // Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: стат. сб. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2016. – С. 136–141.
8. Структура использования товаров и услуг в основных ценах (в процентах) // Система таблиц «Затраты–Выпуск» за 2005 г. – Минск: М-во статистики и анализа Респ. Беларусь, 2007. – 151 с.
9. Структура использования товаров и услуг в основных ценах (в процентах) // Система таблиц «Затраты–Выпуск» за 2010 г. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2012. – 153 с.
10. Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах) // Система таблиц «Затраты–Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2017. – 104 с.
11. Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах) // Система таблиц «Затраты–Выпуск» за 2005 г. – Минск: М-во статистики и анализа Респ. Беларусь, 2007. – 151 с.
12. Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах) // Система таблиц «Затраты–Выпуск» за 2010 г. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2012. – 153 с.
13. Внешняя торговля услугами // Статистический ежегодник Республики Беларусь 2016 г. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2016. – 518 с.
14. Виды экономической деятельности: Общегосударственный классификатор Респ. Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/klassifikatory/obschegosudarstvennye-klassifikatory-respubliki-belarus-ispolzuyemye-dlya-zapolneniya-gosudarstvenno-statisticheskoi-otchetnosti/obschegosudarstvennyi-klassifikator-okrb-005-2011-vidy-ekonomicheskoi-deyatelnosti/>. – Дата доступа: 08.10.2018.
15. Оценка уровня технологического развития отраслей экономики // Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: стат. сб. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2016. – С. 12–18.
16. World trade statistical review 2016 [Electronic resource] // World Trade Organisation. – Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2016_e/wts16_toc_e.htm. – Date of access: 10.09.2018.
17. International Trade Statistics 2015: World trade and the WTO: 1995–2014. – World Trade Organization: Centre William Rappard, 2015. – 170 p.

Поступила в редакцию 13.11.2018 г.

Формирование исходных данных для оценки бюджетной эффективности государственного финансового участия в реализации инвестиционных проектов

Голикова А.С.

Учреждение образования «Полесский государственный университет»

В статье рассмотрены отечественный и зарубежные подходы к определению исходных данных для оценки бюджетной эффективности инвестиционных проектов с государственным финансовым участием. Выявлены особенности, которые оказывают негативное влияние на рассчитываемые показатели эффективности и интерпретацию полученных результатов.

Цель – разработка алгоритма формирования исходных данных для оценки бюджетной эффективности государственного финансового участия в реализации инвестиционных проектов.

Материал и методы. Информационной основой для проведения исследования послужили данные бизнес-планов инвестиционных проектов, реализация которых осуществляется с финансовым участием государства, а также нормативно-правовые акты Республики Беларусь и зарубежных стран. При этом использовались методы сравнительного и факторного анализа, а также обобщения.

Результаты и их обсуждение. Для разделения влияния государственной финансовой поддержки и проекта (в том числе за счет изменения факторов фонда оплаты труда) на денежные потоки бюджетов и внебюджетных фондов автором был предложен алгоритм формирования исходных данных, включающий в себя три блока действий. Расчеты в соответствии с алгоритмом проводились на данных четырех бизнес-планов инвестиционных проектов, что позволило выявить дополнительное негативное влияние на изменения поступлений в бюджеты в результате реализации проекта, в том числе за счет изменения факторов фонда оплаты труда.

Заключение. Использование алгоритма для формирования исходных данных для расчета бюджетной эффективности позволяет:

- учесть прирост (снижение) налоговых и неналоговых платежей в бюджеты и внебюджетные фонды, вызванный реализацией проекта;
- отразить влияние на бюджеты и внебюджетные фонды оказываемой государственной финансовой поддержки на реализацию проекта;
- показать влияние на бюджеты и ФСЗН прирост (снижение) поступлений, вызванное изменением факторов оплаты труда.

Ключевые слова: инвестиционный проект, государственная финансовая поддержка, бюджеты, внебюджетные фонды, денежные потоки, недополученные доходы.

Source Data Formation for Budget Efficiency Assessment of State Financial Involvement in Investment Project Implementation

Golikava H.S.

Education Establishment “Polesky State University”

National and international approaches to source data formation for budget efficiency estimation of investment projects with state financial involvement are considered in the article. Features that negatively influence the indicators of efficiency and misinterpret obtained results are revealed.

The aim of the research is to work out an algorithm of source data formation for budget efficiency assessment of state financial involvement in investment project implementation.

Material and methods. Data of investment projects, the implementation of which was provided with state financial involvement, and legal acts of the Republic of Belarus and foreign countries were the informational basis for the research. Methods of comparative and factor analyses and also generalization were used.

Findings and their discussion. In order to divide the influence of state financial aid and a project (including factors of payroll) into cash flows of budgets and extra-budget funds the author proposes to use the algorithm of source data formation which comprises three blocks of activities. The data of four investment projects were used to provide calculations in accordance with the proposed algorithm. It helped to reveal an additional negative impact on budget inflows as a result of project implementation, including factors of payroll.

Conclusion. The use of algorithm for source data formation for budget efficiency calculation allows:

– To take into consideration an increase or decrease in tax and non-tax payments into budgets and extra-budget funds due to investment project implementation;

– To show the influence on budgets and extra-budget funds of state financial aid provided for investment project implementation;

– To show the impact of an increase or decrease in inflows due to payroll change on budgets and SSF.

Key words: investment project, state financial aid, budgets, extra-budget funds, cash flows, lost revenues.

Оценка бюджетной эффективности инвестиционных проектов была предложена российскими экономистами в 90-е годы прошлого века как результат трансформации модели функционирования экономики от командной к рыночной. В соответствии с подходом российских экспертов бюджетная эффективность – это «эффективность участия государства в инвестиционном проекте с точки зрения расходов и доходов бюджетов всех уровней» [1, с. 16].

Методика оценки бюджетной эффективности инвестиционных проектов исходит из основ инвестиционного анализа. То есть в общем виде она заключается в определении поступлений и оттоков бюджетных средств, на основании которых с применением коэффициента дисконтирования рассчитываются показатели эффективности по проекту и определяется целесообразность участия государства в проекте исходя из влияния на бюджеты и внебюджетные фонды.

Западными экономистами не акцентируется внимание на особенностях отражения поступлений и расходов из бюджетов в рамках проведения финансового анализа. В частности, экономисты Дж.П. Дженкинс (G.P. Jenkins), Ч.Я. Кьюо (C.Y.K. Kuo), А.С. Харбергер (A.C. Harberger) отмечают: «Если участие правительства состоит в получении налогов и/или предоставлении дешевых кредитов, субсидий или грантов, то в отчете о движении денежных средств с точки зрения государства будут отражены данные транзакции» [2, р. 39]. Таким образом, при оценке бюджетной эффективности финансового участия государства в реализации инвестиционных проектов денежные потоки формируются исходя из учета уплачиваемых в бюджеты всех уровней бюджетной системы налогов, а также денежных потоков, связанных с оказанием государственной поддержки для реализации инвестиционных проектов.

В РФ среди научного сообщества не существует единого подхода к отображению бюджетных потоков. Немаловажным аспектом является и то, что большинство экономистов (например, [3, с. 111; 4, с. 240]) рассматривают вопрос определения бюджетных потоков по проекту, основываясь на различных редакциях Методических рекомендаций. При этом следует понимать, что «список притоков и оттоков не является исчерпы-

вающим, а может пополняться в связи с конкретными условиями» [1, с. 59]. В общем виде поступления денежных средств в бюджеты могут быть разделены на три основные группы:

1) притоки от налогов, акцизов, пошлин, сборов и других обязательных платежей в бюджеты и внебюджетные фонды, установленные действующим законодательством;

2) платежи в бюджеты, связанные с предоставлением государственной финансовой поддержки (проценты по бюджетным займам, комиссионные платежи за сопровождение иностранных кредитов);

3) дополнительные поступления в бюджеты, вызванные реализацией инвестиционного проекта (экономия капитальных вложений из бюджета на выплату пособий по безработице [1, с. 59]).

Расходы бюджетов также могут быть сгруппированы следующим образом:

1) бюджетные ресурсы, предоставленные на реализацию инвестиционного проекта;

2) дополнительные выплаты из бюджетов, связанные с реализацией инвестиционного проекта (выплаты пособий для лиц, остающихся без работы в связи с осуществлением проекта [1, с. 59]).

Следует заметить, что в Правилах по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов (далее Правила), регламентирующих порядок оценки проектов в Республике Беларусь, не используется термин «бюджетная эффективность», хотя эффективность от участия государства в реализации инвестиционного проекта оценивается с помощью показателя окупаемости государственной поддержки. Приток поступлений в бюджеты в соответствии с Правилами формируется за счет прироста налогов, сборов, платежей, уплачиваемых в бюджеты при реализации проекта, а также возврата и платы за пользование бюджетными средствами. В оттоке средств из бюджета учитываются только суммы предоставленных форм государственной поддержки, в том числе льготы по налоговым и таможенным платежам, которые являются выпадающими доходами бюджета [5]. Следует заметить, что налоговые льготы не являются реальными оттоками денежных средств из бюджетов, а только уменьшают поступающие суммы, подлежащие уплате налогов и пошлин, на что указывается российскими экономистами [1; 5]. Несмотря на то, что источниками финансиру-

ния могут выступать республиканский и местные бюджеты, а также внебюджетные фонды, разделение денежных средств по уровням бюджетной системы не проводится. В то же время эффект от реализации проекта может быть противоположным для республиканского и местных бюджетов.

Необходимо подчеркнуть, что действующими подходами не разделяется влияние на поступления в бюджеты и внебюджетные фонды реализации проекта и предоставления государственной финансовой поддержки. Например, проводимая политика организации может быть направлена на снижение налоговых и неналоговых платежей, что найдет отражение в расчете показателей бюджетной эффективности. Предоставление государственной финансовой поддержки, в частности косвенных форм (льготы по уплате налогов, сборов пошлин, кредиты по льготной процентной ставке), также уменьшает суммы поступлений в бюджеты. Требуется дополнительных уточнений влияние на поступления в бюджеты и Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (далее ФСЗН) изменение факторов фонда оплаты труда: списочной численности работников и размера средней заработной платы в расчете на одного работника. В настоящее время при формировании исходных данных для оценки бюджетной эффективности денежные потоки по ним не разделены, что может привести к завышению (или, наоборот, занижению) показателей.

Отсутствие практических решений обозначенных проблем при формировании исходных данных при оценке эффективности государственного финансового участия в реализации инвестиционных проектов и обусловило актуальность написания данной статьи.

Таким образом, целью исследования является разработка алгоритма формирования исходных данных для оценки бюджетной эффективности государственного финансового участия в реализации инвестиционных проектов.

Материал и методы. Информационной основой для проведения исследования послужили данные бизнес-планов инвестиционных проектов, реализация которых осуществляется с финансовым участием государства, а также нормативно-правовые акты Республики Беларусь и зарубежных стран. При этом использовались методы сравнительного и факторного анализа, а также обобщения.

Результаты и их обсуждение. На основании выделенных особенностей проведения оценки бюджетной эффективности инвестиционного проекта с государственным финансовым участием нами предлагается формировать исходные

данные на основании алгоритма¹, который включает в себя три блока действий (рисунок 1).

Исходные данные формируются на основе расчетных таблиц бизнес-плана инвестиционного проекта, а также иной, имеющей отношение к проекту, информации. Результатом выполненных действий по каждому из блоков является заполнение соответствующих ячеек расчетных таблиц бизнес-плана инвестиционного проекта, что будет способствовать повышению точности отражения денежных потоков.

Рассмотрим более детально каждый из представленных блоков действий по оценке бюджетной эффективности инвестиционных проектов.

1-й блок действий – определение прироста денежных потоков по налоговым и неналоговым платежам в бюджеты и внебюджетные фонды в результате реализации проекта. В рамках данного блока определяется абсолютный прирост (снижение) поступлений налогов и неналоговых платежей для бюджетов различных уровней, а также консолидированного бюджета и внебюджетных фондов (за исключением ФСЗН) в целом. Абсолютный прирост (снижение) рассчитывается посредством сравнения сумм доходов бюджетов и внебюджетных фондов с учетом и без учета реализации проекта. При проведении расчетов по данному блоку не учитывается влияние государственной финансовой поддержки на бюджетные потоки, в том числе по налоговым и неналоговым платежам, уплата которых льготирована в рамках реализации инвестиционного проекта.

Поясним последовательность этапов расчетов, проводимых в рамках данного блока:

1) Ежегодные суммы налогов, сборов, платежей, рассчитанных с учетом и без учета реализации инвестиционного проекта, разделяются по уровням бюджетной системы между республиканским и местными бюджетами. Данное разделение осуществляется на основании Бюджетного кодекса Республики Беларусь и Закона о республиканском бюджете на очередной год. Например, в соответствии с законодательством акцизы, таможенные сборы и таможенные пошлины зачисляются в полном объеме в республиканский бюджет, в то время как в местные – земельный налог и налог на недвижимость. Распределение между уровнями бюджетов НДС и экологического налога осуществляется исходя из установленного Бюджетным кодексом процента отчисления. Уровень бюджета, в который уплачивается налог на прибыль, определяется исходя из того, какова доля Республики Беларусь в структуре собствен-

¹ В данной статье под алгоритмом мы понимаем «правило действий, последовательность проведения вычислительных операций, способ нахождения искомого результата» [6].

ников предприятия. Распределение сумм налога на добычу (изъятие) природных ресурсов осуществляется исходя из категории природного ресурса и ставки, по которой исчисляется данный налог.

Помимо налоговых платежей предприятия, реализующие инвестиционный проект, также могут осуществлять отчисления в республиканский и местные бюджеты, классифицируемые в соответствии с Бюджетным кодексом Республики Беларусь как неналоговые поступления. В соответствии с действующими Правилами суммы неналоговых поступлений не учитываются при оценке государственного финансового участия в реализации инвестиционных проектов. Нами было предусмотрено отражение неналоговых поступлений в республиканский и местные бюджеты, к которым могут быть отнесены следующие:

- дивиденды по акциям, находящимся в республиканской, коммунальной собственности, и доходы от других форм участия в капитале;
- поступления в бюджеты от сдачи в аренду имущества, находящегося в республиканской и коммунальной собственности;
- поступления в бюджеты от реализации имущества, имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности, находящиеся в республиканской, коммунальной собственности;

– другие возможные неналоговые поступления в бюджеты, связанные с реализацией инвестиционного проекта.

2) Рассчитывается прирост (снижение) поступлений в республиканский и местные бюджеты по каждому году реализации проекта: определяется разность сумм налоговых и неналоговых платежей, уплачиваемых с учетом и без учета реализации проекта. На основании значений прироста (снижения) поступлений республиканского и местных бюджетов, а также внебюджетных фондов (за исключением ФСЗН) отражается итоговый прирост (снижение) поступлений от реализации проекта для бюджетной системы в целом.

Результаты расчетов по первому блоку позволяют оценить, как изменятся налоговые и неналоговые платежи с учетом реализации инвестиционного проекта: приведет ли это к приросту поступлений в бюджеты и внебюджетные фонды или, наоборот, оптимизации расходов организации на исполнение бюджетных обязательств.

В рамках данного блока действий нами были построены расчеты по четырем предприятиям, которые реализуют инвестиционные проекты с государственным участием. Агрегированные результаты прироста (снижения) налоговых поступлений за весь период реализации проекта в республиканский и местные бюджеты представлены в таблице 1.

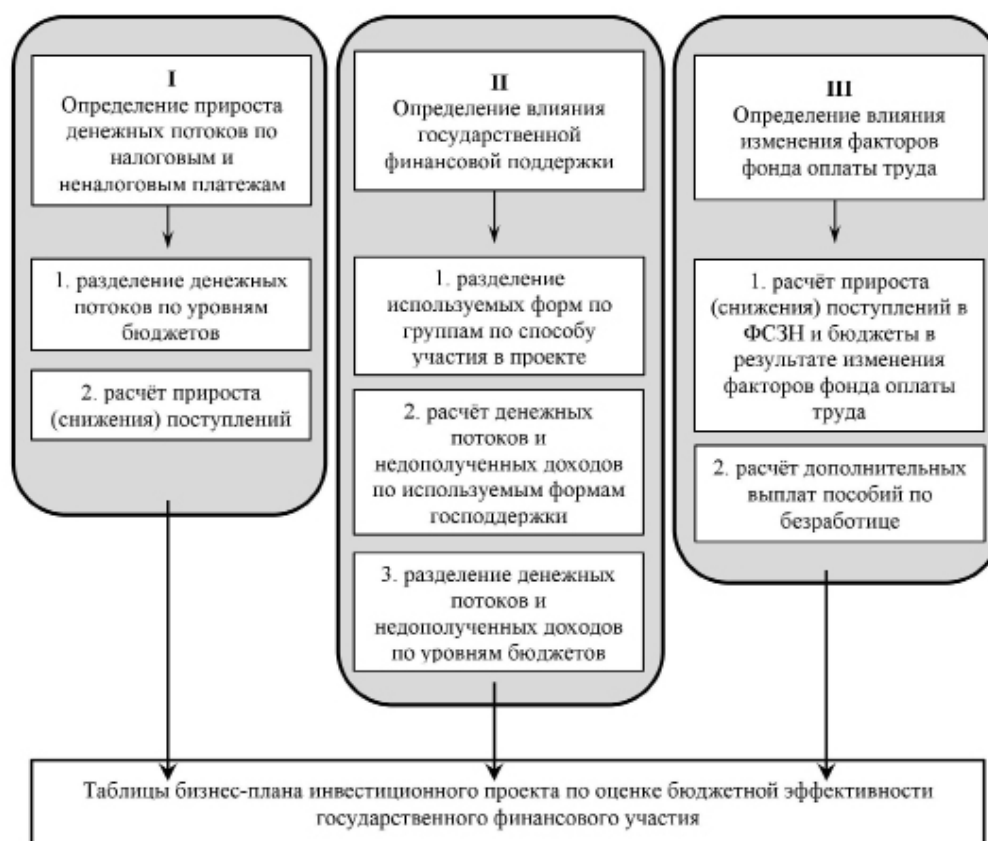

Рисунок 1 – Алгоритм формирования исходных данных для оценки бюджетной эффективности государственного финансового участия в реализации инвестиционного проекта

Источник: собственная разработка.

Таблица 1 – Суммарные значения прироста (снижения) налоговых поступлений в бюджеты за весь срок реализации проектов А, В, С, D (в целях соблюдения коммерческой тайны предприятия были обозначены заглавными латинскими буквами)

Прирост (снижение) налоговых поступлений, млн дол. США	Предприятие А	Предприятие В	Предприятие С	Предприятие D
Республиканский бюджет				
НДС	0,637	-14,409	0,309	-1,375
Экологический налог	–	0,055	–	0,0
Итого прирост (снижение) налоговых поступлений в республиканский бюджет)	0,637	-14,354	0,309	-1,375
Местные бюджеты				
НДС	0,294	-6,524	0,138	-0,619
Налог на прибыль	15,994	16,576	11,468	11,978
Земельный налог	0,0	0,0	0,0	0,0
Экологический налог	–	0,09	0,0	0,0
Налог на недвижимость	0,840	2,009	1,618	2,942
Иные налоговые доходы	–	–	0,0	0,0
Итого прирост (снижение) налоговых поступлений в местные бюджеты	17,128	12,151	13,224	14,301
Итого прирост (снижение) налоговых поступлений в бюджеты	17,765	-2,203	13,533	12,926

Источник: разработка автора на основе бизнес-планов инвестиционных проектов предприятий А, В, С, D.

Таблица 2 – Суммарные значения денежных потоков и недополученных доходов в результате предоставления государственной финансовой поддержки

Денежные потоки и недополученные доходы, млн дол. США	Предприятие А	Предприятие В	Предприятие С	Предприятие D
1 Поступления в бюджеты в результате предоставления государственной поддержки	–	–	0,062	0,060
2 Недополученные доходы, в т.ч.	-17,056	-19,916	-4,987	-2,529
2.1 выпадающие доходы, в т.ч.:	-16,464	-17,175	-4,987	-2,177
2.1.1 по уплате НДС по ввезенным основным средствам	-13,171	-13,740	-4,987	-2,177
2.1.2 по уплате таможенных пошлин	-3,293	-3,435	–	–
2.2 потерянный дополнительный эффект	-0,592	-2,741	–	-0,352

Источник: разработка автора на основе бизнес-планов инвестиционных проектов предприятий А, В, С, D.

Как можно заметить, реализация инвестиционных проектов на предприятиях А, С и D приведет к увеличению поступлений в бюджеты, в то время как на предприятии В – к снижению. Это произойдет в результате того, что сумма НДС начисленного меньше суммы НДС, подлежащего вычету, что потребует выплат денежных средств из бюджетов на возврат НДС, излишне уплаченного. Такое же объяснение отрицательных значений НДС по бизнес-плану инвестиционного проекта предприятия D.

2-й блок действий – *определение влияния государственной финансовой поддержки на бюджеты и внебюджетные фонды* – в рамках данного блока определяется, какие денежные потоки либо недополученные доходы бюджетов и внебюджетных фондов должны быть отражены для оценки бюджетной эффективности государственного финансового участия в реализации инвестиционных проектов. В процессе выполнения действий в рамках второго блока отражение влияния будет проходить по трем основным направлениям:

1) оттоки денежных средств из республиканского и местных бюджетов и внебюджетных фондов – сумм денежных средств, выделяемых для прямого финансирования проекта в виде субсидий, грантов, предоставления бюджетных ссуд и займов, погашения части процентов по кредитам банков, а также иных способов вложения бюджетных средств в реализацию инвестиционного проекта;

2) притоки (поступления) денежных средств в бюджеты и внебюджетные фонды – зачастую в данном блоке действий представлены возвратом денежных средств по некоторым формам государственной финансовой поддержки и сумм, взимаемых за оказание услуг исполнительных органов власти, связанных с реализацией инвестиционного проекта;

3) недополученные доходы – денежные средства, которые недопоступают в бюджеты и ФСЗН от предприятия, реализующего инвестиционный проект, в результате предоставления ему форм государственной финансовой поддержки. Недополученные доходы включают в себя:

а) выпадающие доходы – суммы денежных средств, недопоступающие в бюджеты в виде налогов и неналоговых платежей в результате предоставления льгот по их уплате предприятию, реализующему инвестиционный проект;

б) потерянный дополнительный эффект – это сумма денежных средств, недополученных республиканским или местными бюджетами за период от начала реализации проекта до полного освоения мощностей. Он возникает в результате того, что планируемая сумма налога на прибыль

предприятия, которое реализует инвестиционный проект, не превышает сумму дополнительного эффекта, возникающего при предоставлении определенных форм государственной финансовой поддержки в отдельные годы его реализации. Дополнительный эффект – прирост доходов бюджетов, возникающий при реализации проекта с привлечением государственного финансового участия, в результате увеличения прибыли финансируемого субъекта за счет предоставленной финансовой поддержки.

Государственное участие в реализации анализируемых проектов заключалось в предоставлении следующих форм государственной финансовой поддержки:

- освобождение от уплаты НДС и таможенных пошлин при ввозе на территорию Республики Беларусь оборудования и запасных частей;

- предоставление гарантии Правительства Республики Беларусь по кредитам, выданным на реализацию проекта;

- предоставление кредитов по льготной процентной ставке.

Нами были рассчитаны суммы денежных потоков и недополученных доходов, связанных с предоставлением государственной финансовой поддержки. Суммарные значения полученных результатов за весь период реализации проектов представлены в таблице 2.

Как видим, реализация инвестиционных проектов приводит по всем анализируемым проектам к снижению поступлений в бюджеты, причем наибольшие суммы недополученных доходов – предприятия В. Поступления в бюджеты в результате предоставления государственной поддержки по предприятиям С и D являются платой за привлечение Правительства Республики Беларусь в качестве гаранта по кредитам;

3-й блок действий – *определение влияния на бюджеты и ФСЗН изменения факторов фонда оплаты труда (списочной численности работников и размера средней заработной платы на одного работника)*.

Реализация инвестиционного проекта в значительной степени может оказывать влияние на списочную численность работников предприятия. Так, приобретение технологически более совершенного оборудования приведет к сокращению количества работников, задействованных в процессе производства товаров и услуг. Строительство нового предприятия, наоборот, потребует привлечения трудовых ресурсов для обслуживания станков и оборудования. Изменение данного показателя окажет влияние на изменение поступлений в бюджеты, а также ФСЗН в виде подоходного налога и отчислений на пенсионное и соци-

альное страхование соответственно. В то же время сокращение количества работников может привести к увеличению заработной платы более высококвалифицированных кадров, что также окажет влияние на прирост поступлений в ФСЗН и бюджеты, нивелируя тем самым отрицательный эффект от снижения численности персонала. Совершенно очевидно, что для оценки бюджетной эффективности важен учет обоих факторов. По нашему мнению, влияние изменения размера средней заработной платы в расчете на одного работника и списочной численности работников может быть оценено с помощью факторной модели. Представим порядок расчета для ФСЗН и бюджетов.

Оценка влияния на бюджеты и ФСЗН изменения списочной численности работников и размера средней заработной платы в расчете на одного работника должна охватывать, по нашему мнению, три направления:

а) изменение сумм отчислений в ФСЗН (работодателя и работника) в целом и в результате влияния изменения списочной численности персонала и размера средней заработной платы в расчете на одного работника. Определение прироста/снижения поступлений в ФСЗН за счет реализации инвестиционного проекта за каждый год будет определяться по формуле 1:

$$\Delta FR_t^{SI} = (Emp_t^{with} \times \bar{W}_t^{with} - Emp_t^{without} \times \bar{W}_t^{without}) \times t_{SI}, (1)$$

где Emp_t^{with} – списочная численность работников предприятия с учетом реализации проекта;

$\bar{W}_t^{with}$ – размер средней заработной платы в расчете на одного работника по предприятию с учетом реализации проекта;

$Emp_t^{without}$ – списочная численность работников предприятия без учета реализации проекта;

$\bar{W}_t^{without}$ – размер средней заработной платы в расчете на одного работника по предприятию без учета реализации проекта;

t_{SI} – установленная ставка по отчислениям в ФСЗН (нанимателей и работников предприятия).

Для определения влияния списочной численности работников и размера средней заработной платы в расчете на одного работника используем факторный анализ. Расчет влияния изменения списочной численности работников на прирост/снижение поступлений в ФСЗН будет проводиться по формуле 2:

$$\Delta FR_t^{SI(Emp)} = \bar{W}_t^{without} \times Emp_t^{without} \times \Delta I_t^{Emp} \times t_{SI}, (2)$$

где $\Delta FR_t^{SI(Emp)}$ – прирост/снижение поступлений в ФСЗН в t-м году реализации проекта за счет изменения списочной численности работников с учетом и без учета реализации проекта;

ΔI_t^{Emp} – темп прироста списочной численности работников с учетом и без учета реализации проекта, который рассчитывается по формуле 3:

$$\Delta I_t^{Emp} = \frac{Emp_t^{with}}{Emp_t^{without}} - 1. (3)$$

Расчет влияния изменения размера средней заработной платы в расчете на одного работника на прирост/снижение поступлений в ФСЗН будет определяться по формуле 4:

$$\Delta FR_t^{SI(\bar{W})} = \bar{W}_t^{without} \times Emp_t^{without} \times I_t^{Emp} \times \Delta I_t^{\bar{W}} \times t_{SI}, (4)$$

где $\Delta FR_t^{SI(\bar{W})}$ – прирост/снижение поступлений в ФСЗН в t-м году реализации проекта за счет изменения размера средней заработной платы в расчете на одного работника с учетом и без учета реализации проекта;

$\Delta I_t^{\bar{W}}$ – темп прироста размера средней заработной платы в расчете на одного работника с учетом и без учета реализации проекта, который рассчитывается по формуле 5:

$$\Delta I_t^{\bar{W}} = \frac{\bar{W}_t^{with}}{\bar{W}_t^{without}} - 1 (5)$$

б) изменение сумм поступлений подоходного налога в местные бюджеты в целом и в результате влияния обоих факторов, которое определяется аналогично представленным выше расчетам изменений поступлений в ФСЗН за единственным исключением того, что вместо установленной ставки отчислений по пенсионному и социальному страхованию используется ставка подоходного налога;

в) дополнительные выплаты из бюджетов пособий по безработице работникам, уволенным в ходе реализации инвестиционного проекта, расчет которых будет производиться по формуле 6:

$$FE(R)_t^{UB} = (Emp_t^{red} - Emp_t^{ret}) \times d^{reg} \times UB \times \bar{M}, (6)$$

где $FE(R)_t^{UB}$ – сумма дополнительных выплат пособий по безработице в t-ом году;

Emp_t^{red} – количество уволенных работников в период t;

Emp_t^{ret} – количество уволенных работников пенсионного возраста в период t;

d^{reg} – удельный вес людей, зарегистрированных в качестве безработных в органах по труду, занятости и социальной защите;

UB – месячная сумма пособия по безработице;

$\bar{M}$ – среднее количество месяцев, требуемых для нахождения новой работы ставшим на учет

² Определяется как отношение количества зарегистрированных в качестве безработных к количеству человек, обратившихся в орган по труду, занятости и социальной защите за содействием в трудоустройстве.

в органах по труду, занятости и социальной защите³.

Нами были проанализированы изменения поступлений в бюджеты и ФСЗН по четырем анализируемым предприятиям в соответствии с четвертым блоком действий. Так, по предприятиям А и В реализация инвестиционного проекта приведет к снижению поступлений в ФСЗН и местные бюджеты по подоходному налогу. Более того, сокращение списочной численности работников приведет к необходимости выплат им пособий по безработице, а это дополнительные расходы бюджетов в размере 23,9 тыс. дол. США. Факторный анализ по отчислениям подоходного налога в местные бюджеты и отчисления в ФСЗН показал, что на снижение поступлений оказывает влияние как сокращение количества работников (в среднем за год 146 тыс. дол. США по отчислениям в ФСЗН и 54 тыс. дол. США по подоходному налогу), так и уменьшение размера средней заработной платы (в среднем за год 12 тыс. долларов США по отчислениям в ФСЗН и 5 тыс. дол. США по подоходному налогу) по предприятию А. Влияние сокращения списочной численности работников также имеет наибольший вес и по предприятию В: в среднем за год с учетом реализации проекта поступления в ФСЗН будут сокращаться на 247 тыс. дол. США в результате влияния обозначенного фактора, в то время как уменьшение размера средней заработной платы в расчете на одного работника приведет к снижению отчислений в среднем за год на 35 тыс. дол. США. По предприятиям С и D реализация инвестиционного проекта приведет к приросту поступлений в ФСЗН и местные бюджеты, в первую очередь, за счет увеличения списочной численности работников с учетом реализации проекта. Так, отчисления в ФСЗН увеличатся в среднем за год на 51 тыс. дол. США, по подоходному налогу в местные бюджеты – на 18 тыс. дол. США по предприятию С. Доля прироста отчислений за счет изменения списочной численности работников составит 92,2% и 94,7% по ФСЗН и местным бюджетам соответственно. По предприятию D будет наблюдаться влияние только одного фактора – изменения списочной численности работников – в среднем за год отчисления в ФСЗН и местные бюджеты увеличатся с учетом реализации проекта на 57 и 21 тыс. дол. США соответственно.

Заключение. Таким образом, разбиение построенных расчетов для оценки бюджетной эффек-

тивности государственного финансового участия в реализации инвестиционных проектов на три блока действий позволит:

- учесть прирост (снижение) налоговых и неналоговых платежей в бюджеты и внебюджетные фонды, вызванный реализацией проекта;
- отразить влияние на бюджеты и внебюджетные фонды оказываемой государственной финансовой поддержки на реализацию проекта;
- показать влияние на бюджеты и ФСЗН прирост (снижение) поступлений, вызванное изменением факторов оплаты труда: списочной численности работников и размера средней заработной платы в расчете на одного работника.

Предложенный алгоритм был апробирован на данных бизнес-планов инвестиционных проектов четырех предприятий, для реализации которых государство привлекается в качестве участника. Полученные результаты позволили сделать вывод о наличии влияния изменения поступлений и расходов бюджетов и внебюджетных фондов не только в результате предоставления государственной поддержки, но и реализации проекта, в том числе изменения факторов фонда оплаты труда.

Литература

1. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (2-я редакция) / М-во экономики РФ, М-во фин. РФ, ГК по стр-ву, архит. и жил. политике; рук. авт. кол.: В.В. Коссов [и др.]. – М: ОАО «НПО Изд-во “Экономика”», 2000. – 421 с.
2. Jenkins, G.P. The Financial Appraisal of Projects [Electronic resource] / J.P. Jenkins // Cost-benefit Analysis for Investment Decisions: manuscript / G.P. Jenkins, C.Y.K. Kuo, A.C. Harberger // Development Discussion Paper. – 2011. – Mode of access: http://ayousefi.iut.ac.ir/sites/ayousefi.iut.ac.ir/files/u99/cost-benefit_analysis_for_investment_decisions.pdf. – Date of access: 13.11.2018.
3. Батищева, С.М. Методологія аналізу ефективності бюджетних капітальних вкладень [Електронний ресурс] / С.М. Батищева // Економічний вісник Донбасу. – 2011. – № 2(24). – Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/24089/18-Batischeva.pdf?sequence=1>. – Дата доступа: 19.08.2018.
4. Макаркин, Н.П. Эффективность реальных инвестиций: учеб. пособие / Н.П. Макаркин. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 432 с.
5. Об утверждении Правил по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов [Электронный ресурс]: постановление Министерства экономики Респ. Беларусь, 31 авг. 2005 г., № 158; в ред. постановления М-ва экономики Респ. Беларусь от 10.05.2018 г., № 15 // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Современный экономический словарь [Электронный ресурс] / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67315/2149aa9e07dda9bbf502e088d8d0a38e8fb94f2e/. – Дата доступа: 12.11.2018.

Поступила в редакцию 21.11.2018 г.

³ Определяется исходя из данных, публикуемых на официальном сайте Национального статистического комитета.

Семантика понятия «провокация» и его производных в русскоязычной и англоязычной психологической литературе

Лозовский А.В.

Белорусский государственный университет

В статье приводятся результаты анализа отечественных и зарубежных публикаций, посвященных исследованию феноменов провокации и провокационного поведения.

Цель работы – выявление значений понятий «провокация», «провокационный», «провокативный» в русскоязычных публикациях по психологии и понятий «provocation» и «provocative» в англоязычных публикациях по психологии.

Материал и методы. Материалом исследования послужили русскоязычные и англоязычные научные публикации, посвященные изучению феномена провокации, основными методами избраны дискурс-анализ и сравнительный анализ текстов.

Результаты и их обсуждение. Между взглядами русскоязычных и англоязычных авторов на понятие провокации существуют значительные семантические различия, которые заключаются в том числе в оценке намеренности действий актора. В то же время в русскоязычных публикациях понятие «провокативный» часто используется не в качестве синонима дефиниции «провокационный», но в качестве индикатора, подчеркивающего, что актор намеренно применяет психологическое воздействие по отношению к объекту провокации.

Заключение. Понятия «provocation» и «provocative» в англоязычной литературе указывают на намеренное либо ненамеренное нарушение актором социальных норм и запретов. В русскоязычных публикациях понятие «провокация» рассматривается в качестве намеренного действия провокатора, направленного на вызов заранее ожидаемой реакции у провоцируемого. Термин «провокационный» указывает на содержание в рассматриваемом явлении некоего элемента, способного вызвать у реципиентов определенную реакцию. Дефиниция «провокативный» констатирует, что провокатор намеренно оказывает на провоцируемого психологическое воздействие.

Ключевые слова: провокация, провокационный, провокативный, provocation, provocative.

The Semantics of the Concept of Provocation and its Derivatives in the Russian Language and English Language Psychological Literature

Lazowski A.V.

Belarusian State University

The article presents the results of the analysis of the Russian-language and English-language publications devoted to the study of the phenomena of provocation and provocative behavior.

The purpose of the work is to reveal the meaning of the terms “provokatsiya”, “provokatsionniy”, “provokativniy” in the Russian-language publications on psychology and the meaning of the terms «provocation» and «provocative» in the English-language publications on psychology.

Material and methods. The research material included Russian-language and English-language scientific publications devoted to the study of the phenomenon of provocation, the main research methods were discourse analysis and comparative analysis of texts.

Findings and their discussion. There are significant semantic differences between the views of Russian-speaking and English-speaking authors on the concept of provocation, including the assessment of the intention of the actor's actions. At the same time, the term "provokativnyi" in Russian publications is often used not as a synonym for "provokatsionnyi", but as an indicator emphasizing that the actor intentionally applies psychological influence on the object of provocation.

Conclusion. The concepts of "provocation" and "provocative" in the English-language literature indicate an intentional or unintentional violation of social norms by the actor. In Russian-language publications, the concept of «provocation» is considered as a deliberate action of the provocateur, aimed at calling a pre-expected reaction in the provoked. The term "provokatsionnyi" indicates that the event under consideration contains a certain element capable of causing a definite reaction in the recipients. The term «provokativnyi» states that the provocateur deliberately affected the provoked with the psychological influence.

Key words: provocation, provocative, provokatsionnyi, provokativnyi.

Термин «провокация» произошел от латинского слова «provocatio», которое в прямом переводе обозначает «вызов» [1]. В английском языке дефиниция «provocation» долгое время использовалась в контексте религиозного дискурса и являлась синонимичной русскоязычному термину «искушение»¹, однако к концу XX века он стал употребляться не только в негативной, но и в нейтральной коннотации для характеристики «чего-либо вызывающего, возбуждающего либо стимулирующего» к некой реакции [2].

Как указывает культуролог Т. Шеметова, в русском языке понятие провокации закрепилось в связи с деятельностью революционного движения, которое выступало против действий правительства Российской империи начала XIX века [3]. Благодаря деятельности русскоязычной прессы периода 1910–1930 гг. слова «провокатор» и «провокация» приобрели стойкую негативную коннотацию и практически превратились в ругательные: первое стало синонимично терминам «предатель» и «подлец», а второе – понятию «подстрекательство». В этом контексте ими начали пользоваться как журналисты государственной прессы, так и авторы антиправительственных изданий; позже данные понятия в том же контексте были переняты советскими журналистами и литераторами. Отметим также, что трактовка дефиниции «провокация» в первую очередь в негативной коннотации приводится в каждом из обнаруженных нами толковых словарей русского языка (включая переиздания), опубликованных в период с 1939 по 2018 г.

Цель статьи – выявление значений понятий «провокация», «провокационный», «провокативный» в русскоязычных публикациях по психологии и понятий «provocation» и «provocative» в англоязычных публикациях по психологии.

Материал и методы. Методологическую основу исследования составили 23 англоязычных и 49 русскоязычных научных публикаций, посвященных изучению феноменов провокации и провоцирующего поведения, вышедших в период с 1997 по 2018 г. В качестве основных методов

были использованы дискурс-анализ и сравнительный анализ текстов.

Результаты и их обсуждение. В научной литературе понятие «провокация» чаще всего употребляется в нейтральной коннотации. Согласно определению Т. Шеметовой, в общем смысле провокацию можно охарактеризовать как «некое развернутое во времени действие субъекта-провокатора (или субъектов), которое направлено на объект (объекты) провокации с целью вызывать определенную реакцию: либо конкретное действие, либо бездействие, в зависимости от цели провокации» [3, с. 12]. Исследователи А. Дмитриев и А. Сычев рассматривают провокацию как «действие одной стороны, направленное на вызов прогнозируемой и выгодной для нее реакции другой стороны» [4, с. 27]. Психолог С. Беляев лаконично определяет провокацию как «действие, целью которого является вызов предсказуемой ответной реакции» [5, с. 11]. Каждое из трех определений подразумевает, что провокатор знает, какой именно реакции со стороны провоцируемого он стремится достичь, что провокация как социальный акт имеет определенную цель, а следовательно, является намеренной. Данную точку зрения разделяет С. Тумский, согласно утверждению которого наличие у субъекта провокации «мотивации, личного интереса, цели» служит неотъемлемой составляющей акта провокации, поскольку «провокатор продумывает и реализует провокацию в связи со своими намерениями» [6, с. 3].

Являясь производным от термина «провокация», прилагательное «провокационный», согласно словарю Т. Ефремовой, в общем смысле обозначает некое явление, «содержащее, скрывающее в себе провокацию» [7]; тем же значением данное понятие обладает в контексте научных психологических публикаций. Отметим, что дефиниция «провокационный» в первую очередь указывает на оценку говорящим рассматриваемого явления в качестве «способного вызвать некую реакцию у реципиентов».

Отличного от русскоязычных авторов взгляда на понятие провокации придерживаются англоязычные исследователи, подразумевая под ним в первую очередь нарушение социально одобряемых стандартов поведения. К примеру, датский

¹ Глагол «to provoke», в свою очередь, был синонимичен русскоязычному глаголу «искушать».

социолог О. Дриссенс (O. Driessens) утверждает, что «ядро» провокации составляют три элемента – намеренность, неожиданность для провоцируемого и нарушение социальных норм и запретов [8, p. 558].

Стоит подчеркнуть, что если русскоязычные авторы зачастую дают понятию «провокация» собственные определения, англоязычные авторы чаще оперируют понятием «provocative» («провокационный») и стремятся охарактеризовать словосочетания, в которых оно употребляется. Из контекста проанализированных нами англоязычных источников следует, что непосредственно провокация рассматривается иностранными исследователями в качестве «намеренного либо неумышленного действия актора, на которое реагируют окружающие его люди».

К примеру, значительное количество зарубежных публикаций посвящено изучению феномена «provocative dress» («провокационный внешний вид») в контексте психологии физической привлекательности. Согласно определению Д. Кеннеди (D. Kennedy), понятие «provocative dress» включает в себя «все стили внешнего вида женщины, которые отклоняются от приемлемых норм в рамках специфической социальной ситуации в сторону сексуальной суггестии и/или экспозиции тела» [9, p. 163–164]. Исследователь А. Линч (A. Lynch) подчеркивает, что ключевым моментом в концепции оценки «провокационности» внешнего вида, согласно Д. Кеннеди, является не степень открытости одежды или специфика ее дизайна, но соотнесение контекста ситуации с негласными правилами поведения в рамках данной ситуации, принятыми в том или ином обществе [10]. Социолог Дж. Вольфендейл (J. Wolfendale) отмечает, что провокационный внешний вид может приводить к провокативному эффекту вне зависимости от истинных намерений, которыми индивид руководствовался при выборе одежды [11].

Еще одной популярной темой в среде зарубежных исследователей является феномен «provocative advertising» («провокационная реклама»). Согласно классическому определению Р. Везина и О. Пол (R. Vezina, O. Paul), данный термин характеризует «происходящее в рамках контекста рекламного объявления намеренное обращение к стимулам, которые, как ожидается [создателями рекламы], шокируют по крайней мере часть аудитории, так как данные стимулы, с одной стороны, ассоциируются с ценностями, нормами или запретами, которые обычно не поднимаются или не нарушаются в рекламе, а с другой, являются отчетливо выделяющимися [на фоне других реклам] и неоднозначными» [12, p. 179]. Социологи С. Андерссон и А. Петтерссон

(S. Andersson, T. Pettersson) указывают, что провокационная реклама намеренно создается маркетологами для того, чтобы шокировать либо оскорбить аудиторию посредством нарушения общественных норм, законов, обычаев, морального или социального кодекса и т.д. Конечная цель, которую преследуют ее создатели, заключается либо в продаже рекламируемого товара или услуги максимально возможному числу реципиентов (в случае коммерческой рекламы), либо укреплении в памяти максимально возможного числа реципиентов неких идей, установок, убеждений (в случае социальной рекламы) [13].

В то же время, как следует из работы психиатра Э. Селби (E. Selby) и его коллег, с точки зрения медицинской психологии к категории «провокационное поведение» («provocative behaviors») можно отнести поведенческие тенденции к чрезмерному потреблению алкоголя, мелким магазинным кражам, гэмблингу, чрезмерным денежным тратам, беспорядочной сексуальной активности и др. [14]. Столь разнообразный список «провокационных» поведенческих актов указывает на то, что в данном контексте «провокация» рассматривается авторами не как намеренная попытка провокатора вызвать у провоцируемого выгодную первую прогнозируемую реакцию, но, в первую очередь, как действие, нарушающее определенные социальные нормы поведения и потому привлекающее внимание других людей. При этом доподлинно неизвестно, ожидает ли индивид привлечения внимания других людей к своим действиям или нет, однако вероятность такого поворота событий достаточно велика вне зависимости от его ожиданий.

Аналогом термина «provocative behaviors» в англоязычной психологической литературе является понятие «вызывающее поведение» (challenging behaviour), которое характеризуется Э. Эмерсоном (E. Emerson) как «отклоняющееся от культурных норм поведение такой интенсивности, частоты либо продолжительности, что физическая безопасность индивида либо окружающих его людей находится под серьезной угрозой» [15, p. 3]. К данному типу поведения автор относит агрессивность, деструктивность, тенденцию к самоповреждению, стереотипную манерность, тенденцию к постоянному крику, гиперактивность и др. Отмечается, что в большинстве случаев «вызывающее поведение» характерно для индивидов с нарушениями в развитии, сенильными расстройствами либо поражениями головного мозга, которые в результате приводят к нарушению интеллекта актора. Следовательно, данные поведенческие тенденции нельзя назвать в полной степени «намеренными», поскольку они

являются следствием некоего психического либо неврологического нарушения.

Подчеркнем, что авторы определений терминов «provocative behavior» и «challenging behaviour» сходятся в том, что основной отделения «отклоняющегося» поведения пациента от «бытового» является нарушение определенных социальных норм, которые обычно не конкретизируются в публикациях по медицинской психологии (что указывает в том числе на различие этих норм в различных обществах и социокультурных контекстах).

Таким образом, понятия «provocativeness» и «провокационность» имеют схожие, но не тождественные значения: оба термина указывают на то, что описываемое ими явление потенциально способно вызвать определенную реакцию со стороны реципиентов, однако первый обычно употребляется в нейтральной коннотации и подразумевает, что рассматриваемое явление нарушает социальные нормы, в то время как второй может использоваться как в нейтральной, так и в негативной коннотации, лишь констатируя, что в рассматриваемом явлении содержится некий элемент, способный побудить реципиентов к совершению определенных действий. При этом в обоих случаях, если речь идет об описании поведения актора, термин не затрагивает вопрос о намеренности его действий.

Из результатов описанного нами выше анализа следует, что, с точки зрения русскоязычных авторов, «провокация» всегда является намеренной. Однако анализ литературы по темам виктимологии (работы В. Франка, Д. Ривмана, В. Туляков и др.) и психологии агрессии (работы И. Фурманова, Р. Бэрона, W. Pedersen и др.) показывает, что «провоцировать» человека на те или иные реакции – эмоции, суждения либо действия – способны как умышленные, так и неумышленные действия других людей (к примеру, ненамеренное нанесение индивиду урона со стороны другого человека). Следовательно, действия индивида могут быть как намеренно «провокационными» (если актер ставит своей целью вызов у провоцируемого заранее ожидаемой реакции), так и неумышленно «провокационными» – к примеру, если актер, впервые оказавшись в условиях незнакомой социокультурной среды, не осведомлен о нормах и правилах поведения в данной среде и совершает «некультурные» с точки зрения представителя данной среды действия (которые могут побудить последнего к переживанию негативных эмоций и, как следствие, к поведению, направленному на предотвращение дальнейшего нарушения индивидом социальных норм). Забегая наперед, отметим, что в русскоязычной психо-

логической литературе лишь понятие провокативности (подчеркивающее наличие определенного воздействия со стороны провокатора на объект провокации) однозначно указывает на намеренность действий актора.

В конце 1990-х гг. на постсоветском пространстве начала набирать популярность концепция «provocative therapy» психотерапевта Ф. Фаррелли [16], русскоязычные последователи которого первыми стали называть себя «провокативными терапевтами» с целью избавиться от негативной коннотации, связанной с термином «провокационный» (который мог негативно повлиять на имидж специалистов). В 2005 г. понятие провокативности было введено в контекст социальной психологии исследователем Е. Морозовой; в общем смысле оно определялось как «родовое понятие, характеризующее разнообразные виды психологического воздействия», которые вызывают реакцию «независимо от намерений объекта воздействия, вне его контроля, с вытекающими из этого факта психологическими эффектами и непосредственными или отсроченными последствиями» [17, с. 20].

Согласно Е. Морозовой, определение понятия провокативности зависит от специфики его употребления. В нейтральном контексте данный термин подразумевает «неспецифическое воздействие на объект, непосредственно... приводящее к каким-либо последствиям» (например, влияние медикаментов на состояние пациента), в негативном контексте – «умышленное воздействие на другого в ситуации конфликта интересов с целью... вызвать эмоционально окрашенные реакции, или действия, наносящие объекту воздействия ущерб в интересах провокатора». Однако наиболее важной из характеристик, введенных Е. Морозовой, мы считаем определение провокативности в позитивном контексте: это «психологическое воздействие, которое вызывает напряжение, фрустрацию», но при этом «как по намерениям провоцирующей стороны, так и по результату не несет разрушительных негативных последствий для объекта воздействия» и «способствует позитивным изменениям, обладает стимулирующим потенциалом» (т.е. выполняет функцию «катализатора развития») [17, с. 19–20].

Схожая идея обнаруживается в работах педагога и психолога А. Енина, посвященных концепции «провокативной педагогики», в рамках которой провокация рассматривается в качестве приема, способного «спровоцировать» обучающихся к принятию самостоятельных решений и развитию у них критического мышления [18]. Идея использования «провокативности» в качестве педагогического приема также лежит в осно-

ве концепции «педагога как трикстера», выдвинутой психологом А. Полонниковым [19].

Таким образом, если понятия «provocative» и «провокационный» указывают на определенное свойство рассматриваемого явления (в частности, на наличие у явления потенциала к провокации реципиентов к определенным действиям), понятие «провокативный» в контексте работ Е. Морозовой и А. Енина (а также С. Сорокиной, Е. Гусевой и др.) характеризует психологическое воздействие, которое один человек намеренно оказывает на другого в ходе прямой либо опосредованной коммуникации.

Стоит также упомянуть, что некоторые авторы используют термин «провокативный» в качестве полного синонима дефиниции «провокационный» (в т.ч. А. Дмитриев и А. Сычев, А. Зобова, Н. Сюзева, А. Козлов и И. Саженин и др.). Кроме того, филологи В. Степанов и Н. Кошкарова, подчеркивая сходство феноменов провокации и манипуляции, используют термин «провокативный» в качестве гипонима к понятию «манипулятивный»; впрочем, если рассматривать манипуляцию как разновидность психологического воздействия, данная трактовка также укладывается в определение Е. Морозовой.

Заключение. Таким образом, согласно результатам проведенного анализа, понятие «provocation» в англоязычной литературе рассматривается в первую очередь как намеренное либо ненамеренное нарушение актором социальных норм и запретов. Термин «provocative» при этом указывает на свойство некоего явления, заключающееся в нарушении данным явлением социальных норм (что потенциально способно вызвать некую ответную реакцию со стороны реципиентов). В русскоязычных публикациях понятие «провокация» рассматривается в качестве намеренного действия провокатора, направленного на вызов заранее ожидаемой реакции у провоцируемого. При этом термин «провокационный» указывает на содержание в рассматриваемом явлении некоего элемента, способного вызвать у реципиентов определенную реакцию, а дефиниция «провокативный» констатирует, что провокатор намеренно оказывает на провоцируемого психологическое воздействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Provocatio // Латинско-русский словарь / сост. И.Х. Дворецкий. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1976. – С. 829.

2. Provocation [Electronic resource] // Dictionary by Merriam-Webster: America's most-trusted online dictionary. – Mode of access: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/provocation>. – Date of access: 16.10.2018.
3. Шеметова, Т.Н. Искусство провокации и идеальный провокатор / Т.Н. Шеметова // Обсерватория культуры. – 2014. – № 1. – С. 11–17.
4. Дмитриев, А.В. Провокация: социофилософские очерки: монография / А.В. Дмитриев, А.А. Сычев. – М.: ЦСПиМ, 2017. – 336 с.
5. Беляев, С.А. Метод провокации в проведении психологических исследований / С.А. Беляев, Т.Л. Рыжковская, С.В. Старовойтова // Психологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 10–14.
6. Тумский, С.В. Провокация как социальное действие: определение феномена в контексте кроссдисциплинарного анализа / С.В. Тумский // Социодинамика. – 2017. – № 8. – С. 1–11.
7. Провокационный // Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. – М.: АСТ, 2006. – Т. 2: М–П. – С. 1057.
8. Driessens, O. 'Do (not) go to vote!' Media provocation explained / O. Driessens // European J. of Communication. – 2013. – № 28. – P. 556–569.
9. Kennedy, D. Sexual Abuse, Sexy Dressing, and the Eroticization of Domination / D. Kennedy // Sexy Dressing Etc: Essays on the Power and Politics of Cultural Identity / D. Kennedy. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – P. 126–214.
10. Lynch, A. Expanding the Definition of Provocative Dress: An Examination of Female Flashing Behavior on a College Campus / A. Lynch // Clothing & Textiles Res. Journ. – 2007. – Vol. 25, № 2. – P. 184–201.
11. Wolfendale, J. Provocative Dress and Sexual Responsibility / J. Wolfendale // The Georgetown J. of Gender and the Law. – 2016. – Vol. 17. – P. 599–624.
12. Vezina, R. Provocation in Advertising: A Conceptualization and an Empirical Assessment / R. Vezina, O. Paul // Intern. J. of Research in Marketing – 1997. – Vol. 14, iss. 2. – P. 177–192.
13. Andersson, S. Provocative Advertising: The Swedish Youth's Response (Master's Thesis) [Electronic resource] / S. Andersson, A. Pettersson // DiVA: Digitala Vetenskapliga Arkivet. – Mode of access: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1029621/FULLTEXT01.pdf>. – Date of access: 16.10.2018.
14. Habitual starvation and provocative behaviors: Two potential routes to extreme suicidal behavior in anorexia nervosa / E.A. Selby [et al.] // Behav. Res. Ther. – 2010. – № 48. – P. 634–645.
15. Emerson, E. Challenging Behaviour: Analysis and Intervention in People with Severe Learning Disabilities / E. Emerson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 233 p.
16. Фарелли, Ф. Провокационная терапия / Ф. Фарелли, Д. Брандсма. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996. – 216 с.
17. Морозова, Е.А. Социально-психологическое исследование художественной провокативности (на примере современного авангардного искусства): дис. ... канд. психол. наук [Электронный ресурс] / Е.А. Морозова // Twirpx.com. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/368855>. – Дата доступа: 16.10.2018.
18. Енин, А.В. «Вредные игры». Основы провокативной педагогики: практ. пособие / А.В. Енин. – Воронеж: Китеж, 2006. – 104 с.
19. Полонников, А.А. Педагог как трикстер / А.А. Полонников // Дискурс-анализ событий образования. Критическое исследование. – Минск: БГУ, 2013. – Гл. 4. – С. 276–290.

Поступила в редакцию 19.11.2018 г.

Симптоматика профессионального выгорания проводников пассажирских вагонов со стажем работы 5–7 лет

Данилова Ж.Л., Каратерзи В.А., Поташева Ю.Л.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья является результатом системной комплексной работы по психологическому просвещению проводников пассажирских вагонов УП «Витебское отделение Белорусской железной дороги». В ней рассматривается один из аспектов психологической профилактики профессионального самоотношения личности специалиста транспортных услуг, связанных с феноменом профессионального (эмоционального) угорания и последующего выгорания.

Цель настоящей статьи – анализ особенностей проявления профессионального выгорания проводников пассажирских вагонов со стажем работы 5–7 лет.

Материал и методы. Теоретической основой исследования явились научные данные психологов-исследователей о роли различных факторов в возникновении синдрома эмоционального выгорания в ходе реализации профессиональной деятельности. В качестве эмпирических методов применялись тестирование, методы математической статистики.

Результаты и их обсуждение. Полученные результаты позволяют говорить, что в анализируемой выборке большинство проводников со стажем работы 5–7 лет имеет выраженную симптоматику профессионального стресса в области проявления эмоций, а также сформированные фазы стресса. В связи с этим важным видится проведение систематической работы по профилактике профессионального выгорания у проводников пассажирских вагонов.

Заключение. Проблема диагностики и профилактики профессионального стресса у специалистов сферы транспортных услуг актуальна. На железной дороге наличие конфликтов, с одной стороны, способствует улучшению качества обслуживания в пассажирских вагонах, однако, с другой стороны, создает напряженные условия и стрессовые ситуации в работе проводников. В связи с этим важна организация психологического сопровождения профессиональной деятельности проводников пассажирских вагонов.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, проявления профессионального выгорания, причины эмоционального выгорания, фазы эмоционального выгорания.

Symptoms of Professional Exhaustion of Passenger Train Attendants with 5–7 Year Work Record

Danilova Zh.L., Karaterzi V.A., Potasheva Yu.L.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article is the result of the syttem complex work on psychological education of passanger train attendants of Vitebsk Branch of Belarusian Railway. One of the aspects of psychological prevention of professional self-attitude of the personality of the transport service specialist which is connected with the phenomenon of professional (emotional) subsidence and exhaustion following it, is considered in the article.

The purpose of the article is analysis of the features of passanger train attendants' professional exhaustion after 5–7 years of work.

Material and methods. The theoretical basis of the study is psychologists' research data on the role of different factors in the emergence of the emotional exhaustion syndrome during the implementation of professional activities. Methods of mathematical statistics and tests were used as empiric methods.

Findings and their discussion. The obtained results make it possible to state that in the analyzed selection most passenger train attendants with the work record of 5–7 years posses distinct symptoms of professional stress in the field of emotion manifestation as well as the formed stress phases. Consequently, it is important to conduct systematic work on the prevention of passenger train attendants' professional exhaustion.

Conclusion. The issue of diadgostics and prevention of transport sphere specislists' professional stress is urgent. Passanger railway conflists provide conditions on the improvement of the service quality, on the one hamd, but, on the other hand, create stress situations in the train attentnts' work. Thus, it is important to set out psychological accompaniment of passanger train attendants' professional activities.

Key words: emotional exhaustion syndrome, manifestations of professional exhaustion, reasons for emotional exhaustion, phases of emotional exhaustion.

При росте напряженности в современном обществе, увеличении количества конфликтных ситуаций и повышении требований к качеству оказываемых услуг во всех сферах социального взаимодействия у специалистов отмечается высокий уровень профессионального выгорания. В большей степени профессиональному выгоранию подвержены специалисты сферы услуг, деятельность которых связана с непосредственными контактами с людьми. Так, работа проводника пассажирского вагона сопряжена с высоким уровнем профессионального стресса. Безусловно, предпринимаются меры для снижения уровня стресса, так, для проводников разработан ряд инструкций по общению с пассажирами, основанных на этике делового общения и содержащих правила (и даже конкретные речевые обороты для общения с пассажирами), регламентирующих общение с пассажиром с момента встречи его у вагона и до окончания пути. Однако в силу своих индивидуально-типологических особенностей и общей культуры не все проводники чувствуют психологический комфорт в ситуации общения с пассажирами, что может быть причиной возникновения конфликтных ситуаций, а в дальнейшем приводить к профессиональному выгоранию.

Существует тесная взаимосвязь между профессиональным выгоранием и мотивацией деятельности. Выгорание может приводить к снижению профессиональной мотивации: напряженная работа постепенно превращается в бессодержательное занятие, появляются апатия и даже негативизм по отношению к своим обязанностям, которые сводятся к минимуму.

Особый интерес представляет изучение симптоматики профессионального выгорания у проводников со стажем работы 5–7 лет, поскольку этот период совпадает с кризисом профессионального роста и карьеры, возникающим по завершении стадии первичной профессионализации. Многие проводники отмечают, что в этот период чувствуют нарастающее недовольство своей профессиональной деятельностью, усталость, скуку, поскольку владеют на высоком уровне требуемым функционалом, а новых задач для решения нет, задумываются о карьерном росте и его невозможности, высказывают недовольство по поводу оплаты труда, сравнивают свои достижения с успехами других. Именно в этот период могут возникать мысли о смене работы, о возможном увольнении, росте дискомфорта и психической напряженности.

Цель статьи – анализ особенностей проявления профессионального выгорания проводников пассажирских вагонов со стажем работы 5–7 лет.

Материал и методы. Эмпирической базой исследования выступило вагонное депо УП «Витебское отделение Белорусской железной дороги». Изучение профессионального выгорания проводников пассажирских вагонов осуществлялось в рамках темы научного исследования «Профессиональное выгорание специалистов сферы транспортных услуг» (номер государственной регистрации в БелИСА 20180510 от 28.04.2018).

Эмпирической основой исследования явилась методика «Диагностика эмоционального выгорания личности» В.В. Бойко, которая позволяет диагностировать ведущие симптомы эмоционального выгорания и определить, к какой фазе развития профессионального стресса они относятся: напряжения, резистенции, истощения.

Методика состоит из 84 суждений, помогающих диагностировать три симптома эмоционального выгорания, каждый из которых выявляется на основе четырех параметров.

Результаты и их обсуждение. Выборка: 323 проводника пассажирских вагонов УП «Витебское отделение Белорусской железной дороги» (обработке подлежат 198 материалов), 36 специалистов (из них 31 женщина, 5 мужчин, средний возраст – 34 года) с опытом работы на железной дороге от 5 до 7 лет.

В результате расчета критерия Манна–Уитни значимых различий в показателях у женщин и мужчин выявлено не было, в связи с этим группа проводников может рассматриваться как однородная.

Сравнение данных, представленных в таблице 1, позволяет нам говорить о том, что исследуемая выборка является репрезентативной, что дает основания для обобщения полученных на ней данных на генеральную совокупность. Ранжирование средних значений симптомов профессионального выгорания позволило установить, что на первом месте выраженности находится симптом «Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» (16,5), на втором – симптом «Редукция профессиональных обязанностей» (13,86), третье место занимает симптом «Эмоционально-нравственная дезориентация» (13,42) и четвертое – «Эмоциональная отстраненность» (13,08). Как мы видим, эти симптомы направлены на социальное окружение и непосредственно отражаются на выполнении проводниками пассажирских вагонов профессиональных обязанностей, связанных с контактами с людьми.

Анализ данных, представленных в таблице 2, позволяет заключить, что у 58% проводников со стажем работы 5–7 лет сложился симптом «Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование», у 40% испытуемых сложились симптомы «Редукция профессиональных обязанностей» и «Эмоционально-нравственная дезориентация»,

Таблица 1 – **Выраженность симптомов профессионального выгорания у проводников пассажирских вагонов**

Симптомы профессионального выгорания	Среднее значение	Стандартное отклонение
Переживание психотравмирующих обстоятельств	11,89	8,338
Неудовлетворенность собой	9,56	7,404
«Загнанность в клетку»	9,94	8,938
Тревога и депрессия	8,78	6,821
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	16,50	7,366
Эмоционально-нравственная дезориентация	13,42	6,742
Расширение сферы экономии эмоций	11,44	8,537
Редукция профессиональных обязанностей	13,86	7,878
Эмоциональный дефицит	10,22	7,654
Эмоциональная отстраненность	13,08	7,089
Личностная отстраненность (деперсонализация)	11,19	8,727
Психосоматические и психовегетативные нарушения	10,47	7,439

Таблица 2 – **Степень сформированности симптомов профессионального выгорания у проводников**

Симптомы профессионального выгорания	Не сложившийся симптом в % (чел.)	Складывающийся симптом в % (чел.)	Сложившийся симптом в % (чел.)
Переживание психотравмирующих обстоятельств	42% (15)	22% (8)	36% (13)
Неудовлетворенность собой	52% (19)	33% (12)	15% (5)
«Загнанность в клетку»	64% (23)	8% (3)	28% (10)
Тревога и депрессия	56% (20)	33% (12)	11% (4)
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	17% (6)	25% (9)	58% (21)
Эмоционально-нравственная дезориентация	30% (11)	30% (11)	40% (14)
Расширение сферы экономии эмоций	47% (17)	20% (7)	33% (12)
Редукция профессиональных обязанностей	30% (11)	30% (11)	40% (14)
Эмоциональный дефицит	47% (17)	28% (10)	25% (9)
Эмоциональная отстраненность	33% (12)	30% (11)	37% (13)
Личностная отстраненность (деперсонализация)	47% (17)	20% (7)	33% (12)
Психосоматические и психовегетативные нарушения	52% (19)	20% (7)	28% (10)

Таблица 3 – **Характеристика фаз стресса у проводников со стажем работы 5–7 лет**

Фаза стресса	Среднее значение	Стандартное отклонение	Фаза не сложилась в % (чел.)	Фаза в стадии формирования в % (чел.)	Сформировавшаяся фаза в % (чел.)
Напряжение	40,17	22,184	50% (18)	30% (11)	20% (7)
Резистенция	55,22	19,466	25% (9)	33% (12)	42% (15)
Истощение	44,97	24,147	36% (13)	47% (17)	17% (6)

37% респондентов имеют сложившийся симптом «Эмоциональная отстраненность».

Основными проявлениями данных симптомов профессионального выгорания у проводников выступают нарочито вежливое обращение с пассажирами и соблюдение рамок делового общения, либо безразличие по отношению к одним пассажирам и внимание и стремление удовлетворить потребности другого пассажира, определяющиеся, прежде всего, желанием проводника; нарушение безоценочного отношения к пассажирам и оправдание своего неподобающего поведения; отсутствие внимания к пассажирам, безразличие к их просьбам и потребностям; полное исключение эмоций из своей профессиональной деятельности, автоматическое выполнение работы.

У проводников со стажем работы 5–7 лет наиболее выражена фаза резистенция ($\bar{x} = 55,22$), она сформировалась у 42% проводников, находится в стадии формирования у 33% респондентов, не сложилась – у 25%. На фазе резистенции человек активно сопротивляется стрессу, старается меньше внимания уделять внешним обстоятельствам, обрести психологический комфорт и спокойствие. Следующей по мере выраженности является фаза истощения ($\bar{x} = 44,97$), в ходе которой человек становится вялым, пассивным, без жизненного тонуса, выгорание проявляется ярко на уровне личностных реакций и изменений, не сложилась она у 36% проводников. На последнем месте фаза напряжения ($\bar{x} = 40,17$). Это свидетельствует о том, что проводники находятся в разных фазах стресса, которые в большей или меньшей степени сформировались или находятся на стадии формирования. Выраженность фаз резистенции и истощения может быть связана с тем, что фазу напряжения данная группа проводников успешно прошла в предшествующий период.

Исходя из результатов исследования, можно заключить, что большинство проводников со стажем работы 5–7 лет имеет выраженную симптоматику профессионального стресса в области проявления эмоций, а также сформированные фазы стресса. В связи с этим важным видится проведение систематической работы по профилактике профессионального выгорания у проводников пассажирских вагонов. Разработанная нами программа направлена на профилактическую работу с профессиональным выгоранием и стрессом: формирование знаний о синдроме профессионального выгорания, его причинах, механизмах профилактики, распознавания характерных признаков и способах совладания у сотрудников

сферы транспортных услуг. Программой предусмотрены ежеквартальные встречи с поездными бригадами проводников. Соответственно, программа на год включает четыре блока занятий по следующим темам:

1. Профессиональное выгорание: понятие, причины, уровни.
2. Начальные симптомы, характерные признаки и проявления синдрома профессионального выгорания.
3. Стресс как фактор профессионального выгорания.
4. Экология профессиональной деятельности как способ профилактики профессионального выгорания.

Занятия проводятся в формате интерактивных лекций, сопровождаемых презентациями и демонстрацией учебных видеофильмов, с отдельными диагностическими и практическими элементами.

Структура каждой лекции представлена:

- введением (приветствие, мотивационный компонент, актуализация темы лекции);
- основной частью (теоретический блок, дискуссия, беседа, демонстрация слайдов или учебных фильмов, диагностический блок, разбор рабочих ситуаций);
- заключением (итоговая рефлексия, подведение итогов).

Полученные данные (в том числе и в ходе неформализованной беседы с проводниками пассажирских вагонов) позволяют говорить об актуальности проводимой работы и необходимости расширения сферы применения психологических знаний в сфере транспортных услуг [1–3].

Заключение. Безусловно, тема диагностики и профилактики профессионального стресса у специалистов сферы транспортных услуг актуальна. На железной дороге наличие конфликтов, с одной стороны, способствует улучшению качества обслуживания в пассажирских вагонах, однако, с другой стороны, создает напряженные условия и стрессовые ситуации в работе проводников. В связи с этим важна организация психологического сопровождения профессиональной деятельности проводников пассажирских вагонов.

Литература

1. Бойко, В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В.В. Бойко. – М.: Информ.-изд. дом «Филин», 1996. – 472 с.
2. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченко. – СПб.: Питер, 2008. – 258 с.
3. Орел, В.Е. Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / В.Е. Орел. – Ярославль, 2005.

Поступила в редакцию 16.10.2018 г.

Взаимосвязь стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность в романтических и супружеских отношениях

Фурманов И.А.

Белорусский государственный университет

Теория привязанности предполагает, что внутренние рабочие модели Я и Других связаны с четырьмя стилями привязанности: надежным, отвергающим, озабоченным и опасливым. Стили привязанности могут влиять на склонность испытать ревность.

Цель статьи – выявить различия во взаимосвязях стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность.

Материал и методы. Материалом послужили результаты корреляционного анализа стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность. В работе использован следующий комплекс психодиагностических методик: методика «Шкала взрослой привязанности» и методика «Коммуникативные реакции на ревность».

Результаты и их обсуждение. В статье отмечается, что независимо от статуса в близких отношениях индивидов с надежным стилем привязанности в ситуации, вызывающей ревность, отличается склонность к интегративной коммуникации и избегание контактов с соперником, индивидов с отвергающим стилем привязанности – негативная аффективная экспрессия, предпочтение компенсационных действий, отказ от контактов с соперником и насильственных форм взаимодействия с партнерами, индивидов с озабоченным стилем привязанности – стратегии негативной аффективной экспрессии и избегания/отрицания, индивидов с опасливым стилем привязанности – неприятие насильственных форм коммуникации и использование угроз.

Заключение. Индивиды, находящиеся в романтических отношениях, с озабоченным и отвергающим стилями привязанности и индивиды, находящиеся в супружеских отношениях, с отвергающим стилем привязанности наиболее интенсивно и разнообразно реагируют на ситуацию провокации ревности. Партнеры, находящиеся в романтических и супружеских отношениях и принадлежащие к различным типам привязанности, отличаются определенными ревнивыми реакциями.

Ключевые слова: надежный, озабоченный, отвергающий, опасливый стили привязанности, коммуникационные реакции на ревность, романтические и супружеские отношения.

Relations of Attachment Styles and Communicative Reactions to Jealousy in Romantic and Marital Relations

Fourmanov I.A.

Belarusian State University

The attachment theory assumes that internal working models of Self and Others are connected with four styles of attachment: secure, preoccupied, dismissing and fearful. Attachment styles can influence the tendency to test jealousy.

The purpose is to detect differences in the relations of attachment styles and communicative reactions to jealousy.

Material and methods. As a material results of the correlation analysis of styles of attachment and communicative reactions to jealousy served. The following complex of psychodiagnostic methods is used in the paper: Scale of Adult Attachment and Communicative Reactions to Jealousy.

Findings and their discussion. In the article it is pointed out that irrespective of the status in close relations of individuals with secure attachment style in a situation causing jealousy, the tendency to integrative communications and avoiding rival contacts is distinguished; individuals with dismissing attachment style exhibit a negative affective expression, preference of compensatory restoration, refusal of rival contacts and violent forms of interaction with partners; individuals with the preoccupied attachment style – strategy of a negative affective expression and avoidance/denial, individuals with fearful attachment style – rejection of violent forms of communications and use of threats.

Conclusion. The romantic individuals with preoccupied and dismissing attachment styles and marital individuals with dismissing attachment style most intensively and variously react to the situation of jealousy provocation. The partners which are both in romantic and marital relations with various attachments types are distinguished by certain jealous reactions.

Key words: secure, preoccupied, dismissing and fearful attachment styles, communicative reactions to jealousy, romantic and marital relations.

Теория привязанности постулирует, что взаимодействия детей с их попечителями (родителями, воспитателями) формируют ментальные (внутренние рабочие) модели себя и других. Эти модели представляют собой когнитивные схемы, которые основываются на внутренних репрезентациях о том, как привязанность в отношениях должна функционировать. Их активация происходит, когда возникает угроза привязанности в отношениях. Ментальные модели также определяют поведение взрослых, особенно когда они переживают стресс или негативный аффект [1]. С. Hazan и Р. Shaver [2] утверждали, что взрослые обладают теми же самыми типами привязанности, как и дети.

Помимо этого, теория привязанности предполагает, что внутренние рабочие модели могут повлиять на склонность испытать ревность. Ревность возникает в случае угрозы или фактической потери ценных, значимых отношений с другим человеком, из-за существования реального или воображаемого конкурента [3; 4].

Романтические отношения – это диадные отношения, предполагающие взаимодействие партнеров с целью продолжать отношения до тех пор, пока один или другой партнер не прервет отношения или пока не будут установлены другие формы отношений (сожительство, помолвка, брак) [5]. Данный вид отношений включает различные компоненты: выраженную взаимную направленность партнеров друг на друга; наличие реальных непосредственных или опосредованных контактов; выраженную эмоциональную вовлеченность, определяющую специфику отношений; интимность [6]. Таким образом, романтические отношения – это непрерывный процесс взаимодействия между двумя партнерами, которые признают определенную связь друг с другом. Романтические отношения характеризуются добровольностью, то есть возникают на основании личного выбора субъекта и могут быть завершены по усмотрению одного или обоих партнеров. Еще одной важной характеристикой является *аттракция*, привлекательность партнера, которая зачастую может приобретать форму страсти и мотивировать к сексуальной близости.

Супружеские (брачные) отношения – социально или ритуально признанные легальные отношения между супругами, которые регламентированы определенными правами, определяющими взаимодействие между ними, между ними и их детьми и ближайшими родственниками. Основная отличительная особенность супружеских отношений от романтических – то, что эти отношения являются зарегистрированными, т.е. оформленны-

ми в соответствующих органах государственной власти. Помимо этого в супружеских отношениях могут отсутствовать некоторые компоненты, характерные для романтических отношений.

Исследования показывают, что существуют различия в проявлениях ревности в романтических и супружеских отношениях. В частности, было установлено, что ревность более распространена в романтических отношениях, нежели в брачных [7; 8]. В брачных отношениях партнеры, вероятнее всего, чувствуют себя более спокойными и уверенными и поэтому меньше волнуются о конкурентах. При романтических отношениях, напротив, более вероятно, что партнеры пребывают в неизвестности по поводу намерений и действий друг друга, а также будущности их отношений [9]. С. Kennedy-Lightsey и М. Booth-Butterfield [10] обнаружили различия в мотивах ревности в романтических и супружеских отношениях и установили, что ситуация романтических отношений чаще вызывает ревность и чувство беспокойства, чем ситуация брачных отношений.

Теоретически и эмпирически обоснованное осмысление связи между ментальными моделями и типами привязанности было предложено К. Bartholomew [11; 12], который выделил четыре отличных друг от друга типа привязанности. Каждый из них позиционируется различной комбинацией моделей Я и Других. *Надежный (secure) стиль привязанности* характеризуется позитивными моделями себя и других, уверенностью в себе и интересом к установлению и поддержанию отношений. *Озабоченный (preoccupied) тип привязанности* (схожий с тревожно-амбивалентным) отличается негативной моделью Я, но позитивной моделью Других. Следовательно, индивиды с этим типом привязанности имеют сильные потребности во внешнем подтверждении, хотят чрезвычайно близких отношений и часто озабочены этими отношениями. *Отвергающий (dismissing) тип привязанности* предполагает позитивную модель себя, но негативную модель других. Поэтому отвергающие не интересуются развивающимися привязанностями к другим. Вместо этого отвергающие часто сосредотачиваются на работе или хобби и развивают модель себя как абсолютно самостоятельную [11; 13; 14]. *Опасливый (fearful) тип привязанности* характеризуется негативными моделями как себя, так и других. У этих индивидов есть несовместимые потребности. С одной стороны, они ищут внешнее подтверждение (признание) и желают близости в отношениях, но с другой – они не доверяют другим и боятся отвержения. Многим из них причинили боль в прошлых отношениях и они не хотят поставить себя под угрозу снова.

N.L. Collins и S.J. Read [15] утверждали, что стиль коммуникации индивида создает социальную среду, которая навсегда сохраняет ожидаемые последствия и укрепляет ментальные модели. В случае переживания ревности индивиды могут совершать действия, которые укрепляют их высокие или низкие уровни самоуважения, а также их позитивные или негативные установки к налаживанию отношений близости.

Было установлено, что некоторые отношения характеризуются большим количеством ревности, чем другие. В свое время G.L. White и P.E. Mullen [16] предположили, что теория привязанности может помочь объяснить, почему некоторые отношения досаждают большей интенсивностью ревности, чем другие. Определенно, ментальные модели, которые лежат в основе типов привязанности, вероятно, регулируют и то, как переживается ревность. В частности, исследования последовательно демонстрируют, что люди с тревожным стилем привязанности испытывают больше ревности, чем люди с надежными стилями [17–19]. Кроме того, С. Radecki-Bush с коллегами [20] выявил, что люди, которые обладали тревожными стилями привязанности, оценивали угрозы отношениям как более серьезные, чем люди с надежными стилями привязанности. В свою очередь, более высокие оценки угрозы коррелировали с более негативными эмоциональными реакциями.

Ревность редко переживается исключительно внутрилично. Чаще всего ревность также выражается посредством действий и межличностного общения. Было выявлено, что межличностное общение изменяется в зависимости от названных выше четырех типов привязанности. В исследованиях заботливого поведения L.J. Kuncie и P.R. Shaver [21] установили, что надежные и озабоченные индивиды обеспечивали своих партнеров наибольшим физическим комфортом. Надежные также были максимально самыми чувствительными к потребностям их партнеров. Озабоченные и опасующиеся сообщили о чрезмерно навязчивых паттернах заботы.

Точно так же, как типы привязанности обладают различиями в эмоциональном выражении и межличностном общении [13; 18; 22], обнаруживаются отличия и в том, как индивиды с разными стилями привязанности выражают ревность.

В настоящий момент существует только одно исследование, посвященное изучению связи категории стиля привязанности и показателей выражения ревности. По мнению L.K. Guerrero и коллег [23], выражение ревности включает действия как спонтанного выражения эмоции ревности, так и стратегической коммуникации, которая направ-

лена на других. Был определен ряд типов коммуникационных реакций на ревность, которые являются релевантными выражению ревности. В результате проведенного исследования было установлено, что индивиды с различными типами привязанности разнятся по использованию этих коммуникационных реакций на ревность, а ментальные модели, которые лежат в основе типов привязанности, регулируют выражение эмоции и отражают тенденции к приближению или уходу от других [22].

Точно также единственным в своем роде является исследование И.А. Фурманова [24], доказывающее существенные различия в стратегиях совладания с ревностью партнеров, находящихся в романтических и супружеских отношениях.

Вместе с тем указанные исследования обладают существенным ограничением – они не учитывают отличий в реакциях на ситуацию ревности партнеров с различным статусом в близких межличностных отношениях в зависимости от стилей привязанности.

Все вышеизложенное дает основания предполагать, что вариативность реакций на ревность романтических партнеров и супругов предоставит прекрасную возможность исследовать различия в стилях привязанности, поскольку ревность является одним из самых сильных переживаний людей, испытываемых в близких межличностных отношениях. Кроме того, есть веские причины ожидать, что существуют значительные различия в связях стилей привязанности и способов выражения ревности партнеров по близким межличностным отношениям.

Цель работы – выявить различия во взаимосвязях стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность.

Материал и методы. Для определения стилей привязанности и способов выражения ревности в близких межличностных отношениях использовались следующие методики:

Методика «Шкала взрослой привязанности» («AAS» – Adult Attachment Scale) [15], адаптированная И.А. Фурмановым [24]. Опросник состоит из 18 утверждений, каждое из которых оценивается по 5-балльной шкале Лайкерта. Устанавливает выраженность трех типов привязанности: близость, зависимость, тревога. Использование четвертого измерения – избегания, согласно рекомендации авторов методики [25], позволило соотнести полученные стили с категориями стилей привязанности в модели K. Bartolomew и L. Horovitz [13]: надежным (близость), опасливым (зависимость), озабоченным (тревога), отвергающим (избегание).

Методика «Коммуникативные реакции на ревность» («CRJ» – Communicative Responses

to Jealousy), разработанная L.K. Guerrero и коллегами и адаптированная и валидизированная И.А. Фурмановым и А.О. Вергейчик [26]. Данный опросник состоит из 52 суждений, каждое из которых оценивается по 7-бальной шкале Лайкерта. Выявляет 10 типов интерактивных реакций на ревность: активное дистанцирование, негативная аффективная экспрессия, интегративная коммуникация, дистрибутивная коммуникация, избегание/отрицание, насильственная коммуникация/угрозы, контроль/ограничение, компенсация/замещение, манипуляция, контакт с соперником.

В исследовании приняло участие 507 человек (состоящих в романтических отношениях, $N = 319$; состоящих в супружеских отношениях, $N = 188$). Средний возраст 28,5 лет. Рассчитывался коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты и их обсуждение. Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязи стилей привязанности (СП) и коммуникационных реакций на ревность у индивидов, находящихся в романтических отношениях (рисунок 1):

- *надежный стиль привязанности* – с интегративной коммуникацией ($r = 0,21$; $p \leq 0,001$); дистрибутивной коммуникацией ($r = -0,19$; $p = 0,001$); насильственной коммуникацией, угрозами ($r = -0,12$; $p = 0,027$) и контактом с соперником ($r = -0,12$; $p = 0,037$);

- *опасливый стиль привязанности* – с активным дистанцированием ($r = -0,11$; $p = 0,047$) и насильственной коммуникацией, угрозами ($r = -0,26$; $p \leq 0,001$);

- *озабоченный стиль привязанности* – с негативной аффективной экспрессией ($r = 0,13$; $p = 0,026$); дистрибутивной коммуникацией ($r = 0,12$; $p = 0,038$); избеганием/отрицанием ($r = 0,15$; $p = 0,008$); контролем/ограничениями ($r = 0,15$; $p = 0,007$) и компенсацией/замещением ($r = 0,23$; $p \leq 0,001$);

- *отвергающий стиль привязанности* – с негативной аффективной экспрессией ($r = 0,12$; $p = 0,038$); интегративной коммуникацией ($r = 0,20$; $p \leq 0,001$); насильственной коммуникацией, угрозами ($r = -0,21$; $p \leq 0,001$); компенсацией/замещением ($r = 0,23$; $p \leq 0,001$) и контактом с соперником ($r = -0,27$; $p \leq 0,001$).

Анализ количества положительных корреляционных связей показал, что индивиды, находящиеся в романтических отношениях, с озабоченным и отвергающим стилями привязанности наиболее интенсивно и разнообразно реагируют на ситуацию провокации ревности. В наименьшей степени склонны откликаться на ситуацию провокации ревности опасливые и надежные индивиды.

Вместе с тем следует отметить, что партнеры, находящиеся в романтических отношениях и принадлежащие к различным типам привязанно-

сти, отличаются определенными ревнивыми реакциями.

Надежные индивиды (позитивные модели Я и Других) отдают предпочтение прямой, просоциальной коммуникации с партнером, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером.

Отвергающие индивиды (позитивная модель Я и негативная модель Других) отличаются амбивалентностью ревнивых реакций. С одной стороны, открыто выражают негативные эмоции, с другой – используют прямую, просоциальную коммуникацию с партнером, прилагают усилия к решению проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером, а также прилагают усилия угодить партнеру, сделать ему что-то приятное; доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для него.

Озабоченные индивиды (негативная модель Я и позитивная модель Других) обладают достаточно противоречивым арсеналом коммуникационных стратегий межличностного взаимодействия в ситуациях, вызывающих ревность [27]. С одной стороны, они используют такие достаточно агрессивные стратегии, как открытое выражение негативных эмоций, попытки решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие, используя прямую, асоциальную коммуникацию с партнером, действия с целью контроля поведения партнеров и ограничение их доступа к конкурентам, с другой – либо прилагают усилия угодить партнеру, сделать ему что-то приятное; доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для него, либо используют не прямые действия с тем, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью.

Опасаящиеся индивиды (негативная модель Я и негативная модель Других) не имеют сколь угодно отчетливо выраженных реакций на ситуацию ревности.

Корреляционный анализ также позволил выявить взаимосвязи стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность у индивидов, находящихся в супружеских отношениях (рисунок 2):

- *надежный стиль привязанности* – с интегративной коммуникацией ($r = 0,26$; $p \leq 0,001$); компенсацией/замещением ($r = 0,25$; $p \leq 0,001$) и контактом с соперником ($r = -0,35$; $p \leq 0,001$);

- *опасливый стиль привязанности* – с интегративной коммуникацией ($r = 0,19$; $p = 0,009$); насильственной коммуникацией, угрозами ($r = -0,29$; $p \leq 0,001$); компенсацией/замещением ($r = 0,17$; $p = 0,022$) и контактом с соперником ($r = -0,16$; $p = 0,026$);

- *озабоченный стиль привязанности* – с негативной аффективной экспрессией ($r = 0,28$;

$p \leq 0,001$) и избеганием/отрицанием ($r = 0,18$; $p = 0,014$);

– *отвергающий стиль привязанности* – активным дистанцированием ($r = 0,20$; $p = 0,007$); негативной аффективной экспрессией ($r = 0,16$; $p = 0,027$); избеганием/отрицанием ($r = 0,19$; $p = 0,009$); насильственной коммуникацией, угрозами ($r = -0,22$; $p = 0,003$); компенсацией/замещением ($r = 0,17$; $p = 0,023$) и контактом с соперником ($r = -0,28$; $p \leq 0,001$).

Детальный анализ показывает, что индивиды, находящиеся в супружеских отношениях, с отвергающим стилем привязанности наиболее интенсивно и разнообразно реагируют на ситуацию провокации ревности.

Однако можно обратить внимание, что индивиды, находящиеся в супружеских отношениях и принадлежащие к различным типам привязанности, отличаются определенными ревнивыми реакциями.

Надежные индивиды (позитивные модели Я и Других) отдают предпочтение прямой, просоциальной коммуникации с партнером, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером, а также прилагают усилия угодить партнеру, сделать ему что-то приятное; доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для нее/него.

Отвергающие индивиды (позитивная модель Я и негативная модель Других) отличаются амбивалентностью ревнивых реакций. С одной стороны, открыто выражают негативные эмоции, неприятие, игнорирование партнера, уменьшение привязанности к ней/нему, с другой – либо прилагают усилия угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для него; либо, напротив, используют не прямые действия, предназначенные для того, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью.

Озабоченные индивиды (негативная модель Я и позитивная модель Других) отличаются амбивалентностью ревнивых реакций. Они с одинаковым успехом применяют как открытое выражение негативных эмоций, так и не прямые действия, предназначенные для того, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью.

Опасаящиеся индивиды (негативная модель Я и негативная модель Других) отдают предпочтение прямой, просоциальной коммуникации с партнером, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером, а также прилагают усилия для того, чтобы угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь, стать

более привлекательным и притягательным для нее/него.

Обобщив полученные данные, можно выявить сходства и различия во взаимосвязях стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность у партнеров по романтическим и супружеским отношениям.

Вне зависимости от статуса в гендерных отношениях индивидов с *надежным стилем привязанности* в ситуации, вызывающей ревность, отличается склонность к интегративной коммуникации и избегание контактов с соперником. Вместе с тем партнеры по супружеским отношениям в сравнении с романтическими партнерами склонны к компенсационным действиям и неприятию таких стратегий, как дистрибутивная и насильственная коммуникация.

Надежный стиль привязанности характеризуется чувством комфорта и в близких, и в автономных отношениях, высоким показателем самооценности и самоуважения, способностями установления близких и удовлетворяющих личных отношений, ожиданием, что другие люди обладают отзывчивостью и добротой. Исходя из этого, их коммуникация должна опираться на позитивное представление о других и, следовательно, привести к дружественному, аффилиативному стилю социального взаимодействия. Кроме того, поскольку они, вероятно, будут более гибкими и приспособленными к различным ситуациям и партнерам по отношениям [13], то просоциальная коммуникация с партнером и активные попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером/супругом представляются вполне закономерными. В других исследованиях также отмечается, что стратегия сотрудничества, которая предполагает сильное беспокойство по поводу себя и других в конфликтных ситуациях, значимо связана с надежным стилем привязанности [28].

Кроме того, имея позитивные модели Я и Других, надежные индивиды, вероятно, в ситуации ревности больше концентрируются на себе и партнере, а не на конкуренте, тем самым пытаясь разрушить реальный или воображаемый «любовый треугольник».

Партнеры с *отвергающим стилем привязанности* как в романтических, так и супружеских отношениях в ситуации ревности отличаются негативно-экспрессивным реагированием, предпочтением компенсационных действий, отказом от контактов с соперником и насильственных форм взаимодействия с партнерами. При этом романтические партнеры выделяются интегративной коммуникацией, в то время как супруги используют стратегии активного дистанцирования или избегания.

Отвергающий стиль привязанности также характеризуется довольно высоким чувством самоценности, уверенности человека в себе, убежденностью, что он достоин любви. Однако этот стиль также характеризуется недоверием и негативным отношением к другим людям. Как отметили K. Bartholomew и L.M. Horowitz [13], отвергающие защищают себя от разочарования, избегая близких отношений и поддерживая чувство независимости и неуязвимости.

В некоторых исследованиях отмечается, что из четырех типов стиля привязанности отвергающие чаще всего рассматривают отношения как вторичные [18; 29]. Корреляции показали, что ревнивые индивиды, которые воспринимают отношения как вторичные, склонны испытывать низкие уровни страха и печали, а также редко выражать негативный аффект. Помимо этого, те, кто рассматривает отношения как вторичные, также вряд ли ответят на ревность реакциями интегра-

тивной коммуникации или компенсационного восстановления. Эти индивиды, возможно, не считают, что это стоит их времени и усилий, направленных на поддержание отношений [18].

С результатами данных исследований можно согласиться лишь отчасти. Во-первых, низкие уровни страха и печали могут как раз быть результатом выражения отвергающими партнерами негативного аффекта, чем достигается эмоциональное уравнивание. Во-вторых, поскольку ревность возникает в случае угрозы или фактической потери ценных, значимых отношений с другим человеком, из-за существования реального или воображаемого конкурента, то это может расцениваться отвергающими как угроза их самоценности и самооценке. Поэтому хотя отвергающие являются противниками зависимых отношений, они испытывают потребность в принятии другими и поддержании позитивного самоуважения и защиты себя от негативных переживаний

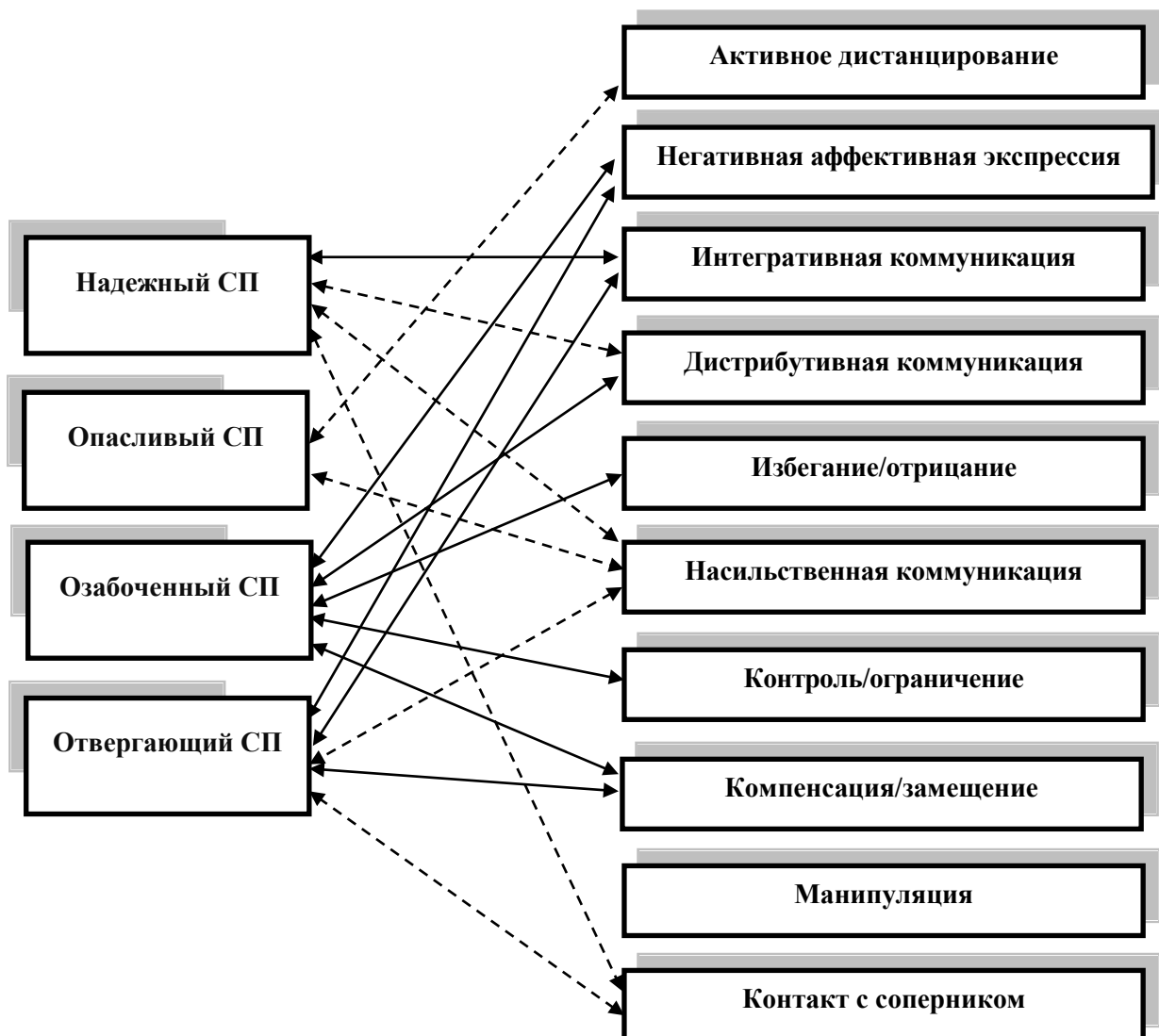

Рисунок 1 – Взаимосвязь стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность у индивидов, находящихся в романтических отношениях

в ситуации, вызывающей ревность, предпринимают попытки угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для нее/него.

Использование интегративной коммуникации в романтических отношениях может быть объяснено с точки зрения теории редукции неопределенности [30; 31]. Согласно данной теории многообразные ситуации, связанные с ревностью, могут быть сопряжены с различной степенью неопределенности о себе, партнере и/или отношениях, создавая сомнение и тем самым стимулируя определенные коммуникационные реакции. Иными словами, в ситуациях с высокой неопределенностью партнеры пытаются ее снизить, вступая в коммуникацию.

В связи с тем, что существуют различия в степени неопределенности, связанной с типом отношений, было сделано предположение, что находящиеся в браке, серьезно встречающиеся и встречающиеся время от времени партнеры будут

по-разному испытывать и выражать ревность. Во время начальных стадий отношений степень неопределенности в целом выше, чем тогда, когда отношения основываются на взаимной преданности и долженствовании как, например, в браке [31].

Супружеские отношения из-за их брачного статуса имеют большую определенность по поводу своих собственных желаний оставаться включенными в эти отношения (самоопределенность), желаний их партнера продолжать отношения (определенность партнера) и/или норм отношений вообще (определенность отношений). В связи с этим отвергающие индивиды, находящиеся в супружеских отношениях, имея негативную модель других, с большей вероятностью будут участвовать в действиях типа «избегания», которые предназначены, чтобы защитить себя от интенсивных чувств и/или поддержать соответствующее психологическое расстояние между собой и партнером по отношениям [18]. Поэтому использование таких стратегий, как активное дистанци-

Рисунок 2 – Взаимосвязь стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность у индивидов, находящихся в супружеских отношениях

рование (выражение неприятия, игнорирование партнера, уменьшение привязанности к нему) и избегание/отрицание (непрямые действия, предпринимаемые для того, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью), являются вполне допустимыми.

Независимо от статуса в гендерных отношениях индивиды с *озабоченным стилем привязанности* используют стратегии негативной аффективной экспрессии и избегания/отрицания. Вместе с тем романтических партнеров отличает обращение к дистрибутивной коммуникации, контролю/ограничениям и компенсационному поведению.

Озабоченные индивиды, обладая позитивной моделью Других, будут очень аффилиативными, но менее гибкими, чем надежные. K. Bartholomew [11] утверждал, что озабоченные обладают низким уровнем самоуважения и чрезмерно зависят от их партнеров по отношениям. Эта зависимость обусловлена сильной потребностью в получении одобрения других и укреплении самооценки. При отсутствии близких отношений озабоченные чувствуют себя потерянными, нелюбимыми и неспособными справиться с такой ситуацией. Скорее всего они будут предпринимать усилия, чтобы удовлетворить потребность в зависимости, будут цепляться за отношения и сопротивляться любым попыткам партнера деэскалации или прекращения их близких отношений. Эти сильные потребности в аффилиации и внешней валидации, вероятно, и будут мотивировать их к интенсивному выражению негативных эмоций или, наоборот, к действиям, предпринимаемым для того, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью.

Как отмечают исследования [18], уникальная комбинация позитивной модели Других и негативной модели Я может привести к печали, выражению негативного аффекта, контролирующего поведения и, возможно, зависти. Озабоченные сообщают о большей интенсивности печали, отличаются более сильным выражением негативного аффекта и более частым участием в слежке, чем это делали представители других типов привязанности. Кроме того, озабоченность была положительно связана с компенсационным восстановлением, негативным выражением аффекта и слежкой [2]. Таким образом, негативные модели Я могут вынудить озабоченных испытывать относительно высокие уровни когнитивной ревности, страха, печали и зависти и выражать эти переживания невербально. Ощущение опасности может также побудить их участвовать в контролирующем поведении, особенно потому, что они, вероятно, будут чувствовать высокие уровни беспокойства и неопределенности отношений.

Озабоченные могут чаще использовать компенсационное восстановление из-за их сильной потребности поддерживать отношения. Утверждается, что ревнивые индивиды, которые более заинтересованы в поддержании их отношений, чем в поддержании их самоуважения, вероятно, будут «цепляться» за свои отношения [18] (Guerrero, 1998).

Поскольку отношения романтических партнеров как раз и отличаются высокими уровнями беспокойства и неопределенности отношений, индивиды с озабоченным стилем привязанности, вероятно, используют действия типа «сближения», которые концентрируются на сохранении отношений. Именно поэтому они будут демонстрировать компенсаторное поведение, т.е. предпринимать попытки угодить партнеру, сделать ему что-то приятное; доказать свою любовь партнеру, стать более привлекательным и притягательным для нее/него.

Вместе с тем исследования показывают [18], что озабоченные индивиды переживают больше когнитивной ревности. Возможно, негативные модели Я принуждают озабоченных делать больше социальных сравнений и судить о себе как менее желанных, чем потенциальные конкуренты. В связи с этим они могут рассмотреть своих партнеров как обладающих более привлекательными альтернативами, и это может заставить их волноваться о потере партнеров в пользу потенциальных конкурентов. Поэтому они могут использовать прямую, асоциальную коммуникацию с партнером и направить свои усилия на удержание партнера, решая проблемы ревности через конфликтное взаимодействие с партнером.

Когнитивные подозрения и беспокойство могут усиливать проблему ревности, снижая уровень доверительности озабоченных романтических партнеров и тем самым укреплять их негативные модели Я. Для того, чтобы избавиться от страха потери своих партнеров в пользу конкурентов, озабоченные могут предпринимать такие действия, как контроль поведения партнеров и ограничение их доступа к конкурентам.

Корреляционные связи показателей *опасного стиля привязанности* и коммуникационных реакций на ситуацию ревности у индивидов, находящихся в романтических и супружеских отношениях, существенно разнятся. Общими являются только неприятие насильственных форм коммуникации и использование угроз. Вместе с тем романтические партнеры отличаются негативным отношением к стратегии активного дистанцирования. В свою очередь для супружеских отношений характерны склонность к интегративной ком-

муникации и компенсационному восстановлению, а также избегание контактов с соперником.

Опасаящиеся индивиды находятся в самом сложном положении, поскольку должны бороться с несовместимыми чувствами и желаниями. С одной стороны, они ищут внешнюю валидизацию и близкие отношения, а с другой – не доверяют другим и испытывают страх отвержения [11]. Существование этих противостоящих тенденций обусловлено наличием негативных моделей Я и Других. Они рассматривают себя как недостойных любви, а других как неприемлемых. Как ни странно, но, отказываясь рискнуть и сделать себя уязвимым для других, они лишают себя возможности для установления доверительных, близких отношений, которые смягчили бы их страхи. Исходя из этого, в стилях коммуникации индивидов с опасливым типом привязанности должна отражаться тенденция любыми способами избегать социальных ситуаций, сопряженных с повышением тревоги и страхом отвержения в отношениях [22].

Опасаящиеся индивиды, имея негативные модели себя и других, склонны испытывать страх близости [11; 12; 18]. Однако в супружеских отношениях индивиды, которые боятся близости, могут пытаться не увеличивать физическую и психологическую дистанцию между собой и их партнерами, чтобы избежать страдания или отвержения, а, наоборот, сокращать ее с тем, чтобы сохранить брак. Именно поэтому они стремятся к просоциальной коммуникации с партнером, принимая попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером, угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь партнеру, стать более привлекательным и притягательным для нее/него.

Заключение. Индивиды, находящиеся в романтических отношениях, с озабоченным и отвергающим стилями привязанности и индивиды, находящиеся в супружеских отношениях, с отвергающим стилем привязанности наиболее интенсивно и разнообразно реагируют на ситуацию провокации ревности. Детальный анализ показывает, что они наиболее интенсивно и разнообразно реагируют на ситуацию провокации ревности. Вместе с тем партнеры, находящиеся в романтических и супружеских отношениях и принадлежащие к различным типам привязанности, отличаются определенными ревнивыми реакциями.

Вне зависимости от статуса в гендерных отношениях индивидов с надежным стилем привязанности в ситуации, вызывающей ревность, отличает склонность к интегративной коммуникации и избегание контактов с соперником. Вместе с тем партнеры по супружеским отношениям в сравнении с романтическими партнерами склон-

ны к компенсационным действиям и неприятию таких стратегий, как дистрибутивная и насильственная коммуникация.

Партнеры с *отвергающим стилем привязанности* как в романтических, так и супружеских отношениях в ситуации ревности отличаются негативно-экспрессивным реагированием, предпочтением компенсационных действий, отказом от контактов с соперником и насильственных форм взаимодействия с партнерами. При этом романтические партнеры выделяются интегративной коммуникацией, в то время как супруги используют стратегии активного дистанцирования или избегания.

Независимо от статуса в гендерных отношениях индивиды с *озабоченным стилем привязанности* используют стратегии негативной аффективной экспрессии и избегания/отрицания. Вместе с тем романтических партнеров отличает обращение к дистрибутивной коммуникации, контролю/ограничениям и компенсационному поведению.

Корреляционные связи показателей *опасливого стиля привязанности* и коммуникационных реакций на ситуацию ревности у индивидов, находящихся в романтических и супружеских отношениях, существенно разнятся. Общим является только неприятие насильственных форм коммуникации и использование угроз. Вместе с тем романтические партнеры отличаются негативным отношением к стратегии активного дистанцирования. В свою очередь для супружеских отношений характерны склонность к интегративной коммуникации и компенсационному восстановлению, а также и избегание контактов с соперником.

Литература

1. Simpson, J.A. Stress and secure base relationships in adulthood / J.A. Simpson, W.S. Rholes // *Advances in personal relationships: Vol. 5. Attachment processes in adulthood*. K. Bartholomew, D. Perlman (Eds.). – Bristol, PA: Kingsley. York: Basic Books, 1994. – P. 181–204.
2. Hazan, C. Conceptualizing romantic love as an attachment process / C. Hazan, P. Shaver // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1987. – Vol. 29. – P. 270–280.
3. Buunk, B.P. Jealousy as a function of rival characteristics and type of infidelity / B.P. Buunk, P. Dijkstra // *Personal Relationships*. – 2004. – Vol. 11(4). – P. 395–409.
4. Dijkstra, P. Jealousy as a function of rival characteristics: An evolutionary perspective / P. Dijkstra, B.P. Buunk // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1998. – Vol. 24. – P. 1158–1166.
5. Sousa, C. Teen Dating Violence. The Hidden Epidemic / C. Sousa // *Family and Conciliation Courts Review*. – 1999. – Vol. 37 (3). – P. 356–374.
6. Клецина, И.С. Психология гендерных отношений: Теория и практика / И.С. Клецина. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 286–290.
7. Guerrero, I.K. Hers or his? The experience and communication of jealousy in close relationships / I.K. Guerrero, S.V. Eloy, P.F. Jorgensen, P. Andersen // *Interpersonal communication: Evolving interpersonal relationships*. P. Kalbfleisch (Ed.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. – P. 109–132.

8. Aylor, B. Antecedents in romantic jealousy experience, expression, and goals / B. Aylor, M. Dainton // *Western Journal of Communication*. – 2001. – Vol. 65. – P. 370–391.
9. Knobloch, L.K. Information seeking beyond initial interactions: Negotiating relational uncertainty within close relationships / L.K. Knobloch, D.H. Solomon // *Human Communication Research*. – 2002. – Vol. 28. – P. 243–257.
10. Kennedy-Lightsey, C. Responses to jealousy situations that evoke uncertainty in married and dating relationships / C. Kennedy-Lightsey, M. Booth-Butterfield // *Communication Quarterly*. – 2011. – Vol. 59. – P. 255–275.
11. Bartholomew, K. Avoidance of intimacy: An attachment perspective / K. Bartholomew // *Journal of Social and Personal Relationship*. – 1990. – № 7. – P. 147–178.
12. Bartholomew, K. From childhood to adult relationships: Attachment theory and research / K. Bartholomew // *Learning about relationships*. S. Duck (Ed.). – Newbury Park, CA: Sage, 1993. – P. 30–62.
13. Bartholomew, K. Attachment styles among young adults: A test of a four-category model / K. Bartholomew, L. Horowitz // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1991. – № 61. – P. 226–244.
14. Feeney, J.A. Emotion in close relationships / J.A. Feeney, P. Noller, N. Roberts // *Handbook of communication and emotion: Research, theory, applications, and contexts* / P.A. Andersen, L.K. Guerrero (Eds.). – San Diego, CA: Academic Press, 1998. – P. 473–505.
15. Collins, N.L. Cognitive representations of attachment: The structure and function of working models / N.L. Collins, S.J. Read // *Advances in personal relationships* / K. Bartholomew, D. Perlman (Eds.). – Bristol, PA: Kingsley, 1994. – Vol. 5: Attachment processes in adulthood. – P. 53–90.
16. White, G.L. Jealousy: Theory, research, and clinical strategies / G.L. White, P.E. Mullen. – New York: Guilford Press, 1989. – 340 p.
17. Buunk, B.P. Personality, birth order and attachment styles as related to various types of jealousy / B.P. Buunk // *Personality and Individual Differences*. – 1997. – Vol. 23. – P. 997–1006.
18. Guerrero, L.K. Attachment-style differences in the experience and expression of romantic jealousy / L.K. Guerrero // *Personal Relationships*. – 1998. – Vol. 5. – P. 273–291.
19. Sharpsteen, D.J. Romantic jealousy and adult romantic attachment / D.J. Sharpsteen, L.A. Kirkpatrick // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1997. – Vol. 72. – P. 627–640.
20. Radecki-Bush, C. Predicting jealous responses: The influence of adult attachment and depression on threat appraisal / C. Radecki-Bush, A.D. Farrell, J.P. Bush // *Journal of Social and Personal Relationships*. – 1993. – Vol. 10. – P. 569–588.
21. Kuncie, L.J. An attachment-theoretical approach to caregiving in romantic relationships / L.J. Kuncie, P.R. Shaver // *Advances in personal relationships* / K. Bartholomew, D. Perlman (Eds.). – Bristol, PA: Kingsley, 1994. – Vol. 5: Attachment processes in adulthood. – P. 205–237.
22. Guerrero, L.K. Attachment-style differences in intimacy and involvement: A test of the four category model / L.K. Guerrero // *Communication Monographs*. – 1996. – Vol. 63 (4). – P. 269–292.
23. Guerrero, L.K. Coping with the green-eyed monster: Conceptualizing and measuring communicative responses to romantic jealousy / L.K. Guerrero, P.A. Andersen, P.F. Jorgensen, B.H. Spitzberg, S.V. Eloy // *Western Journal of Communication*. – 1995. – Vol. 59. – P. 270–304.
24. Фурманов, И.А. Половые, возрастные и ролевые различия в коммуникационных реакциях на ситуацию, вызывающую ревность / И.А. Фурманов // *Философия и социальные науки*. – 2015. – № 2. – С. 73–83.
25. Collins, N.L. Letter to Colleagues. August, 2008 [Electronic resource] / N.L. Collins. – Mode of access: [https://labs.psych.ucsb.edu/collins/nancy/UCSB_Close_Relationships_Lab/Resources_files/Adult Attachment Scale.doc](https://labs.psych.ucsb.edu/collins/nancy/UCSB_Close_Relationships_Lab/Resources_files/Adult%20Attachment%20Scale.doc). – Date of access: 05.03.2016.
26. Фурманов, И.А. Тактики поведения в ситуации переживания ревности: адаптация методики «Коммуникативные реакции на ревность» / И.А. Фурманов, А.О. Вергейчик // *Психологический журнал*. – 2012. – № 1–2(31–32). – С. 81–89.
27. Фурманов, И.А. Стратегии коммуникативного контроля в межличностном взаимодействии / И.А. Фурманов // *Белорусский психологический журнал*. – 2004. – № 1. – С. 14–20.
28. Karairmak, Ö. Gender Differences in Attachment Styles Regarding Conflict Handling Behaviors Among Turkish Late Adolescents / Ö. Karairmak, N.O. Duran // *International Journal for the Advancement of Counselling*. – 2008. – Vol. 30(4). – P. 220–234.
29. Feeney, J.A. Assessing adult attachment: Developments in the conceptualization of security and insecurity / J.A. Feeney, P. Noller, M. Hanrahan // *Attachment in adults: Theory, assessment, and treatment* / M.B. Sperling, W.H. Berman (Eds.). – New York: Guilford Press, 1994. – P. 128–152.
30. Berger, C.R. Uncertain outcome values in predicted relationships: Uncertainty reduction theory then and now / C.R. Berger // *Human Communication Research*. – 1986. – Vol. 13. – P. 34–38.
31. Фурманов, И.А. Коммуникативные реакции на ревность в период ранней взрослости / И.А. Фурманов // *Диалог*. – 2015. – № 7. – С. 38–48.

Поступила в редакцию 03.09.2018 г.

Особенности психологического обеспечения системы управления персоналом на железнодорожном транспорте: этапы внедрения

Ванченко Л.В.

*Государственное высшее учебное заведение «Университет менеджмента образования»
Национальной академии педагогических наук Украины*

Статья посвящена внедрению системы психологического обеспечения управления персоналом на железнодорожном транспорте.

Цель статьи – обосновать актуальность психологического обеспечения управления персоналом на железнодорожном транспорте, рассмотреть возможные этапы внедрения системы психологического обеспечения и предоставить практические результаты внедрения отдельных элементов данной системы.

Материал и методы. Материалом послужили исследования по вопросам психологического сопровождения управления персоналом и профессиональной деятельности. Для реализации цели были использованы эмпирические методы.

Результаты и их обсуждение. В статье рассмотрены этапы внедрения психологического обеспечения системы управления персоналом на железнодорожном транспорте, методы диагностики системы управления персоналом и результаты практического внедрения элементов психологического обеспечения управления персоналом на железнодорожном транспорте.

Заключение. Психологическое обеспечение системы управления персоналом даст возможность выявлять соответствие психологических качеств персонала выполняемой ими деятельности, а также своевременно предупреждать формирование и развитие профессиональных деформаций личности.

Ключевые слова: психологическое обеспечение, управление персоналом, железнодорожный транспорт, диагностика системы управления, психологическая безопасность персонала, антикоррупционная деятельность.

Features of Psychological Support of Personnel Management in Railway Transport: Stages of Implementation

Vanchenko L.V.

*State Higher Educational Establishment “University of Education Management”
of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine*

The article is devoted to the introduction of the psychological support system for personnel management in railway transport.

The purpose of the article is to substantiate the relevance of the psychological support of personnel management in railway transport, to consider possible stages in the implementation of the psychological support system and to provide practical results for the implementation of individual elements of this system.

Material and methods. The material was research on the psychological support of personnel management and professional activities. Empirical methods were used in the research

Findings and their discussion. In the article the stages of introduction of the psychological support of the personnel management system in railway transport, the methods for diagnosing the personnel management system and the results of the practical implementation of the elements of the psychological support of personnel management in railway transport.

Conclusion. Psychological support of the personnel management system will make it possible to identify the correspondence of the psychological qualities of the personnel's activities, and also to prevent the formation and development of professional deformations of the person in a timely manner.

Key words: psychological support, personnel management, railway transport, diagnostics of management system, staff psychological safety, anti-corruption activity.

Создание и развитие железных дорог и железнодорожного транспорта на территории современной Украины имеют более чем полутора-вековую историю. Железнодорожный транспорт Украины представляет собой сложную динамическую систему, территориально расположенную на значительном расстоянии. Система перерабатывает огромное количество информации и располагает множеством стационарных устройств, обслуживаемых многочисленным персоналом. Человек является ведущим звеном, на котором замыкается весь процесс функционирования данной системы «человек–руководитель» – основа организационной структуры, «человек–оператор» – основа обеспечения функционирования системы [1].

Вопросы психологического обеспечения профессиональной деятельности работников железнодорожного транспорта постоянно рассматриваются как специалистами железнодорожной отрасли, так и учеными, при этом на отечественном железнодорожном транспорте до сих пор отсутствует концепция развития психологического обеспечения системы управления персоналом.

Последние несколько лет проведения реформ на железнодорожном транспорте Украины сопровождаются постоянными изменениями в структуре, организации труда, организационной культуре. Такие изменения требуют формирования жизнеспособной системы управления персоналом, задача которой заключается в создании единой концепции управления персоналом на железнодорожном транспорте, в которой одним из приоритетных направлений мы бы выделили психологическую подготовку руководителей к деятельности в условиях перемен. Психологическое обеспечение системы управления персоналом даст возможность выявлять соответствие психологических качеств персонала выполняемой ими деятельности, а также своевременно предупреждать формирование и развитие профессиональных деформаций личности.

Цель статьи – обосновать актуальность психологического обеспечения управления персоналом на железнодорожном транспорте, рассмотреть возможные этапы внедрения системы психологического обеспечения и предоставить практические результаты внедрения отдельных элементов данной системы.

Материал и методы. Материалом послужили исследования в области изучения психологического сопровождения управления персоналом и профессиональной деятельности. Для реализации цели были использованы эмпирические методы.

Результаты и их обсуждение. Стремление найти эффективные способы решения социально-психологических проблем является актуальным

уже на протяжении многих лет. Еще в 1982 году А. Леонтьев в своем исследовании отметил, что данные проблемы остаются в науке наименее разработанными по определению [2]. В настоящее время в области социальной психологии и психологии управления плодотворно работают такие известные украинские ученые, как Е. Бондарчук, Е. Головаха, В. Казмиренко, Л. Карамушка, М. Корнев, М. Костицкий, А. Лактионов, С. Максименко, В. Москаленко, Е. Филь и другие, которые уделяют внимание проблематике влияния выполняемых личностью социальных ролей на его психологические особенности, содержания социально-психологической реальности, которая заключается в психическом отражении социальных явлений [3–8].

Проблемы специфики профессиональной деятельности персонала на железнодорожном транспорте изучали А. Ефремова [9], В. Компаниец [10], А. Перепелюк [11], В. Пушкин, Л. Нерсисян [1], В. Самсонкин [12], В. Сердюк [13], И. Филатова [14] и другие.

Психологические проблемы управления персоналом на железнодорожном транспорте изучали В. Зух [15], Е. Климов, О. Носкова [16], С. Максименко, Е. Филь, Л. Ванченко [7], В. Старовойт [17].

В основу системы психологического обеспечения управления персоналом на железнодорожном транспорте нами положена концепция психологического обеспечения системы управления персоналом предприятий Е. Филь [18], которая включает основные составляющие: разработку концепции управления персоналом (разработку стратегической и тактической политики управления персоналом, разработку профилей компетенций персонала, паспортов должностей); психологический аудит персонала (аудит организационной среды и кадровый аудит профессионального соответствия персонала); профессиональный отбор персонала (разработку политики и процедур отбора (алгоритм отбора, зона ответственности, заявка на персонал), разработку, экспертизу и стандартизацию системы методов профессионального отбора); адаптацию и мотивацию; аттестацию и оценку персонала, формирование корпоративной культуры организации, управление карьерой персонала; увольнение персонала, обучение и развитие персонала.

Субъектом психологического обеспечения системы управления персоналом на железнодорожном транспорте выступает централизованно управляемая система – структурное подразделение, которое осуществляет целенаправленную работу по психологическому обеспечению управления персоналом. Объектом психологического обеспечения системы управления персоналом на железнодорожном транспорте выступает ПАО

«Укрзалізниця», ее структурные подразделения, сотрудники (рисунок 1).

Цель психологического обеспечения системы управления персоналом на железнодорожном транспорте – создать оптимальные психологические условия для эффективного управления персоналом, формирования и развития профессиональной деятельности персонала, эффективного исполнения должностных (рабочих) обязанностей персоналом, обеспечение конкурентоспособности организации.

Предлагаемые нами этапы психологического обеспечения системы управления персоналом на железнодорожном транспорте (рисунок 2) определены, базируясь на диалектическом подходе [19]. Данный подход эффективен в разрезе функционирования персонала и клиентов организации, он дает возможность развивать всю систему, с одной стороны – это взаимоотношения между персоналом, обслуживающим отрасль железнодорожного транспорта, а с другой – отрасль дает возможность формировать взаимосвязи между организацией и обществом.

Подготовительный этап. Подготовительный этап проводится с целью определения параметров, тенденций и прогноза динамики внешнего и внутреннего окружения, оценки собственных ресурсов компании, актуальности внедрения психологического обеспечения и включает в себя следующие процессы: анализ стратегии управления персоналом; анализ факторов внешней и внутренней среды; подготовку программы проведения диагностики системы управления персоналом.

Анализ стратегии управления персоналом представляет собой оценку стратегии на соответствие требованиям внешней и возможностям внутренней среды.

В рамках подхода Дж. Иванцевича и А. Лобанова, которые выделяют пять типов бизнес-стратегий организации [20], стратегия управления персоналом ориентируется на конкретный тип корпоративной или общей стратегии организации (таблица 1).

Анализ внутренней среды должен охватывать все основные функции управления персоналом в аспекте организационного, технологического, информационного, кадрового срезов, а также учитывать специфические корпоративные характеристики системы управления персоналом, такие как наличие уникальных способностей, корпоративного стиля, организационной культуры.

В результате анализа внутренней среды выводится оценка стратегического потенциала в рамках поставленной цели: насколько по количеству и качеству ресурсов, состоянию функций и проектов система управления персоналом отвеча-

ет целевым требованиям. По окончании анализа проясняется картина сильных и слабых сторон организации в области управления персоналом. Методы: SNW-анализ – анализ сильных, нейтральных и слабых сторон организации, SWOT-анализ – подразумевает обозначение цели проекта и определение внешних и внутренних факторов, влияющих на достижение цели или наоборот, мешающих ее достижению [21; 22].

Анализ внешней среды демонстрирует стратегические условия реализации управления персоналом, позволяет оценить возможности и угрозы (экономические, политические, социальные факторы). Методы: SWOT-анализ, PEST-анализ – анализ аспектов внешней среды, которые могут повлиять на стратегию компании [22; 23].

Подготовка программы проведения диагностики системы управления персоналом включает в себя обоснование актуальности внедрения психологического обеспечения, определяет его цели и задачи, объект, предмет, ресурсы, методы и условия проведения, ожидаемые результаты, календарный план с указанием сроков проведения работ.

Основной этап. Основной этап включает в себя следующие процессы: проведение диагностики системы управления персоналом, анализ выявленных проблем и составление диагностической матрицы, проектирование психологического обеспечения системы управления персоналом, верификации проекта и внедрения психологического обеспечения системы/отдельных элементов системы управления персоналом в ПАО «Укрзалізниця».

Проведение диагностики организационной структуры и процессов системы управления персоналом (рисунок 3) на железнодорожном транспорте позволит определить первоочередные проблемы, разработать рекомендации по устранению проблем и разработать дальнейшую стратегию управления персоналом.

Руководству компании подается отчет о диагностике действующей системы управления персоналом.

В процессе проведения диагностики организационной структуры и процессов системы управления персоналом предлагается использовать ряд методов: методы сбора информации для диагностики (интервьюирование, изучение и анализ документации, анкетирование, экспертный метод и др.); методы анализа собранной информации (анализ проблем, системный анализ, экономический анализ, декомпозиция, композиция, структуризации целей, экспертно-аналитический, нормативный, корреляционный и регрессионный, матричный, последовательной подстановки, SWOT-анализ и др.); методы определения приоритетов проблем («дерево» целей, графа проблем, экспертные и др.).

Диагностический анализ собранной информации является инструментом выявления причинно-следственных связей в системе и служит основой для дальнейшего проведения анализа. Этот анализ направлен на выявление проблем «узких» мест, соответствие заявленным требованиям и обоснование выбора психологического обеспечения системы управления персоналом.

Результаты диагностического анализа вносятся в диагностическую матрицу (таблица 2), в основу формирования которой положен макет свода проблем и узких мест, выявленных в ходе диагностики организационной структуры, предложенный В. Созиновым [24].

По мнению автора, матричные формы представления и анализа информации являются не только чрезвычайно наглядной формой представления информации, но и формой, которая во многих случаях раскрывает внутренние связи между элементами, помогает выяснить и проанализировать наблюдаемые части структуры.

На основании результатов диагностического анализа рассматриваются рекомендации по усовершенствованию существующей системы управления персоналом, формируется организационно-функциональная модель психологического обеспечения системы управления персоналом

и разрабатывается паспорт проекта с детальным планом его реализации (таблица 3), который в максимальной степени способствовал бы развитию организации.

Следующим шагом после завершения проектирования будущей системы, согласования и подготовки исходных данных является проведение тестирования пилотного проекта и запуска в опытную эксплуатацию психологического обеспечения системы/отдельных элементов системы управления персоналом в ПАО «Укрзализныця».

Заключительный этап. Заключительный этап предполагает проведение диагностики эффективности внедрения психологического обеспечения системы управления персоналом в компании и при необходимости внесения изменений и дополнений.

Одним из элементов психологического обеспечения системы управления персоналом на железнодорожном транспорте, которое апробировано и внедрено в ПАО «Укрзализныця», является «Отбор персонала».

В рамках профессионального сотрудничества между Институтом психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины и ПАО «Укрзализныця» была осуществлена аналитико-экспериментальная работа по проведению психологической

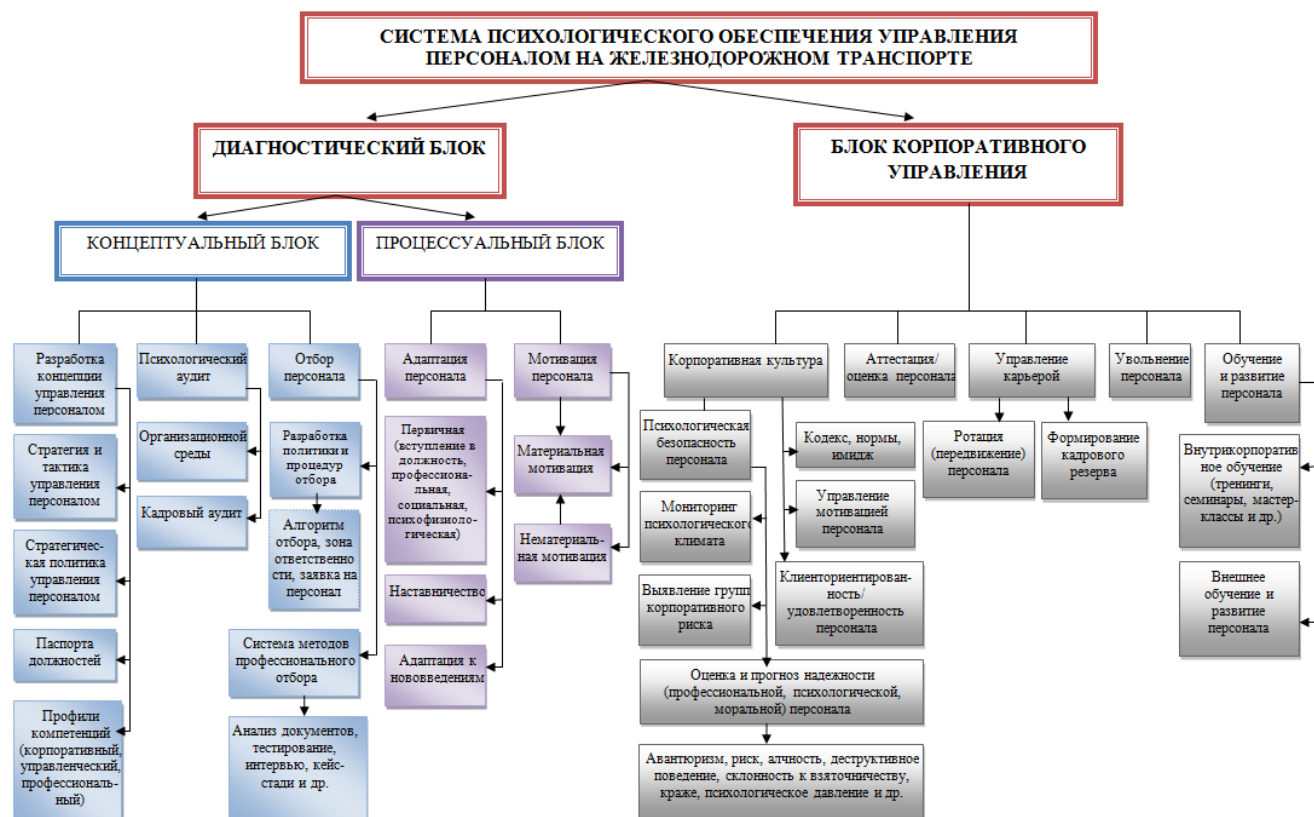

Рисунок 1 – Система психологического обеспечения управления персоналом на железнодорожном транспорте (С.Д. Максименко, О.А. Філь, Л.В. Ванченко [7])

Рисунок 2 – Этапы внедрения системы психологического обеспечения управления персоналом на железнодорожном транспорте (Л. Ванченко)

Таблица 1 – Типы бизнес-стратегий организации (Дж. Иванцевич, А. Лобанов [20])

Тип стратегии организации	Стратегия управления персоналом	Составляющие стратегии управления персоналом
<i>Предпринимательская стратегия</i> Принимают проекты с высокой степенью финансового риска, минимальным количеством действий. Ресурсное удовлетворение всех требований заказчика. В центре внимания – быстрое осуществление ближайших мер, даже без соответствующей проработки	Поиск и привлечение работников-новаторов, инициативных, контактных, с долговременной ориентацией, готовых рисковать, не боящихся ответственности. Важно, чтобы ведущие сотрудники не менялись	Отбор и расстановка персонала: поиск людей, способных идти на риск и доводить дело до конца. Вознаграждения: на конкурентной основе, беспристрастные, по возможности, удовлетворяющие вкусам работника. Оценка: основывается на результатах, не слишком жесткая. Развитие личности: неформальное, ориентированное на наставника. Планирование перемещений: в центре – интерес служащих. Подбор рабочего места, соответствующего интересам работника

<i>Стратегия динамического роста</i> Степень риска меньшая. Постоянное сопоставление текущих целей и создание фундамента для будущего. Политика организации и процедуры фиксируются письменно, поскольку они здесь необходимы и для более строгого контроля, и как основа дальнейшего развития организации	Сотрудники должны быть организационно закреплены, обладать гибкостью в изменяющихся условиях, быть проблемно-ориентированными и работать в тесном сотрудничестве с другими	Отбор и расстановка персонала: поиск гибких и верных людей, способных рисковать. Вознаграждения: справедливые. Оценка: основывается на четко оговоренных критериях. Развитие личности: акцент на качественном росте уровня и области деятельности. Планирование перемещений: учитываются реальные сегодняшние возможности и разнообразные формы служебного продвижения
<i>Стратегия прибыльности</i> В центре внимания – сохранение существующего уровня прибыли. Усилия, требующие финансовых затрат, скромные, возможно даже прекращение найма. Управленческая система хорошо развита, действует обширная система различного рода процедурных правил	Ориентируется на критерии количества и эффективности в области персонала, сроки – кратковременные, результаты – при относительно низком уровне риска и минимальном уровне организационной закреплённости сотрудников	Отбор и расстановка персонала: чрезвычайно жесткие. Вознаграждения: основываются на заслугах, старшинстве и внутри-организационных представлениях о справедливости. Оценка: узкая, ориентированная на результат, тщательно продуманная. Развитие личности: акцент на компетентность в области поставленных задач, эксперты – в узкой области
<i>Ликвидационная стратегия</i> Продажа активов, устранение возможностей убытков, в будущем – сокращение персонала. Почти или вовсе не уделяется внимание попытке спасти предприятие, поскольку ожидается дальнейшее падение прибыли	Ориентируется на потребность в работниках на короткое время, узкой ориентации, без большой приверженности организации	Набор маловероятен из-за окращения персонала. Оплата: основана на заслугах, медленно растущая, без дополнительных стимулов. Оценка: строгая, формальная, основана на управленческих критериях. Развитие личности: ограничено, основано на служебной необходимости. Продвижения: те, кто имеет требуемые навыки, имеют и возможность продвижения
<i>Стратегия круговорота (циклическая)</i> Основное – спасти организацию. Меры по сокращению затрат и персонала осуществляются с целью выжить в ближайшее время и обрести стабильность на длительную перспективу	Работники должны быть гибкими в условиях изменений, ориентироваться на большие цели и дальние перспективы	Требуются разносторонне развитые работники. Оплата: система стимулов и проверка заслуг. Оценка: по результату. Обучение: большие возможности, но тщательный отбор претендентов. Продвижение: разнообразные формы

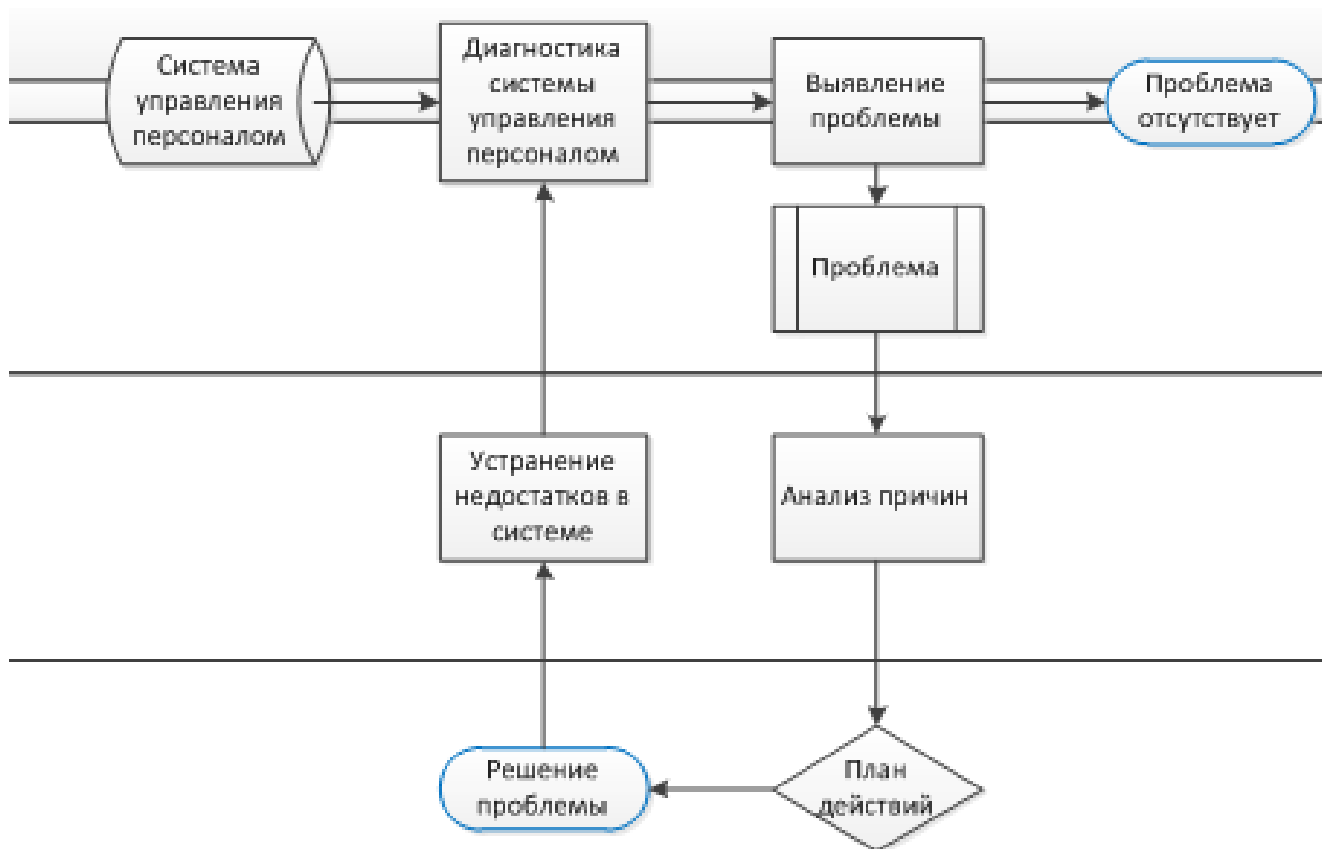

Рисунок 3 – Алгоритм проведения диагностики системы управления персоналом (Л. Ванченко)

Таблица 2 – Диагностическая матрица выявленных проблем

Проблемы, выявленные по результатам диагностического анализа	Среда возникновения проблем (внешняя/внутренняя)	Предложения по устранению проблем	Возможные проблемы при реализации предложений
1.			
2.			
3.			
4.			

Таблица 3 – Паспорт проекта психологического обеспечения системы управления персоналом

Наименование проекта	Проект психологического обеспечения системы управления персоналом ПАО «Укрзализныця»
Цель проекта	
Задачи проекта	
Сроки реализации проекта	
Ожидаемые результаты	

экспертизы основных нормативных документов, регламентирующих профессиональную деятельность начальника поезда (пассажирского), относительно психологического обеспечения их профессиональной деятельности и психологической компетентности.

Результаты проведенной работы отражены в разработке профилей психологических компетенций работников поездных бригад для обслуживания пассажирских поездов, разработке кейсов для изучения поведенческих паттернов начальников поездов в конфликтных ситуациях и прочее [7].

Еще одним важным элементом психологического обеспечения системы управления персоналом на железнодорожном транспорте, которое апробировалось в ПАО «Укрзализныця», является «Психологическая безопасность персонала», которая включает в себя: мониторинг психологического климата, выявление групп корпоративного риска, оценку и прогноз надежности (профессиональной, психологической, моральной) персонала.

Были выделены три основных вектора реализации антикоррупционной деятельности на железнодорожном транспорте (рисунок 4):

- антикоррупционная политика (антикоррупционная программа и формирование антикоррупционного сознания персонала, утверждение норм и внутренних этических стандартов);

- компетентность и подготовка персонала (разработка профилей компетенций руководящих должностей организации для формирования действенного кадрового резерва, управление карьерой персонала, обучение и развитие персонала, мониторинг психологического климата организации, оценки и прогноза надежности персонала, выявление групп корпоративного риска);

- контроль коррупционных рисков (внешний (общественный) контроль и внутренний контроль), обеспечивается единым центром формирования и реализации политики безопасности (экономической и информационной безопасности, предотвращения коррупционных правонарушений), вертикально интегрированный во все структурные подразделения организации [25; 26].

Востребованность этих направлений в работе со стороны руководства ПАО «Укрзализныця» свидетельствует об актуальности проблемы психологического обеспечения системы управления персоналом на железнодорожном транспорте и необходимости ее поэтапной интеграции в структуру, используя единые стандарты для всей системы.

Заключение. Внедрение психологического обеспечения системы управления персоналом на железнодорожном транспорте нами рассматривается как одно из ключевых стратегических

направлений по развитию системы управления персоналом на железнодорожном транспорте в рамках реформирования транспортной инфраструктуры Украины, которое предлагается реализовывать последовательно и комплексно через все элементы системы, что в целом позволит решить поставленные перед отраслью задачи.

Литература

1. Пушкин, В.Н. Железнодорожная психология / В.Н. Пушкин, Л.С. Нерсисян. – М.: Транспорт, 1971. – 240 с.
2. Основи соціальної психології: навчальний посібник / О.А. Донченко [та ін.]; за ред. М.М. Слюсаревського. – К.: Міленіум, 2008. – С. 16.
3. Бондарчук, О.І. Соціально-психологічні основи особистісного розвитку керівників загальноосвітніх навчальних закладів у професійній діяльності: монографія / О.І. Бондарчук. – К.: Наук. світ, 2008. – 318 с.
4. Карамушка, Л.М. Психологія управління закладами середньої освіти: монографія / Л.М. Карамушка – К.: Ніка-Центр, 2000. – 332 с.
5. Максименко, С.Д. Управлінська команда освітньої організації як чинник організаційного розвитку / С.Д. Максименко, Л.М. Карамушка, О.А. Філь // Психологічні та соціально-економічні основи забезпечення організаційного розвитку освітніх організацій: тез. наук.-практ. конф., м. Біла Церква, 22–23 травня 2008 р. / за наук. ред. С.Д. Максименка, Л.М. Карамушки, Н.І. Клокар. – К.: Наук. світ, 2008. – С. 9–14.
6. Максименко, С.Д. Лідерство як функція професійної психологічної компетентності особистості / С.Д. Максименко // Проблеми сучасної психології. – 2014. – Вип. 24. – С. 7–16.
7. Максименко, С.Д. Система психологічного забезпечення управління персоналом на залізничному транспорті: основні складові, здобутки, перспективи напрямку / С.Д. Максименко, О.А. Філь, Л.В. Ванченко // Залізничний транспорт України. – 2015. – № 6. – С. 55–65.
8. Філь, О.А. Психологічне забезпечення розвитку конкурентоздатності освітніх організацій / О.А. Філь; НАПН України, Ун-т менедж. освіти. – К., 2012. – 48 с.
9. Єфремова, А.Я. Дослідження специфіки професійної діяльності інженерів – електриків залізничного транспорту / А.Я. Єфремова // Слобожанський науково-спортивний вісник. – 2013. – № 4(37). – С. 25–29.
10. Компанієць, В.В. Стратегія підвищення якості управління та організаційного розвитку залізничного транспорту України / В.В. Компанієць // Вісник економіки транспорту і промисловості. – 2010. – № 30. – С. 154–170.
11. Перепелюк, А.В. Психологія делового об'єднання на транспорті / А.В. Перепелюк, Г.Д. Эйтулис. – Днепропетровск: Континент, 1996. – 180 с.
12. Самсонкин, В.Н. Отбор и подготовка персонала для обеспечения международных пассажирских перевозок / В.Н. Самсонкин, З.П. Мазуренко // Залізничний транспорт України. – 2009. – № 4. – С. 40–43.
13. Сердюк, В.А. Проблема нравственной культуры руководителей и специалистов железнодорожного транспорта России в представлении современников на рубеже XIX–XX вв. / В.А. Сердюк // Исторический ежегодник. – 2012. – С. 80–91.
14. Філатова, І.В. Дослідження психічних процесів у діяльності поїзних диспетчерів / І.В. Філатова // Environment & Health. – 2011. – № 4. – С. 50–54.
15. Зух, В.М. Досвід застосування психологічних методів управління кадрами у структурних підрозділах пасажирського сектору залізничного транспорту / В.М. Зух // Маркетинг і логістика в системі менеджменту пасажирських перевезень на залізничному транспорті: матеріали IV Міжнарод. наук.-практ. конф. – Київ: ДАЗТУ, 2014. – С. 114–116.

16. Климов, Е.А. История психологии труда в России: учеб. пособие / Е.А. Климов, О.Г. Носкова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 221 с.
17. Психологические проблемы управления персоналом на железнодорожном транспорте: сб. науч. тр. / науч. ред. В.А. Старовойт, В.Ю. Зверев; Моск. гос. ун-т путей сообщения, Каф. «Управление персоналом», Рос. акад. путей сообщения. – М.: МГУПС, 2000. – 115 с.
18. Філь, О.А. Система управління персоналом як психологічна складова та чинник конкурентоздатності сучасних організацій галузі залізничного транспорту / О.А. Філь // Маркетинг і логістика в системі менеджменту на залізничному транспорті: тез. V Міжнар. наук.-практ. конф. – 2015. – С. 121–125.
19. Шептулин, А.П. Диалектический метод познания / А.П. Шептулин. – М.: Политиздат, 1983. – 320 с.
20. Иванцевич, Дж. Человеческие ресурсы управления / Дж. Иванцевич, А.А. Лобанов. – М.: Дело, 1993. – С. 33.
21. Позубенкова, Э.И. Стратегический менеджмент: учеб. пособие / Э.И. Позубенкова. – Пенза: РИО ПГСХА, 2014. – 196 с.
22. Анализ внешней и внутренней среды организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.financemanages.ru/fins-334-13.html>. – Дата доступа: 05.04.2017.
23. Крупский, А.В. Факторы повышения эффективности инвестиционной деятельности организации на основе процессно-ориентированного управления и анализа потребительской рентабельности / А.В. Крупский // Проблемы управления социально-экономическими системами в условиях инновационного развития: сб. науч. тр. VII Регион. науч.-практ. конф. / Челяб. гос. ун-т. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2013. – С. 287–292.
24. Созинов, В.А. Исследование систем управления: учеб. пособие / В.А. Созинов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2004. – 293 с.
25. Vanchenko, L. Results of examination of system of psychological ensuring professional activity of the chief of the train (passenger) and aspects of psychological ensuring anti-corruption activity on railway transport. Fundamental and applied researches in practice of leading scientific schools / L. Vanchenko. – 2016. – № 3(15). – P. 16–28.
26. Ванченко, Л.В. Корпоративна культура як ефективний чинник антикорупційної поведінки персоналу на залізничному транспорті [Електронний ресурс] / Л.В. Ванченко // Конкурентологія та ринок праці: психологічні аспекти: зб. тез. I Міжнар. наук.-практ. конф. – Режим доступа: <http://umo.edu.ua/konferenciji-ta-seminari>. – Дата доступа: 30.03.2017.

Поступила в редакцию 03.09.2018 г.

УДК 159.972

Описание художественных картин индивидами с шизоидными акцентуациями личности

Фролова Ю.Г., Рудинская Д.В.

Белорусский государственный университет

Выявление индивидов с высоким риском развития психоза является высокоактуальной для современной клинической психологии задачей. Важными критериями такого риска выступают нарушения социальных когниций, избирательности и целенаправленности мышления.

Цель данной научной работы – изучение специфики составления рассказов по картинкам с различной степенью сюжетной определенности юношами и девушками с шизоидными акцентуациями характера.

Материал и методы. В исследовании, проведенном на выборке из 40 студентов и абитуриентов высших учебных заведений г. Минска в возрасте от 16 до 18 лет, использовались Патохарактерологический диагностический опросник и авторская методика составления рассказов по картинкам.

Результаты и их обсуждение. Индивиды с шизоидными акцентуациями характера при составлении рассказов по каждой из картин использовали большее количество фраз и слов, включали в тексты диалоги и речь от первого лица, а также большее количество не связанных с содержанием картины деталей. В свою очередь индивиды без шизоидных акцентуаций характера в большей степени ориентировались на содержание картины и раскрытие ее основной идеи. Выявленные в ходе исследования различия между экспериментальной и контрольной группами можно объяснить как дефицитом способности шизоидных личностей к пониманию чувств, взаимоотношений и поведения людей, так и их склонностью отвлекаться на несущественные ассоциации и подробности при подготовке текста.

Заключение. Характерные для шизоидной личности особенности мышления в наибольшей степени позволяют выявлять рассказы по картинкам с высокой и средней степенью сюжетной определенности.

Ключевые слова: шизоидная акцентуация характера, избирательность мышления, целенаправленность мышления, социальные когниции, критерии раннего риска развития психоза.

Descriptions of Paintings by Schizoid Individuals

Frolova Y.G., Rudinskaya D.V.

Belarusian State University

Identifying individuals with a high risk of psychosis is a relevant task to modern clinical psychology. Important criteria for such a risk are defects of social cognition, selectivity and purposeful thinking.

The purpose of this study is the determination of the specifics of composing stories on pictures with different degree of subject definiteness by schizoid young men and girls.

Material and methods. In the study, conducted on a sample of 40 students and university entrants in Minsk at the age of 16 to 18 years, the Pathocharacterological Diagnostic Questionnaire and the method for composing written stories on paintings were used.

Findings and their discussion. Schizoid individuals used a larger number of phrases and words to compose stories for each of the paintings, included dialogs and first-person speech in the texts, as well as a large number of unrelated details. In turn, individuals without schizoid personal traits were more guided by the content of the picture and the disclosure of its main idea. The differences between the experimental and control groups identified in the course of the study can be explained as a deficiency in the ability of the schizoids to understand the feelings, relationships and behavior of people, as well as their tendency to be distracted by irrelevant associations and stimulus when preparing the text.

Conclusion. Paintings with a high and medium degree of plot definition are the most useful for detection of schizoid thinking characteristic.

Key words: schizoid personality, selectivity of thinking, purposeful thinking, social cognition, criteria for early risk of psychosis.

Начало исследованиям шизоидной личности было положено Э. Кречмером, который ввел термин «шизоид» и описал основные черты характера таких людей. Многие из его наблюдений актуальны и по сей день. Шизоидная личность характеризуется сдержанностью, замкнутостью, тревожностью, отрешенностью от окружающего мира, слабыми социальными связями и сниженной способностью к пониманию эмоций окружающих. Еще в детстве можно заметить, как ребенок с шизоидными чертами отстраняется от сверстников, избегая массовых шумных игр, предпочитает находиться в одиночестве либо со взрослыми [1–4].

По контрасту с многочисленными работами, посвященными шизоидному характеру, особенности мышления психически здоровой шизоидной личности (в отличие от мышления больных расстройствами шизофренического спектра) исследованы явно недостаточно. Отмечается, что при решении задач они опираются на свое внутреннее мироощущение, их мысли не всегда систематизированы, носят абстрактный характер. Шизоиды не сковывают себя рамками социальных условностей, поэтому предлагают неожиданные решения. Им больше нравится сам процесс мышления, нежели его результат. Они легко генерируют идеи, однако не чувствительны к противоречиям и нарушениям логики в своих рассуждениях [4–7].

Уже в конце XIX века в описаниях шизоидов можно было встретить указания на предрасположенность этих людей к шизофрении, на определенное сходство их мышления с мышлением психотического больного. Современные клинико-

психологические подходы к работе с шизофренией основаны на раннем выявлении лиц с высокой вероятностью возникновения психоза, выработке у них более адаптивных стратегий мышления и поведения. К числу важнейших критериев риска развития психоза относят нарушение социальных когний, т.е. способности индивида выносить суждения о людях, их чувствах, взаимоотношениях и поведении, а также дефицит избирательности и связности мышления [8–11].

Методики, разработанные в патопсихологии для оценки шизофренического мышления, слишком просты для психически здоровых шизоидов. В связи с этим возникает проблема разработки нового инструментария для раннего выявления нарушений когнитивной сферы.

Одной из наиболее перспективных представляется методика составления письменных рассказов по картинам. Во-первых, она позволяет оценить именно социальное мышление индивида, а во-вторых, известно, что шизоидные особенности мышления наиболее ярко проявляются в тех случаях, когда форма и объем ответов не заданы экспериментатором [12].

Цель работы – изучение специфики составления рассказов по картинам с различной степенью сюжетной определенности юношами и девушками с шизоидными акцентуациями характера.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 40 студентов и абитуриентов высших учебных заведений в возрасте от 16 до 18 лет. Относительно небольшой характер выборки объяснялся значительными временными затратами на проведение и обработку результатов исследования.

Для определения степени выраженности акцентуаций характера у испытуемых использовался Патохарактерологический диагностический опросник (ПДО) [13]. По результатам его заполнения были выделены две приблизительно равные группы испытуемых (таблица 1). Экспериментальную группу составили студенты и абитуриенты со смешанными акцентуациями характера, в которых преобладал шизоидный компонент (шизоидно-истероидные, шизоидно-эпилептоидные, а также сензитивно-шизоидные). В контрольную группу вошли испытуемые без шизоидных черт характера.

После этого испытуемым предлагалось составить отдельные письменные рассказы по трем картинам с разной степенью сюжетной определенности, без дополнительных уточнений относительно их объема и содержания. В качестве стимульного материала были использованы следующие произведения: «Неравный брак» (В. Пукирев), «Девочка с персиками» (В. Серов), «Счастливый даритель» (Р. Магритт). Первая картина имеет высокую степень сюжетной определенности (наличие на картине двух и более персонажей, отображение художником их взаимодействия), вторая – среднюю, последняя – бессюжетная.

Анализ полученных текстов проводился в два этапа. На первом этапе составлялись стилистическая и содержательная характеристики текстов. В частности, оценивались:

- 1) полноценность сюжета;
- 2) наличие не соответствующих содержанию картины дополнений к сюжету;
- 3) соответствие содержания рассказа содержанию изображения;
- 4) степень буквальности при описании картины;
- 5) наличие диалогов и прямой речи в рассказе;
- 6) степень сложности предложений в рассказе (наличие сложносочиненных предложений, причастных и деепричастных оборотов);
- 7) среднее количество слов в рассказе.

На втором этапе проводился количественный анализ эмпирических данных. Использовался пакет статистических программ SPSS 21.0. Учитывая распределение данных и ограниченный объем выборки, применялись непараметрические методы математической статистики: U критерий Манна-Уитни, критерий Q Кохрена для связанных выборок, критерий Уилкоксона для связанных выборок.

В исследовании проверялась гипотеза о наличии в рассказах индивидов с шизоидными акцентуациями большего количества нестандартных дополнений к сюжету картины, по сравнению с контрольной группой, и о большей легкости составления текста по картине без сюжета.

Результаты и их обсуждение. Опишем основные характеристики полученных рассказов для каждой из картин.

Рассказ по стимульной картине № 1. Значимые статистические показатели различий между текстами, созданными представителями экспериментальной и контрольной групп, приведены в таблице 2.

Содержание большинства текстов (37 из 40) формально соответствовало сюжету картины: в них описывались церемония венчания, различия в возрасте и общественном положении жениха и невесты, гости. Однако для испытуемых экспериментальной группы было типично включение в рассказ большого количества информации и деталей, отсутствующих на картине (подробное, часто совершенно фантастическое описание прошлого жениха и невесты, пузырек с ядом, который невеста якобы держит в руке, слова и поступки невесты на венчании и т.п.). Фраз в их рассказах было больше, чем в рассказах испытуемых контрольной группы. Приведем фрагмент текста, подготовленного испытуемым с шизоидной акцентуацией характера: «Она была простой крестьянкой из не самой зажиточной семьи, работала в поле и никогда не задумывалась о завтрашнем дне. Её родители прошли отмену крепостного права, и все невзгоды, с ним связанные ...Когда ей исполнилось четырнадцать, родители, собрав те немногие гроши, что у них ...оставались от торговли неустраченными, отправили девочку учиться в далекий город Петра нашего первого. Это было великим делом для её отца, который считал образование самым важным свойством достойного человека, и именно такой он хотел видеть свою дочь. Но Петербург оказался холоден для нашей героини. Её образование там прервалось сменой названия города, да и не только...» (И27, номер после буквы «И» соответствует идентификационному номеру испытуемого). Далее испытуемый продолжает свой рассказ, полностью игнорируя содержание картины.

Испытуемые с шизоидными акцентуациями характера чаще были склонны вести рассказ от имени действующих персонажей картины: «Я не понимала, что происходит, откуда-то изнутри поднималась тревога. Такое чувство, что сейчас происходит что-то грандиозное, но все это проходит мимо меня. Как будто этого не должно быть. Строгие костюмы, до ужаса прекрасные платья... Хочется уйти» (И8); «Сегодня была моя свадьба. ...День был солнечный, и солнце яркими лучами светило с самого утра. Церемония была намечена на 11.00. ...Минуты ожидания казались вечностью. И тут появилась она... Солнце светило ей в спину, и в своем платье она казалась ангелом, спустившимся с небес. Она подошла ко мне,

улыбнулась и поцеловала меня, и мы вместе вошли в церковь» (И25). Обратим внимание, что в рассказе испытуемого № 25 проигнорированы реально отображенные на картине чувства персонажей. Эмоционально напряженная ситуация проинтерпретирована им как приятная.

Испытуемые контрольной группы верно описывали общий смысл происходящего и переживания действующих персонажей, их рассказы в большей степени строились вокруг непосредственного содержания картины. Они указывали на страдания невесты, надменность жениха, любопытство собравшейся в церкви публики: «Она всегда мечтала выйти замуж по любви. «“Ох, если бы у меня только был выбор...”», – говорила К. А он искал молодую и красивую. Он “купил” ее. Купил ее преданность, купил ее верность, купил заботу и честь. Но вот только любовь не продается» (И14).

Рассказ по стимульной картине № 2. Для испытуемых из обеих групп составление рассказа по картине «Девочка с персиками» представляло определенные трудности, поскольку личность героини картины, ее действия, прошлое и будущее зрителю неизвестны. Неудивительно, что, по сравнению с картиной № 1, в данном случае было получено наименьшее количество рассказов с завершенным сюжетом (всего 17) и наибольшее количество расширений сюжета (18), включений в него подробностей, не связанных с картиной ($Q_{\text{Кохрана}} = 13,24^{**}$). В текстах испытуемых с шизоидными акцентуациями характера содержалось значительное количество сложносочиненных предложений ($U_{\text{эмп}} = 110,5^{*}$), однако общее количество слов во втором рассказе было меньше, чем в первом ($Z = -2,642^{**}$, критерий Уилкоксона). Можно предложить различные объяснения этому явлению. В.П. Критская с соавторами полагает, что нарушения избирательности и целенаправленности мышления, характерные для шизоида, особенно ярко проявляются в условиях, когда ему предъявляются изображения или тексты, содержащие большое количество деталей, из которых нужно выбрать главные. В этой связи очевидно отличие картины № 2 от картины № 1 [12]. Кроме того, дефицит социальных когний приводит к затруднениям описания людей и их поступков в условиях недостатка информации [7; 8; 12].

Хотя все испытуемые, для того чтобы составить сюжетный рассказ, прибегали к описаниям семьи и прошлого девушки, испытуемые экспериментальной группы снова добавляли в текст необычные детали: «До этого она жила в поле и не ела подобной еды. Её отец работает обычным подгончим, а мать умерла, когда девочка родилась» (И7); «О Боже, здесь есть нож! Я чувствую запах

скорой смерти. Эта девушка уже взяла в руки моего коллегу, она держит его крепко, но пока я не знаю, собирается ли она его есть?» (И8, рассказ ведется от лица персика); «Её отдали на воспитание к бабушке, женщине невероятно строгой. И теперь она живёт с ней» (И10); «Её мать погибла во время родов, на баррикадах, оставив дочь с одним отцом» (И27).

Рассказ по стимульной картине № 3. Картина носит абстрактный характер, человек на картине представлен в виде прозрачного силуэта. Таким образом, по сравнению с картинами № 1 и 2, испытуемые получали максимальную свободу в определении содержания рассказа. Число бессюжетных рассказов во всей выборке значимо больше, по сравнению с рассказами по картине № 1 ($Q_{\text{Кохрана}} = 16^{**}$), однако сопоставимо с числом бессюжетных рассказов по картине № 2 (18 и 17 соответственно). Испытуемые экспериментальной группы демонстрировали склонность буквально интерпретировать картину, описывая силуэт мужчины как реального человека, со своей жизненной историей, стоящего перед домом, при этом они редко пытались разгадать замысел художника, подумать о философском смысле картины, игнорировали ее реальное содержание (таблица 3). Как и в предыдущих текстах испытуемых экспериментальной группы, здесь можно было заметить наличие никак не связанных с картиной дополнений, носящих фантастический характер: «Вообще, у всех, родившихся в этом доме, имена были такими: Глупый Финн, Толстый Том, Ленивая Джен. Но Джо был особенным. Видите ли, никто из живущих в доме не соответствовал своему имени: Финн был весьма умен, Том совсем не походил на толстяка, а Джен целыми днями трудилась, не покладая рук. И лишь Джо действительно болтал без умолку, чем невероятно раздражал домочадцев» (И4); «В его жизни настали самые что ни на есть темные времена. Он узнал, что его жена на протяжении пяти лет изменяла ему с его лучшим другом. Эта ночь стала для него самой ненавистной. Идя из бара, будучи уже в нетрезвом состоянии, Конан наткнулся на старика, который сидел возле берега, и смотрел вдаль» (И24). Некоторые рассказы испытуемых экспериментальной группы отличались чрезмерной краткостью: «Источник жизни под этим особняком. Вперёд, братья! Во лбу звезда горит» (И22). Что касается представителей экспериментальной группы, то они в основном полагали, что на картине отражается внутренний мир человека: «Вероятно, это несёт скрытый смысл. Возможно, <человек> представляет что-то скучное, обычное, которое, если приглядеться и расширить свой кругозор, превращается во что-то необычное и уникальное» (И15);

Таблица 1 – Представленность шизоидных черт характера в исследуемой выборке

Пол испытуемых	Акцентуации с шизоидными чертами характера	Шизоидные черты характера не выявлены
Девушки	11	10
Юноши	10	9

Таблица 2 – Различия в характеристиках текстов, составленных по картине № 1

Характеристика текста	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Значение статистического критерия
Среднее количество фраз в рассказе	12,33	6,32	$U_{\text{эмп}} = 102^{**}$
Количество рассказов от имени персонажа	10	2	$U_{\text{эмп}} = 125^*$
Количество рассказов с не соответствующими содержанию картины дополнениями к сюжету	10	3	$U_{\text{эмп}} = 136^*$

Примечание: здесь и далее * – значимость на уровне $p < 0,05$, ** – значимость на уровне $p < 0,01$.

Таблица 3 – Различия в характеристиках текстов, составленных по картине № 3

Характеристика текста	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Значение статистического критерия
Среднее количество фраз в рассказе	10,81	6,53	$U_{\text{эмп}} = 133,5^*$
Количество рассказов, в которых обсуждается философский смысл картины	10	2	$U_{\text{эмп}} = 133,5^*$
Количество рассказов с не соответствующими содержанию картины дополнениями к сюжету	9	2	$U_{\text{эмп}} = 135^*$

Таблица 4 – Различия в характеристиках текстов, составленных по трем картинам

Характеристика текстов (для каждого из испытуемых)	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Значение статистического критерия
Среднее суммарное количество фраз в трех рассказах	32,86	19,12	$U_{\text{эмп}} = 116^*$
Наличие диалогов и прямой речи в трех рассказах	0,5	0	$U_{\text{эмп}} = 142,5^*$
Среднее количество рассказов с не соответствующими содержанию картины дополнениями к сюжету	1,43	0,6	$U_{\text{эмп}} = 119,5^*$

Таблица 5 – Обобщенные характеристики рассказов (ЭГ – экспериментальная группа, КГ – контрольная группа)

Характеристика текстов (для каждого из испытуемых)	Картина № 1		Картина № 2		Картина № 3	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Среднее количество слов в тексте	128,24	83,74	92,14	62,79	119,1	77,74
Среднее количество фраз в тексте	12,33	6,32	9,71	6,26	10,84	6,53
Среднее количество рассказов с не соответствующими содержанию картины дополнениями к сюжету	0,52	0,36	0,43	0,11	0,48	0,17

«Сопоставление внутреннего мира фигуры, интерпретируемой как человек, и внешней среды. ... в каждом человеке его желания образуют собственный мир, который в данный момент может вовсе не соприкасаться с окружающей обстановкой» (И17).

Испытуемые контрольной группы в целом с большей легкостью и подробностью составляли рассказ по картине № 3, однако абстрактный характер данного изображения способствовал тому, что они полностью отвлекались от ее содержания.

Общее сравнение рассказов, подготовленных испытуемыми экспериментальной и контрольной групп. В целом испытуемые экспериментальной группы использовали большее количество фраз для составления рассказа, их рассказы содержали большее количество диалогов, а также не связанных с содержанием картины деталей (таблица 4).

Представленные в таблице данные свидетельствуют о том, что большие по объему тексты, подготовленные испытуемыми экспериментальной группы, были менее глубокими и более хаотичными по содержанию, чем тексты испытуемых контрольной группы. Уникальной для экспериментальной группы особенностью текстов было наличие диалогов и прямой речи, причем данные фрагменты либо подменяли собой рассказ, либо вообще были с ним мало связаны. Таким образом, гипотеза относительно нестандартности содержания рассказов по картинам у лиц с шизоидными акцентуациями подтвердилась.

Рассказы по картинам с различной степенью сюжетной определенности. Наибольшее количество неадекватных дополнений к рассказу во всей выборке отмечалось при предъявлении картины № 1, в то время как рассказы по картине № 2 были самыми короткими. Сводные характеристики текстов по всем трем картинам представлены в таблице 5.

Заключение. Шизоидные личности добавляли не связанные с содержанием картины детали во все тексты, в то время как в контрольной группе эта особенность наиболее ярко проявлялась в рассказе по картине № 1. Очевидно, что гипотеза

о большей легкости составления текста по бессюжетной картине индивидами с шизоидными акцентуациями характера не подтвердилась. Более того, на наш взгляд, для выявления нарушений социальных когний и избирательности мышления лучше подходят стимульные картины № 1 и 2, поскольку успешное составление рассказов по ним затруднено при наличии подобных нарушений. Результаты исследования свидетельствуют о том, что характерные для шизофренического процесса особенности мышления проявляются в слабой степени и у психически здоровых шизоидов.

Литература

1. Короленко, Ц.П. Личностные расстройства / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – СПб.: Питер, 2010. – 400 с.
2. Личко, А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – СПб.: Речь, 2010. – 256 с.
3. Мак-Вильямс, Н. Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе / Н. Мак-Вильямс. – М.: Независимая фирма «Класс», 2015. – 592 с.
4. Psychotherapy of Personality Disorders. Metacognition, States of Mind and Interpersonal Cycles / G. Dimaggio [and others]. – New York: Routledge, 2007. – 258 p.
5. Personality Disorders in Modern Life / T. Millon [and others]. – New Jersey: John Wiley & Sons, 2004. – 627 p.
6. Колесниченко, В.О. Значение характера в самореализации и саморегуляции творческой личности / В.О. Колесниченко // Ученые записки Орловс. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2. – С. 353–359.
7. Лебедева, Г.Г. Мышление при параноидной шизофрении и шизотипическом расстройстве: сравнительное исследование / Г.Г. Лебедева // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Психология. – 2015. – № 2. – С. 34–42.
8. Личко, А.Е. Шизофрения у подростков / А.Е. Личко. – Л.: Медицина, 1989. – 214 с.
9. French, P. Early Detection and Cognitive Therapy for People at High Risk of Developing Psychosis. A Treatment Approach / P. French, A.P. Morrison. – New Jersey: John Wiley & Sons, 2004. – 166 p.
10. Lenzenweger, F.M. Schizotypy and Schizophrenia. The View from Experimental Psychopathology / F.M. Lenzenweger. – New York and London: The Guilford Press, 2010. – 465 p.
11. Скугаревская, М.М. Продром шизофрении: синдром риска первого психоза: монография / М.М. Скугаревская. – Минск: Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2014. – 183 с.
12. Критская, В.П. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание / В.П. Критская, Т.К. Мелешко, Ю.Ф. Поляков. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 254 с.
13. Вассерман, Л.И. Диагностика характера подростков. Патохарактерологический диагностический опросник для подростков (ПДО). Краткое руководство / Л.И. Вассерман, А.Е. Личко, Н.А. Иванов. – СПб.: ФАРМиндекс, 2001. – 68 с.

Поступила в редакцию 03.09.2018 г.

Особенности развития структурных компонентов «образа Я» в период адаптации детей к условиям обучения в школе

Богомаз С.Л., Тимофеев Е.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются особенности развития «образа Я» в период адаптации младших школьников к условиям обучения в школе, а также производится анализ проблемы понимания сущности «образа Я».

Цель работы – выявление особенностей развития «образа Я» детей младшего школьного возраста в период адаптации к обучению в школе.

Материал и методы. Для изучения развития «образа Я» детей младшего школьного возраста в период адаптации к обучению в школе использовались психодиагностические методики. Анализ результатов произведен с помощью λ -критерия Колмогорова–Смирнова, а также применялся количественный и качественный анализ данных, полученных в ходе эксперимента. В исследовании приняли участие 90 учащихся в возрасте 6–7 лет.

Результаты и их обсуждение. Наше исследование проводилось на базе ГУО «Средняя школа № 6 г. Витебска». В эксперименте приняли участие 90 учеников первых классов (6–7 лет). Для того чтобы проследить динамику самооценки, тревожности и комфортности нахождения в школе, мы просчитали процентное соотношение результатов исследования, полученных на первом и втором этапах. При сравнении данных диагностики детей на первом и втором этапах можно сделать вывод о том, что статистически значимые изменения коснулись практически всех школ и произошли они в основном при адаптации к обучению в школе.

Заключение. Поступление в школу и адаптация к процессу обучения способствуют динамике реального «образа Я» ребенка. На эти изменения оказывают влияние отношения в семье и стиль поведения учителя. Уровень самооценки с высокой степенью корреляции связан с уровнем эмоционального комфорта нахождения ребенка в школе и тревожностью.

Ключевые слова: «образ Я», самосознание, самооценка, тревожность, личность, адаптация.

Features of the Development of Structural Components of “Me-Image” during Children’s Adaptation to the Conditions of Schools

Bogonaz S.L., Timofeyenko E.S.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

Features of the development of “me-image” during primary schoolchildren’s adaptation to the conditions of schooling as well as the analysis of the issue of understanding the essence of “me-image” are considered in the article.

The purpose of the article is finding out features of the development of primary schoolchildren’s “me-image” during adaptation to schooling.

Material and methods. To study the development of primary schoolchildren’s “me-image” during adaptation to schooling psychodiagnostic methods were used. The findings analysis was conducted with the application of λ – Kolmogorov-Smirnov criterion; the quantitative and the qualitative analyses of the research data were also used. Ninety 6–7 year old pupils participated in the research.

Findings and their discussion. Our research was conducted on the base of Secondary School No 6 of the City of Vitebsk. Ninety first year pupils at the age of 6–7 participated in the research. To trace the dynamics of self-esteem, anxiety and comfort of being at school we calculated the percentage of the research findings obtained at the first and second stages. In comparing the first and second stage children’s diagnostics data conclusion can be made that statistically significant changes took place at practically all the schools during the adaptation to schooling.

Conclusion. Starting school and adaptation to the process of schooling facilitate the dynamics of the real "me-image" of the child. These changes are influenced by relations in the family and the teacher's behavior style. The level of self-esteem highly correlates with the level of emotional comfort of the pupil at school and anxiety.

Key words: "me-image", self-consciousness, self-esteem, anxiety, personality, adaptation.

Одной из актуальных задач дошкольных детских учреждений на современном этапе является подготовка детей для наиболее быстрой адаптации ребенка к новым для него школьным требованиям, а у начальной школы – подготовка учащихся к самостоятельному совершенствованию своих знаний. Эта задача делает особо значимой проблему формирования «образа Я» ребенка и превращения его в подлинного субъекта учебной деятельности. Это требует умения всесторонне и объективно оценивать особенности своей личности и деятельности, а также умения взглянуть на себя со стороны, то есть определенного уровня развития «образа Я», в структуру которого входит самооценка ребенка.

Многочисленные наблюдения за детьми в начальной школе дают основания предполагать, что на быстроту адаптации (адаптация представляет собой социокультурно-интердетерминистский процесс согласования природных, биологических и психологических состояний, социокультурных диспозиций, направленный на достижение баланса (физиологического, психологического) во взаимодействии с непосредственным и опосредованным социальным и природным окружением [1]) к школьной программе и на успеваемость влияет уровень сформированности «образа Я» ребенка, а также уровень его самооценки. Дети с негативным «образом Я» имеют низкую самооценку, чаще всего – высокий уровень тревожности, они хуже приспосабливаются к школьной жизни, трудно сходятся со сверстниками, учатся с трудом. К тому же то, что ребенок думает о самом себе, является существенным фактором внутренней согласованности. Следовательно, в своих действиях он так или иначе руководствуется самовосприятием. Именно поэтому особую значимость приобретают вопросы целенаправленного формирования «образа Я» ребенка начиная с дошкольного возраста. Структура «образа Я», по мнению И.С. Кона, складывается из представлений индивида о своих особенностях, возможностях и т.д., а также самооценки, являющейся важным источником в понимании «образа Я». То есть можно выделить когнитивный и эмоционально-ценностный компоненты. «образ Я» в свою очередь влияет на поведение личности. И.С. Кон отмечает также, что по мере развития личности

«образ Я» становится более обобщенным, устойчивым и внутренне последовательным [2].

Р. Бернс представляет «Я-концепцию» как совокупность установок «на себя», а компонентами этой установки, по его мнению, являются:

- **«образ Я»** – представление индивида о самом себе;

- **самооценка** – аффективная оценка этого представления, потенциальная поведенческая реакция, то есть те конкретные действия, которые могут быть вызваны «образом Я» и самооценкой [3].

В.В. Столин понимает самосознание как процесс, с помощью которого человек познает себя и относится к самому себе. «образ Я» или «Я-концепция» в его трактовке – продукт такого процесса. «Представления о себе являются продуктом сознания, одновременно и его существенным условием моментов этого процесса» [4]. Различные аспекты «образа Я» В.В. Столин соотносит с различными проявлениями активности человека как организма, индивида и личности, то есть выделяется три уровня самосознания: органический, индивидуальный и личностный. Процессы самосознания на этих уровнях вносят различный вклад в целостный «образ Я».

В психологии большое количество исследований направлено на изучение такого компонента «образа Я», как самооценка. Самооценка понимается как центральный компонент личности, являющийся важным регулятором ее поведения и деятельности.

И.И. Чеснокова поднимает самооценку как фиксацию результатов познания себя; в ее эмоциональном компоненте выражается переживание того, что человек узнает в отношении себя [5].

Цель исследования – выявление особенностей развития «образа Я» детей младшего школьного возраста в процессе адаптации к обучению в школе.

Материал и методы. Исследование проводилось в два этапа: первый этап проводился в сентябре при поступлении детей в школу, второй этап в конце первой четверти.

Методики исследования были подобраны в соответствии с возрастом и ориентированы на измерение следующих показателей: самооценка, тревожность, эмоциональная тревожность. На первом и втором этапах исследования нами были использованы следующие методики: тест «Лесен-

ка» – направлен на исследование самооценки [6], состояния эмоциональной комфортности ребенка при нахождении в детском коллективе (при этом используется шкала: «Мне хорошо» в школе – «Мне плохо» в школе); «Тест тревожности» (Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен) [7], данный тест предназначен для определения уровня тревожности ребенка.

Наше исследование проводилось на базе ГУО «Средняя школа № 6 г. Витебска». В нем приняли участие 90 учеников первых классов (6–7 лет).

Результаты и их обсуждение. Для того чтобы проследить динамику самооценки, тревожности и комфортности нахождения в школе, мы просчитали процентное соотношение результатов исследования, полученных на первом и втором этапах.

По данным результатов «Теста тревожности» (Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен), полученных на первом этапе исследования, можно констатировать, что у 34,44% детей – высокий уровень тревожности, у 64,44% – средний уровень тревожности и у 1,12% – низкий; на втором этапе высокий уровень тревожности у 23,5% детей, средний уровень тревожности у 76,5%, детей с низким уровнем тревожности не выявлено.

Исходя из результатов, полученных по методике «Лесенка» на первом этапе исследования, видно: у 71,11% детей – завышенная самооценка, у 28,89% – высокая самооценка, детей с заниженной и низкой самооценкой не было выявлено; на втором этапе было установлено, что у 60,4% детей – завышенная самооценка, у 39,6% – высокая, детей с заниженной и низкой самооценкой также не выявлено.

Исследование состояния эмоциональной комфортности ребенка при нахождении в детском коллективе показало: на первом этапе было выявлено 41,7% детей, имеющих высокий уровень эмоциональной комфортности, средний уровень эмоциональной комфортности у 56,7% детей, количество детей, имеющих низкий уровень эмоциональной комфортности составило 1,6%; на втором этапе было выявлено 1,7% с высоким уровнем эмоциональной комфортности, со средним – 95,1% и с низким – 3,3%.

Далее нами проведен анализ полученных данных с помощью λ -критерия Колмогорова–Смирнова.

Использование λ -критерия Колмогорова–Смирнова позволяет производить сопоставление 2 распределений и установить статистически ли значимы различия между:

- а) эмпирическими данными с теоретическими;
- б) эмпирическими данными с эмпирическими.

λ -критерий Колмогорова–Смирнова позволяет анализировать данные порядковых шкал и используется для выборки, где $n_{1,2} > 50$ испытуемых.

Это соответствует требованиям данной работы, где в эксперименте участвовали 90 человек. При коэффициенте достоверности 0,05 $\lambda > 1,36$ расчетные данные будут больше $\lambda > 1,36$, а различия признаются статистически значимыми, и следовательно, будет наблюдаться определенная динамика по данным параметрам.

Для работы была разработана и составлена специальная программа на базе программного продукта «Excel», с помощью которой были рассчитаны λ -критерии для:

- реального «образа Я» детей по всем 7 шкалам, сравнивая попарно категории (самооценки);
- зеркального «образа Я» (мама) детей по всем 7 шкалам, сравнивая попарно категории (самооценки);
- зеркального «образа Я» детей (учитель) по всем 7 шкалам, сравнивая попарно категории (самооценки);
- идеального «образа Я» детей по всем 7 шкалам, сравнивая попарно категории (самооценки);
- эмоциональной комфортности нахождения ребенка в школе;
- тревожности детей.

Кроме этого, используя частоту выбора определенных параметров, можно сделать вывод о качественных изменениях самооценки, тревожности и эмоциональной комфортности в сторону снижения или повышения по мере взросления детей. Результаты расчета λ -критерия Колмогорова–Смирнова были сведены в таблицу, где жирным шрифтом выделены значения λ -критерия Колмогорова–Смирнова, которые дают основания утверждать, что по данным параметрам существуют статистически значимые различия.

При сравнении данных, полученных при диагностике детей на первом и втором этапах, можно сделать вывод о том, что статистически значимые изменения коснулись практически всех шкал и произошли они в основном при адаптации к обучению в школе. Таким образом, можно сделать вывод, что поступление в школу и адаптация к процессу обучения способствуют динамике реального «образа Я» ребенка. На эти изменения оказывают влияние отношения в семье и стиль поведения учителя. Уровень самооценки с высокой степенью корреляции связан с уровнем эмоционального комфорта нахождения ребенка в школе и тревожностью.

Зеркальный «образ Я» (мама)

При сравнении данных, полученных при диагностике детей на первом и втором этапах, можно

сделать вывод о том, что статистически значимые изменения коснулись шкал «смелый–трусливый» $\lambda = 6,081$ и «честный–лживый» $\lambda = 1,461$.

Зеркальный «образ Я» (учитель)

При сравнении данных, полученных при диагностике детей на первом и втором этапах, можно сделать вывод о том, что статистически значимые изменения коснулись шкал «честный–лживый» и «аккуратный–неряшливый» $\lambda = 6,081$.

Идеальный «образ Я»

Идеальный «образ Я» по мере взросления ребенка становится более детализированным и начинает отличаться от реального «образа Я».

Результаты подтверждают расчеты, полученные при сравнении данных тестирования детей на первом и втором этапах. Статистически значимыми и значительными были признаны изменения, коснувшиеся шкал «смелый–трусливый» и «честный–лживый» $\lambda = 6,081$ и менее значительными по шкале «аккуратный–неряшливый» $\lambda = 2,1$. Можно сделать вывод, что школьные требования и отношения с учителем и одноклассниками наложили определенный отпечаток на изменение структуры личности ребенка при адаптации к процессу обучения в школе.

Эмоциональная комфортность нахождения в школе

Изменения оказались статистически значимыми $\lambda = 2,83$. Это, видимо, связано с тем, что

поступление в школу – это огромный стресс для ребенка, ведь он должен не только привыкнуть к новым школьным требованиям поведения, стилю поведения учителя и его требованиям, но и обрести новый социальный статус как среди одноклассников, так и вообще вжиться в роль ученика.

Тревожность

Полученные данные тестирования на первом и втором этапах оказались статистически значимыми и значительными $\lambda = 6,081$.

Закключение. Можно сделать вывод, что школьные требования и отношения с учителем и одноклассниками наложили определенный отпечаток на изменение структуры личности ребенка при адаптации к процессу обучения в школе. Самооценка детей при адаптации к учебному процессу претерпевает изменения и становится более адекватной. Дети хотят быть хорошими и делать все правильно, чтобы заслужить похвалу учителя и родителей. Но так как они еще не полностью сориентировались в школьных требованиях и правилах поведения, то и тревожность, связанная с оценкой их деятельности, возрастает.

Ребенок в начале обучения чувствует себя некомфортно в школе, так как его поведение, успехи или неудачи подвергаются постоянному вербальному и невербальному оцениванию не только со стороны учителя, но и со стороны одноклассников и родителей. Поступление в школу и

Таблица – Результаты расчета λ -критерия Колмогорова–Смирнова

Категории	1. Хороший– плохой	2. Добрый– злой	3. Умный– глупый	4. Сильный– слабый	5. Смелый– трусливый	6. Честный– лживый	7. Аккуратный– неряшливый
Реальный «образ Я»	1	2	3	4	5	6	7
Первый этап – второй этап	2,373	1,824	1,917	6,081	0,730	1,734	1,643
Зеркальный «образ Я» (мама)	1	2	3	4	5	6	7
Первый этап – второй этап	0,730	0,822	1,216	1,278	6,081	1,461	1,216
Зеркальный «образ Я» (учитель)	1	2	3	4	5	6	7
Первый этап – второй этап	0,913	0,456	0,548	0,822	0,730	6,081	6,081
Идеальный «образ Я»	1	2	3	4	5	6	7
Первый этап – второй этап	0,639	1,216	1,216	1,216	6,081	6,081	2,100
	эмоцион. комфорт.		тревож- ность		λ крит.		
Первый этап – второй этап	2,830		6,081		1,36		

адаптация к процессу обучения способствуют динамике реального «образа Я» ребенка. На эти изменения оказывают влияние отношения в семье и стиль поведения учителя. Уровень самооценки с высокой степенью корреляции связан с уровнем эмоционального комфорта нахождения ребенка в школе и тревожностью.

Таким образом, структурные компоненты «образа Я» первоклассника в процессе адаптации претерпевают значительные изменения, так как на их становление влияет не столько знание о себе и своей состоятельности, сколько знание, которое ребенок начинает получать в основном через оценки своей успешности другими людьми: взрослыми и сверстниками.

Литература

1. Янчук, В.А. Метатеория психологического знания: теория и практика / В.А. Янчук [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 456 с.
2. Кон, И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание / И.С. Кон. – М.: Политическая литература, 1984.
3. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. – М.: Прогресс, 1986.
4. Столин, В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 286 с.
5. Чеснокова, И.И. Проблема самосознания в психологии / И.И. Чеснокова; АН СССР, Ин-т психологии. – М.: Наука, 1977. – 144 с.
6. Марцинковский, Т.Д. Диагностика психического развития детей: пособие по практической психологии / Т.Д. Марцинковский. – М.: Изд. Линка-ПРЕСС, 1997.
7. Практикум по возрастной психологии / под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. – СПб.: Речь, 2002. – 694 с.

Поступила в редакцию 10.07.2018 г.

УДК 316.663.23:331.102.3

Преобладающий тип просоциального поведения в помогающей профессиональной деятельности специалистов

Кухтова Н.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья посвящена изучению проблемы просоциального поведения в помогающей профессиональной деятельности специалистов.

Цель – выявить преобладающий тип просоциального поведения в помогающей профессиональной деятельности специалистов.

Материал и методы. Материалом являются результаты психодиагностических методик: «Измерение просоциальных тенденций» (Г. Карло, Б.А. Рэндалл, адапт. Н.В. Кухтовой), «Социальные нормы просоциального поведения» (И.А. Фурманов, Н.В. Кухтова), «Психодиагностический тест» (В.М. Мельников, Л.Т. Ямпольский), «Межличностный индекс реактивности» (М. Девис, адапт. Н.В. Кухтовой) и др. Методы математической статистики: вычисление средних значений, сравнительный анализ (Т-тест), регрессионный анализ.

Результаты и их обсуждение. Для определения преобладающего типа просоциального поведения специалистов помогающих профессий были взяты за основу зарубежные исследования (Carlo & Randall; Eisenberg & Mussen): анонимный, публичный, экстренный, уступчивый, эмоциональный и альтруистический. Так, по средним значениям был определен преобладающий тип просоциального поведения специалистов помогающих профессий, к которому относится экстренный и в большей степени является таковым для специалистов, напрямую не связанных с экстренным оказанием помощи (у социальных педагогов), и в меньшей – проявляется у сотрудников МЧС и МВД. При реализации ведущего экстренного просоциального поведения наблюдаются различные личностные характеристики специалистов помогающих профессий, определенные на основе регрессионного анализа. Сравнительный анализ проявления экстренного типа просоциального поведения показал, что существуют значимые различия с учетом специфики выполняемых профессиональных обязанностей.

Заключение. Профессиональная помощь – это деятельность, при которой необходимые компетенции связаны с просоциальным поведением и осознанно используются в процессе непосредственного взаимодействия с субъектом помогающей деятельности. К детерминантам, определяющим экстренный тип просоциального поведения, относится внешний фактор – присутствие случайных свидетелей в чрезвычайных ситуациях помогающей профессиональной деятельности. Специалист, ориентированный на оказание помощи, должен обладать соответствующими личностными особенностями, основанием которых являются проявление социальной ответственности и нормы справедливости, а также соответствующих определенной профессии мультикомпонентных качеств.

Ключевые слова: просоциальное поведение, эмпатия, альтруизм, преобладающий тип, помогающая деятельность, профессиональная деятельность, специалисты.

Predominant Type of Pro-Social Behavior in Helping Professional Activity of Specialists

Kukhtova N.V.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article is devoted to the study of the issue of pro-social behavior in helping professional activities of specialists.

The goal is to identify the predominant type of pro-social behavior in helping professional activities of specialists.

Material and methods. The materials of the article are the findings of psychodiagnostic methods: "Measurement of pro-social tendencies" (G. Carlo, B.A. Randall, adapt. N.V. Kukhtova), "Social norms of pro-social behavior" (I.A. Furmanov, N.V. Kukhtova), "Psychodiagnostic test" (V.M. Melnikov, L.T. Yampolsky), "Interpersonal index of reactivity" (M. Davis, adapt. N.V. Kukhtovoy) and others. Methods of mathematical statistics: calculation of average values, comparative analysis (T-test), and regression analysis were used.

Findings and their discussion. Foreign researches were taken to determine the predominant type of pro-social behavior of specialists of helping professions (Carlo & Randall; Eisenberg & Mussen): anonymous, public, emergency, compliant, emotional and altruistic types. Thus, by the mean values, the predominant type of pro-social behavior of specialists in the helping professions was an emergency type of pro-social behavior. It was manifested more among the specialists not directly connected with the emergency help (social teachers) and marked to a less degree among the employees of the Ministry of Emergency Situations and the Ministry of Internal Affairs. While implementing the leading emergency pro-social behavior, there are various personal characteristics of the specialists of helping professions, which were defined on the basis of regression analysis. The comparative analysis of the manifestation of the emergency type of pro-social behavior has shown that there are significant differences depending on the performed professional duties.

Conclusion. Professional help is an activity in which necessary competences are associated with pro-social behavior and they are consciously used in the process of direct interaction with the subject of the helping activity. The determinants of the emergency type of pro-social behavior include an external factor. It means the presence of bystanders in emergency situations of helping professional activity. A specialist who is focused on providing the assistance must have appropriate personal characteristics, the basis of which is the manifestation of the social responsibility and the rules of justice, as well as corresponding multi-component qualities of the particular profession.

Key words: pro-social behavior, empathy, altruism, predominant type, helping activity, professional activity, specialists.

Профессиональная деятельность – одна из важнейших составляющих активности человека, которая является системным сложным объектом изучения (О.А. Абдуллина, Н.А. Аминов, Б.Г. Ананьев, З.П. Беспалько, О.И. Галкина, В.И. Генецинский, Э.Ф. Зеер, Е.М. Иванова, А.К. Маркова, К.К. Платонов, В.Д. Шадриков, А.И. Щербаков и др.) [1]. При этом интерес к помогающей профессиональной деятельности достаточно высок (М.А. Гулина, Р. Кочюнас, Е.П. Кораблина, А.И. Сосланд, К. Роджерс, В.Н. Цапкин и др.) и определяется разнообразием сочетания детерминант профессии типа «человек–человек» и личности сотрудника (В.Б. Базилевская, Н.А. Ипполитова, А.А. Леонтьев, А.К. Михальская, А.А. Мурашов, М.Р. Саввова, З.С. Смелкова, О.Г. Усанова и др.) [1; 2]. В свою очередь профессии, ориентированные на оказание помощи, напрямую связаны с проявлением просоциального поведения, **компонентами** которого являются альтруизм, эмпатия, забота и сострадание. От специалистов помогающих профессий ждут вежливости, доброты, честности, порядочности, эмпатичности, отзывчивости, бескорыстности, ответственности и готовности помочь независимо от своего самочувствия и настроения, индивидуального подхода к каждому конкретному человеку и умения сопереживать горю других людей, сохраняя при этом спокойствие и эмоциональную устойчивость [2–4].

Термин «помогающая деятельность» появился в конце XX столетия в гуманистическом подходе, который являлся основным в социальной работе, медицине, педагогике и психологии (К. Роджерс) [5]; «проявляясь в конкретных поступках по оказанию помощи в той или иной сфере жизнедеятельности человека» (Е.П. Кораблина) [6]; поддерживая людей в чрезвычайных ситуациях, повышая его потенциал, передавая информационные, материальные и другие ресурсы, необходимые в кризисных и проблемных жизненных случаях [7]. Основной целью помогающей профессиональной деятельности является улучшение функционирования человека, которое носит непосредственный характер взаимодействия (К. Роджерс) [5] и включает в себя: педагогическую, медицинскую, социальную, психологическую и юридическую сферы [3]. Е.П. Кораблина, сопоставляя помогающую деятельность трех видов: медицинскую, педагогическую, психологическую, – указывает, что существуют противоречия, присущие всем видам такой деятельности, однако не выделяется юридическая и экстренная помощь [6]. При этом данные помогающие профессии похожи в своих целях, содержании, некоторых случаях-методах; имеют психологическую своеобразие, выражение которой позволяет развиваться и повышать помогающую функцию [8].

В свою очередь L.M. Brammer и G. MacDonald выделяют структурированную (как профессия и волонтерская работа) и неструктурированную

помогающую деятельность (дружба, семья, общество, группы самопомощи) [9]. Оба вида помощи базируются на помогающих отношениях и становятся профессией путем постепенной трансформации неструктурированной помощи в структурированную, т.е. когда субъект помогающей профессии целенаправленно и осознанно начинает использовать специальные компетенции. Однако существуют и другие формы проявления просоциального поведения, лежащие в основе помогающей деятельности. В свою очередь, профессиональная направленность оказания помощи может приниматься во внимание исходя из следующих аспектов: непрофессионального и профессионального, причем на различных уровнях (духовном, душевном, эмоциональном, интеллектуальном, социальном, юридическом, физическом и материальном).

Jackson & Tisak выделяют четыре варианта просоциального поведения, которые могут быть связаны с профессиональной деятельностью [9]:

- помогающее (отвечать другим, которые имеют дело с негативными последствиями, но не по своей вине);
- обменное (отказываться от своих собственных потребностей или желаний либо ресурсов, чтобы приносить пользу другому);
- сотрудничество (координация поведения, чтобы достичь конкретной цели);
- утешительное (действия, направленные на улучшение настроения другого человека), взаимодействие с другими людьми.

G. Carlo & B.A. Randall высказывают свое мнение о том, что просоциальное поведение – это неоднородная, многогранная структура, которая в различных поступках может быть конкретизирована посредством разнообразного контекста (анонимная, чрезвычайная или эмоциональная ситуация) и мотивы (альтруистический или гедонистический). На основе изученных теорий и экспериментальных положений (Carlo & Randall, 2001; Batson, 1998; Eisenberg & Fabes, 1998; Eisenberg, 1986) авторы определили шесть различных типов просоциального поведения [10]:

1) альтруистическое – является добровольной помощью, мотивированной главным образом заботой о нуждах и благополучии другого человека, которая часто порождается симпатией, а также интернализованными нормами и принципами, согласующимися с помощью другим;

2) уступчивое – это поведение, которое помогает другим людям, когда его просят;

3) эмоциональное просоциальное поведение – следствие оказания помощи при эмоциональных обстоятельствах, является реакцией на чрезмерное и личное страдание, вызванное чужим несчастьем (горем);

4) публичное (общественное) – мотивируется желанием получить одобрение и уважение других и повысить собственную самооценку и чаще возникает перед аудиторией (при наличии окружающих людей);

5) анонимное – помогающий не нуждается в оценке действий, связанных с оказанием помощи, так как, поступая таким образом, он остается верным ценностям, которые внутренне приняты им самим;

6) экстренное – касается проявления просоциальных поступков в чрезвычайных и трудных ситуациях.

Так, просоциальное поведение было определено рядом исследователей (Carlo & Randall, 2002; Eisenberg, 1992; Eisenberg & Fabse, 1998; Eisenberg & Miller, 1987; Eisenberg & Mussen, 1989) в качестве добровольного, преднамеренного поведения [9], являющегося центральным, так как связано с социальной компетентностью, академическим и профессиональным успехом. Зарубежными авторами отмечается, что при высоком уровне просоциального поведения, как правило, люди неплохо скорректированы, имеют хорошие навыки преодоления и самоконтроль (Eisenberg & Mussen, 1989), что необходимо для реализации профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий.

Цель – выявить преобладающий тип просоциального поведения в помогающей профессиональной деятельности специалистов.

Материал и методы. Материалом являются результаты психодиагностических методик: «Измерение просоциальных тенденций» (Г. Карло, Б.А. Рэндалл, адапт. Н.В. Кухтовой), «Социальные нормы просоциального поведения» (И.А. Фурманов, Н.В. Кухтова), «Психодиагностический тест» (В.М. Мельников, Л.Т. Ямпольский), «Межличностный индекс реактивности» (М. Девис, адапт. Н.В. Кухтовой), «Социально-психологические установки личности в мотивационно-потребностной сфере», шкала А «Установки, направленные на “альтруизм-эгоизм”» (О.Ф. Потемкина) [10–12]. Методы математической статистики (статистический пакет SPSS 11,0 для Windows): вычисление средних значений, сравнительный анализ (Т-тест), регрессионный анализ. В исследовании приняли участие специалисты, связанные с помогающей профессиональной деятельностью – 1531 человек: 307 медицинских работников, 302 работника МЧС, 304 психолога, 317 сотрудников охраны и 301 социальный педагог.

Результаты и их обсуждение. Для определения преобладающего типа просоциального поведения специалистов помогающих профессий были взяты за основу зарубежные исследова-

ния (Carlo & Randall, 2002; Eisenberg and Mussen, 1989), в которых представленное поведение сводится к категориям, основанным на мотивации, при этом эмоции в развитии просоциального поведения, мотивов и ценностей играют значимую роль. Данные типы содержат в себе: анонимный (оказание помощи анонимно), публичный (оказание помощи перед другими), экстренный (помогающий в чрезвычайных ситуациях), уступчивый (оказание помощи по просьбе), эмоциональный (оказание помощи в эмоциональных ситуациях) и альтруистический (помогающий без ожидания вознаграждения) типы [9; 10].

Так, по средним значениям был определен преобладающий тип просоциального поведения специалистов помогающих профессий, к которому относится экстренный. Следует отметить, что данный тип в большей степени является таковым для специалистов, напрямую не связанных с экстренным оказанием помощи (у социальных педагогов), и в меньшей – проявляется у сотрудников МЧС и МВД. Данный факт позволяет судить о том, что экстремальный тип деятельности основан на просоциальных поступках в чрезвычайных и трудных ситуациях и является сутью их профессиональной деятельности.

Так, специалист оказывает помощь просто потому, что другой человек нуждается в помощи, и ему приятно это делать в связи со сложившейся трудовой ситуацией. Данный аспект подтверждается:

– подходом с позиции принятия решения (Б. Латане и Дж. Дарли): осознание личной ответственности, восприятие необходимости, оценка вознаграждения и затрат, решение о том, как помочь [11; 12];

– моделью «затраты–вознаграждение» (Дж. Пилиавин и коллеги): оказание помощи в чрезвычайных ситуациях, следуя которой «человек, который видит, что другой страдает и нуждается в помощи, испытывает сильное негативное эмоциональное возбуждение и мотивирован помочь, чтобы снять свой дистресс и снизить возбуждение» [11; 12].

Однако при реализации ведущего экстренного просоциального поведения наблюдаются различные личностные характеристики (на основе регрессионного анализа) специалистов помогающих профессий:

1) для медицинских работников характерны: социальная ответственность, альтруизм, общительность, норма справедливости, децентрации и отсутствие сензитивности. Это проявляется в естественности и непринужденности поведения, готовности к совместной работе, внимательном и чутком отношении, добродушии, мягкости, общительности, отзывчивости. В жизни ко всему

подходят с логической меркой, стремятся всему отыскать разумное объяснение, практичны, трезво дают оценку обстоятельствам и людям, стремятся к самоутверждению, решительны, предприимчивы. Просоциальность проявляют всегда, если человек, который нуждается в помощи, находится в зависимости от него, действуют под девизом «Помоги тем, кто заслуживает помощи», принимают позицию другого человека, способны к децентрации: пониманию и распознаванию мыслей и чувств другого человека. Им свойственны забота и беспокойство о других, искренняя симпатия, стремление удовлетворять потребности других людей с целью улучшить их благосостояние в отсутствие какой-либо выгоды для себя;

2) для сотрудников МЧС: социальная ответственность, альтруизм, норма справедливости и взаимности. Им свойственны забота и беспокойство о других людях, искренняя симпатия, склонность удовлетворять потребности других людей, на их благо – безвозмездно. Помогают тем, кому необходима помощь, разделяют их страдания; ответственно относятся к различным социальным ситуациям для сохранения самооценки и ухода от чувства вины. Ориентированы на обменные отношения различной мотивации (альтруистическая и эгоистическая). Сотрудники удовлетворены распределением вознаграждения, если она пропорциональна участию каждого члена группы, и каждый человек получает «награду» в том объеме, в котором было установлено непосредственное участие в совместной деятельности;

3) для психологов: социальная ответственность, общая активность, нормы справедливости, затрат–вознаграждения, эмпатической заботы и децентрации. Психологи характеризуются: неиссякаемой энергией, предприимчивостью, публичностью, организаторскими способностями и лидерскими качествами. Стремятся к достижению поставленных целей, оказанию альтруистической помощи, способны понять эмоции других людей, испытывают чувства теплоты, сострадания и беспокойства о других людях;

4) для сотрудников МВД: социальная ответственность, уравновешенность, общительность, норма справедливости, фантазирование (сопереживание). Характеризуются заботливостью, обязательностью, добросовестностью, дружелюбием, спокойствием, невозмутимостью, общительностью, аккуратностью, корректностью, жизнерадостностью, естественностью и непринужденностью поведения, чутким и внимательным отношением к людям, добродушием и мягкосердечием, отзывчивостью, решительностью, уверенностью в своих силах, энергичностью и предприимчивостью, готовностью к сотрудниче-

ству. Они не завистливы, не проявляют соперничества, своеволия и честолюбия, подчиняются власти и авторитету. Им присущи вспыльчивость и, как следствие, невыполнение обещаний, непоследовательность и беспечность. Наблюдается тенденция понять чувства и действия людей в книгах, кинофильмах, играх с помощью воображения и представить возможности вымышленных людей. Сопереживание может возникнуть не только по отношению к наблюдаемым, но и воображаемым эмоциям (эстетическое сопереживание);

5) для социальных педагогов: депрессия, общительность, совестливость. Характеризуются старательностью, добросовестностью и обязательностью, аккуратностью в делах, ответственностью и добросовестностью, непринужденностью действий, внимательным и чутким отношением к людям, добродушием и мягкостью, отзывчивостью и общительностью, готовностью к сотрудничеству. Иногда не уверены в себе, не

способны к принятию ответственных решений. Считаются с моральными нормами, руководствуются чувством долга. Достаточно много друзей и знакомых, с легкостью сходятся с людьми, тоскуют в одиночестве, с удовольствием принимают участие в массовых мероприятиях, предпочитают работать и отдыхать в компании.

Так, практически у всех представителей помогающих профессий (кроме социальных педагогов) наблюдается проявление социальной ответственности и нормы справедливости, что свидетельствует о соблюдении нормы просоциального поведения.

Дополнительный сравнительный анализ (Т-тест) проявления экстренного типа просоциального поведения специалистов помогающих профессий показал, что существуют значимые различия в следующих случаях (рисунок 2):

– медицинские работники отличаются от сотрудников МВД и МЧС;

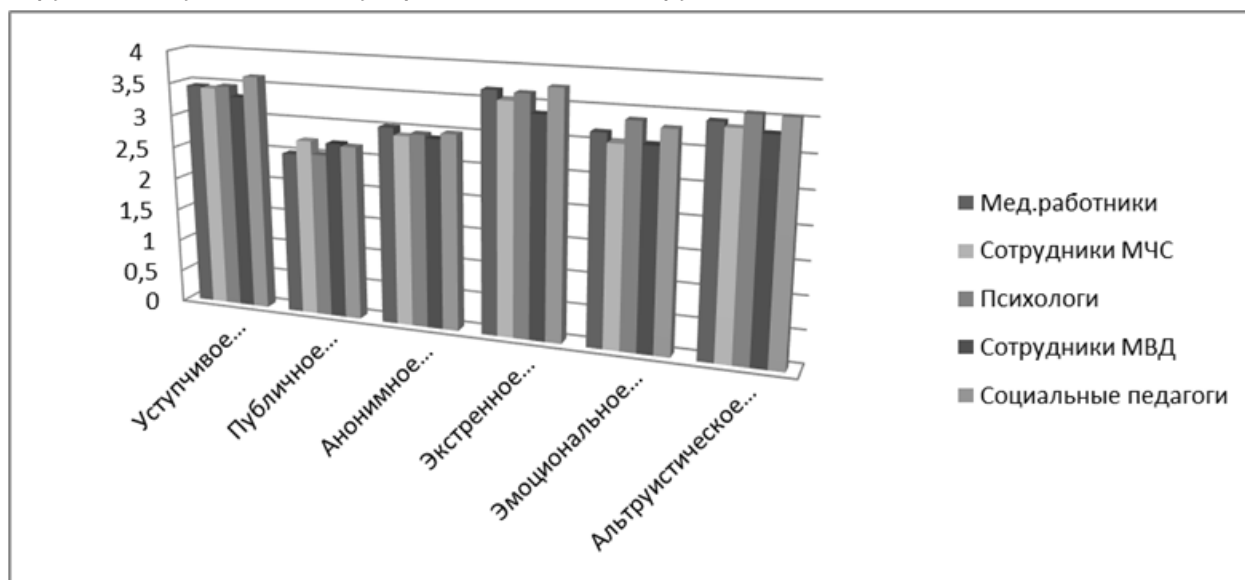

Рисунок 1 – Проявление типов просоциального поведения у специалистов помогающих профессий

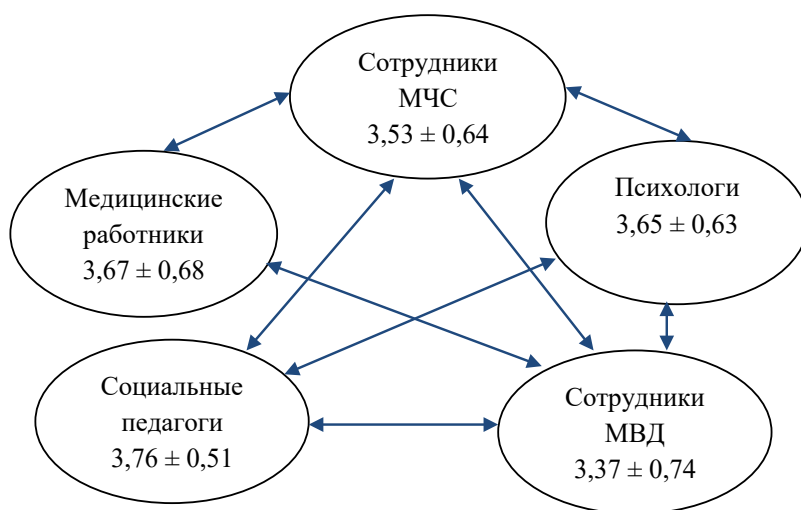

Рисунок 2 – Сравнительный анализ проявления экстренного типа просоциального поведения в помогающей профессиональной деятельности специалистов

- сотрудники МЧС отличаются от психологов, сотрудников МВД и социальных работников;
- психологи отличаются от сотрудников МВД и социальных педагогов;
- сотрудники МВД отличаются от социальных педагогов;
- социальные педагоги отличаются от сотрудников МЧС, МВД и психологов.

Однако значимых различий не существует при сравнении медицинских работников с психологами и медицинских работников с социальными педагогами [13–15].

Заключение. Таким образом, помогающие профессии имеют важное значение в многообразном профессиональном мире в силу своей направленности на поддержание оптимальной жизнедеятельности личности в социальной среде. В свою очередь профессиональная помощь – это деятельность, при которой необходимые компетенции связаны с просоциальным поведением и осознанно используются в процессе непосредственного взаимодействия с субъектом помогающей деятельности (клиентом, больным, учеником) с целью способствовать ему в личностном росте, развитии, лучшей жизнедеятельности, умении ладить с собой и другими.

Так, в целом обнаружено, что к детерминантам, определяющим экстренный тип просоциального поведения, относится внешний фактор – присутствие случайных свидетелей в чрезвычайных ситуациях помогающей профессиональной деятельности [15]. Данное исследование позволяет судить о том, что специалист, ориентированный на оказание помощи, должен обладать соответствующими личностными особенностями, основанием которых являются социальная ответственность и норма справедливости, а также соответствующие определенной профессии мультикомпонентные качества.

Литература

1. Зеер, Э.Ф. Психология профессий / Э.Ф. Зеер. – Екатеринбург, 1997.
2. Климов, Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях / Е.А. Климов. – М., 1995.
3. Ильин, Е.П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2013. – 304 с.
4. Шермазанян, Л.Г. Мотивация помогающего поведения в контексте житейской и профессиональной помощи / Л.Г. Шермазанян // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – № 5. – С. 257–289.
5. Роджерс, К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К.Р. Роджерс; пер. с англ.; общ. ред. и предисл. Е.И. Исениной. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 480 с.
6. Кораблина, Е.П. Теоретические и прикладные аспекты помогающей деятельности / Е.П. Кораблина // Изв. РГПУ имени А.И. Герцена. – 2003. – Т. 3, № 6. – С. 104–113.
7. Колчанова, Л.А. Помощь как профессиональная деятельность [Электронный ресурс] / Л.А. Колчанова. – Режим доступа: <http://sovla.ru/article.php?id=97&mode=art>. – Дата доступа: 07.11.2016.
8. Помогаящее поведение: ценности, смыслы, модели: коллект. монография / отв. ред., введ. М.Р. Арпентьева // Сер. Актуальные проблемы практической психологии: кризис, развитие, поддержка. – Калуга: Эйдос, 2016. – Вып. 1. – 340 с.
9. Anderson, C. An investigation into associations with attachment, companion pet attachment, empathy, and prosocial behaviors in 18–20 year old college students: a mixed methods study: dis. ... doctor or philosophy / C. Anderson. – University of Denver, 2010. – 122 p.
10. Hardy, S.A. Identity as a source of prosocial motivation in young adulthood: dis. ... doctor or philosophy / S.A. Hardy. – Lincoln: Nebraska, 2005.
11. Социальная психология / Ш. Тейлор, Л. Пипло, Д. Сирс. – 10-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 767 с.
12. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен; пер. с нем.; под ред. Б.М. Величковского; предисл. Л.И. Анцыферовой, Б.М. Величковского. – М.: Педагогика, 1986. – Т. 2. – 510 с.
13. Карягина, Т.Д. Тест эмпатии М. Дэвиса: адаптация в межкультурном контексте / Т.Д. Карягина, Н.В. Кухтова // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24, № 4(93). – С. 33–62.
14. Кухтова, Н.В. Экспресс-диагностика специалистов помогающих профессий / Н.В. Кухтова. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – 56 с.
15. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А.А. Ауэбаха. – СПб.: Питер, 2003. – 1096 с.

Поступила в редакцию 27.11.2018 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «**Материал и методы**» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «**Результаты и их обсуждение**» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. **Список литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:
– реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

– ключевые слова на языке оригинала;
– название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

– номер телефона, адрес электронной почты автора;

– рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

– экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal **“Law. Economics. Psychology”** publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section “Materials and Methods”;
- section “Results and Discussions”;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section **“Materials and Methods”** includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section **“Results and discussions”** the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section **“Conclusion”** must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated, as

well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews - at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

*Новый
Год!*

*Пусть Новый год, стоящий на пороге,
принесет Вам и Вашему коллективу как можно больше
амбициозных планов и решений по их воплощению,
ярких творческих озарений и новаторских идей.*

*Пусть желание двигаться вперед, энергия
и решительность добиться высот сопровождают Вас весь год.*

*И пусть тот теплый и домашний уголок,
который позволяет восстановить силы, будет самым уютным!*

С новым 2019 годом и Рождеством!